

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ

VI-VII

ПРАГА

1926

5-ый год издания.

5-ый год издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и
В. В. Сухомлина.

В каждом номере «ВОЛИ РОССИИ»: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1925 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), В. Гуревич, Е. Зноско-Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климускин, К. Кочаровский, И. Каллиников, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин, Ф. Мансветов, Н. Мельникова-Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград), Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшайд (Германия), Ван-Чу-Фу (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Дживанни Зиборди (Италия), С. Хондокорян (Армения), С. Янниос (Греция).

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена настоящего номера: в Чехословакии — 25 кр., Югославии — 30 дин., Болгарии — 40 лева, Франции, Бельгии, Турции — 20 фр., Англии — 3 шилл., Америке — 1 долл., Германии — 3 мк., Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Австрии — 25 ч. кр.

Адрес редакции и конторы:

„Volja Rossii“, Uhelny trh., Praha I. Tchecoslovaquie.

**В О Л Я
Р О С С И И**

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

**В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,
Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА**

5-ый ГОД ИЗДАНИЯ

VI=VII

П Р А Г А

PRAGA, UHELNÝ TRH CÍŠ 1

СОДЕРЖАНИЕ

Эдуард Эррио: Нож за сорок су	3
Парижские поэты. Стихи:	
Вадим Андреев	35
Ал. Булкин	36
Александр Гингер	37
Наталья Жемчужникова	37
Довид Кнут	38
Галина Кузнецова	38
Ант. Ладинский	39
Семен Луцкий	40
Валентин Парнах	41
Владимир Познер	42
Анна Присманова	43
М. Струве	44
Юрий Терапиано	45
Алексей Ремизов: Покажу вам дьявола	46
Егор Лазарев: Дмитрий Богров и убийство Столыпина	53
Д. Святополк-Мирский: «Крысолов» Марины Цветаевой	99
Б. Невидимцев: Московская мозаика	103
Эдуард Бенеш: Проблема славянской политики	113
Р. Гильфердинг: Война, разоружение и милитаристическая система	136
К. Кочаровский: Социальный строй России (окончание)	150
Е. Сталинский: «Переделка» России	161
В. Сухомлин: Политические заметки	186
Иностранная жизнь:	
М. Мартна: Политические партии в Эстонии	208
Среди книг и журналов:	
Д. Лутохин: Оргия пошлости	217
Н. Мельникова-Папоушек: А. Блок. Незданные стихотворения 1897 — 1919 г.	229
Отзывы о книгах:	
Ф. Репейников: Проф. Н. А. Белов. Физиология типов	233
Д. Лут.: А. Р. Кугель (Homo Novus). Листья с дерева	235
Григорий Радченко: М. Л. Хейсин. История кооперации в России	237
А. Ч.: А. А. Чупров. Основные проблемы теории корреляции	239

Нож за сорок су.

УБИЙСТВО*)

Спокойствие Шарлотты, ее последовательность, неизменная твердость ее воли поражают не менее, чем несокрушимая стойкость Марата. Два противника, не зная друг друга, идут одним путем с тем, чтобы неминуемо встретиться. Ни один мужчина не дерзнул на то, что сделала эта женщина. Если бы Дантон и Робеспьер сумели защитить революцию и от диктатуры и от слабоволия жирондистов, поединок был бы предотвращен.

5 или 6 июля Шарлотта отправляется в Вернов проститься с подругой. Эту подругу она застаёт за лущением гороха.

«Я пришла проститься с тобою, говорит она, я уезжаю и не хотела уехать, не поцеловав тебя».

6-го, по возвращении из Кана, она целый вечер сжигает брошюры, прокламации и газеты Жиронды. Безшумно, безмолвно пришла она к своему решению. И мысли о какомнибудь романе мы не должны допускать, хотя бы и Ламартин написал роман ее жизни. Ни увлечения молодым волонтером Франклином не было тут; ни игры на рояли, ни «Лунной сонаты», ни литературных украшений, ни метафор. Шарлотта умрет девственницей, безгрешная телом и душой. И как волнует

---

*) См. № № 3 и 4 «Воли России».

ничем не разувеченная действительность, один уже протокол следствия и суда над ней, хранящийся в «Национальном Архиве».

8-го июля Вимпфен уехал из Кана с тем, чтобы вступить в командование своей армией. Накануне Шарлотта была на военном параде, на смотре, который делал генерал Вимпфен национальной гвардии в присутствии изгнанных из Конвента жирондистов.

Энтузиазма федералистов нет основания преувеличивать; записалось всего семьнадцать волонтеров.

На то, чем поглощен был в эти решительные для него дни — Марат, дает указания комплект «Публициста Французской Республики», с содержанием которого мы, благодаря счастливой случайности, имели возможность ознакомиться.

В № 227-ом, от 27 июня 1793 г. напечатано письмо гражданина, советующего Другу Народа удвоить рвение. «Ты спишь, Марат? Или бдительность твоя тебе изменила? Ты все прозрел в своей пронизательности и действенном патриотизме; ты раскрыл заговор против свободы ; сотни раз ты спасал Республику от грозившей ей опасности.» И Марат отвечает: «Я не сплю, мой согражданин; но я прикован к кровати тяжелой болезнью и не в силах стоять на своем посту».

Номер газеты от 2-го июля 1793 года возносит республиканских волонтеров Вандеи, которые «дерутся, как демоны». Восстанию лионских «аристократов» посвящена добрая часть 232-го номера. Марат требует от Конвента призывания к порядку «этих изменников», отрицающих власти народного представительства.

Доносы занимают всего больше места в этих листках, очень жалкого, впрочем, вида и изобилующих типографскими опечатками. Но слово, наиболее часто встречающееся на этих столбцах, это — **отечество**. Нельзя читать без волнения длинную статью, которой начинается номер от 5 июля. Распространился слух, что волонтеры департаментов двинулись на Париж. «Друг Народа» ликует. Их прибытие, — полагает он, — будет

счастливейшим событием и торжеством парижан. «Они на нас идут, пишет он, только оттого, что вожди их, то есть недобросовестные главари, разлагающиеся аристократы, контр - революционеры, распространяя лживые прокламации, убедили их в том, что Париж весь в крови и огне, что шайка разбойников совершает там всякие преступления. — убийства, кражи, что она захватила все трибуны и под'езды Национального Дворца; что Конвент в плену у этой разбоничьей шайки и под угрозой кровавой расправы с ним, что она в заговоре с парижским муниципалитетом, который диктует законы народным представителям и стремится подчинить своей власти всю Францию, что особо Марат, злодей Марат, во главе своей партии, возведшей его в диктаторы, неистовствует в жестокости. Что же! Братья наши увидят, когда придут из департаментов в Париж, что здесь царит порядок и мир. Никаких отрядов вокруг Конвента с целью отрезать его от мира; ни грабежей, ни жестоких издевательств. И двухсот шагов не сделают по нашим улицам, как убедятся, что они гнусно обмануты и будут краснеть за свои ошибки. Если они пойдут в Конвент, то увидят там Святую Гору (La Sainte Montagne) всецело поглощенную заботами об общественном благе и борющуюся с остатками преступной банды только затем, чтобы мешать ей делать зло людям, и они будут проклинать бесчестных вождей, злоупотребивших их доверием».

В пятницу, 5-го июля, за четыре дня до того, как двинулась в дорогу Шарлотта Кардэ, этот трагический доброволец обращается с этим воззванием к братьям, которые, полагает он, введены в заблуждение; он хочет им показать верных граждан, защищающих и отечество и Республику. Он намерен ввести их в народные организации, показать им Сен-Жюста, Дантона, Робеспьера, «быть может, добавляет он, они пожелают видеть и диктатора Марата (слова эти объясняют, отчего и в каком душевном состоянии принял он Шарлотту) — и когда придут ко мне, то увидят несчастного, кото-

рый отдал бы все почести всего мира за несколько дней здоровья и которого народные бедствия удручают во сто раз больше, чем его собственная болезнь».

В дальнейших номерах своей газеты Марат требует объявления мятежных Капетов вне закона, требует немедленного отрешения Бирона и Кюстина*) от занимаемых им должностей, громит трусов, заседающих в Конвенте, и бездеятельность Комитета Общественного Спасения, требует немедленного подкрепления гарнизона в Майнце.

9-го июля, то есть в тот самый день, когда тронулась в путь Шарлотта Кордэ, он сообщает в своей газете о тайных переговорах мятежных жирондистов с Англией и о «достойной деятельности иных роялистов, которые с целью скомпрометировать его, осведомляют его о деятельности жирондистов в Нормандии». В пятницу 12-го июля (Шарлотта только что прибыла в Париж. Она могла уже читать этот номер «Публициста») Марат печатает статью под боевым заглавием «Воспрянем! Пробил час!» В статье этой он яростно нападает на Барбару, а дальше приводит проект закона, в силу которого жирондисты департаментов Эир и Кальвадос объявлены государственными изменниками. Это — последний вызов. Когда за подписью Марата выйдет номер «Публициста» от 14-го июля, самого Марата уже не будет в живых.

Но из всех этих выдержек из статей и речей Марата явствует, как заблуждался Мишлэ, утверждая, что сердце Марата как будто смягчилось в последние месяцы его жизни....

**

Шарлотта уехала из Кана 9-го июля, оставив отцу краткую записку: «Я уезжаю без вашего разрешения.

---

*) Бирон и Кюстин — генералы республиканской армии. Оба погибли на эшафоте в 1793 году.

Уезжаю, — не простившись с вами, оттого, что мне было бы очень тяжело. Я уезжаю в Англию...»

Это единственная за всю ее жизнь ложь. С твердой решимостью поставила она над всеми обязательствами в отношении семьи то обязательство, которое считала своим долгом в отношении родины. Возможно, что когда она уезжала из Кана, она была уже несколько разочарована в энергии жирондистов. В день суда над нею стало известно, что она говорила своей квартирной хозяйке в Париже, будто в Кане и тридцати жирондистов не было в те дни, когда в столице били тревогу по поводу жирондистского восстания.

В тот же день она делала попытки ослабить впечатление этих своих слов, так как до последней минуты старалась запугать Гору значительностью жирондистских сил. Несомненно, однако, слова эти были сказаны ею. И решение свое, она, повидимому, приняла в тот день, когда учла незначительность сил этих депутатов, которые занимались сочинением прокламации и песен в ожидании «конца анархии».

11-го июля она приехала в Париж и остановилась в отеле «Провидения» (Hôtel de la Providence в № 19 по улице Vieux-Augustins). Обойдем молчаливым внешне мнимо романтические подробности ее пребывания в Париже. Остановимся лучше на тех, что ярче освещают нравственное значение завязывающейся драмы. Она болтает с гарсоном в отеле и на его слова о том, что Марата считают честным гражданином, отвечает смехом. У Шарлотты письмо к депутату департамента Устье - Роны, Лоз де Перре, которое дал ей Барбару (речь идет о ходатайстве за лишнюю пенсию монахиню) вместе с пачкой газет. В первый раз она Лоз де Перре не застала дома. Она опять отправилась к нему в тот же день после обеда, решительно вошла в его дом и потребовала, чтобы он принял ее. Мы имели возможность ознакомиться с показанием Лоз де Перре. Ему пришлось объясняться в Конvente по поводу этого свидания. Он с достойной отвагой выдержал učinенный ему

допрос. Итак, в самый день своего приезда в Париж, Шарлотта два раза была у депутата Устья - Роны. Ушла она от него, лишь добившись обещания, что на следующий день он поведет ее в министерство Внутренних Дел.

В пятницу, 12-го июля, в шесть часов утра Лоз де Перре зашел за Шарлоттой и повел ее к Гарату*). Их не приняли и предложили придти опять в тот же день, около восьми часов вечера. Шарлотта вернулась в отель «Провидения» одна, ни одним словом не выдав своих намерений. В тот же день, однако, по распоряжению Конвента наложен был арест на корреспонденцию Лоз де Перре. Когда Шарлота опять явилась к нему, он посоветывал ей быть на стороже и найти себе другого руководителя. Она приняла это к сведению и с своей стороны ответила тоже советом. Как и Марат, эта женщина всегда готова к наступательным действиям. «Разделайтесь с Конвентом, говорит она, уйдите оттуда. Вы там ничего не делаете. А могли бы делать много. Уезжайте в Кан, где вместе с вашими товарищами будете служить народному делу.» Перре мог, конечно, противопоставить этому совету, не мало доводов. Мог ли он думать о бегстве, когда личной свободе его уже угрожала опасность? Они расстались. И тогда, оставшись одна вечером, пишет она свое «Воззвание к французам, друзьям законности и мира». В этой странице подлинный подъем, иные строки ее воскресают пафос Цицерона. Пламенное обращение к соотечественникам с мольбою спасти разорванную Францию, подавить партийные распри, восстановить национальное единство. Она намекает на Робеспьера и Дантона, без обиняков на Марата. «Встаньте, о, французы!» — взывает она словами Барбару.

Дальше она заявляет о своем решении убить чудо-

---

*) Жозеф Гарат — министр юстиции после Дантона.

вище, раз он сам поставил себя вне закона. Ни одной мысли, ни одной фразы, которая не была бы продиктована страшной любовью к родине («О, моя родина, твои несчастья разрывают мне сердце!»). «Я хочу, говорит она, чтобы моя голова, которую будут носить по улицам Парижа, стала объединяющим лозунгом для всех друзей законности.»

И для того, чтобы не оставалось сомнения в классической родословной ее республиканских убеждений, она заканчивает свое пламенное завещание цитатой из вольтеровского **Бруга**.

Евг. Дефранс в своей недавно вышедшей книге «Шарлотта Кордэ и смерть Марата» добросовестно и терпеливо исправил все исторические неточности в книгах его предшественников о Шарлотте. И мы будем дальше пользоваться добытыми им сведениями.

Утром, 13-го июля, Шарлотта покупает в лавке, в Пале Рояль, за сорок су нож с черным черенком в клеенчатом футляре, садится в фиакр и дает кучеру адрес Марата: улица Кордельер № 30. Ее в дом не пускают. Марат болен и приказал никого не принимать. Час спустя, Шарлотта опять приходит, но стучится к нему уже в квартиру. Этот раз она выслушивает отказ от подруги жизни Марата, от Симон Эрнар, с которой он, по выражению Верньо*) в один солнечный день сочетался браком на алтаре природы». Вернувшись в свой отель, Шарлотта письменно уже просит принять ее (точный текст этого краткого письма до нас не дошел). Ни одна из помех, служащих людям, слабым духом, не отвращает ее от намеченной цели. Письмо она отправила с посыльным. К вечеру, причесавшись у парикмахера, приклеив мушку

---

*) Верньо - политический деятель, арестован был вместе с жирондистами, казнен в 1793 году.

к щеке, она сама пошла за ответом. На тот случай, если бы ее опять не приняли, она заготовила новое письмо. Но это коротенькое в пять строк письмо не было вручено Марату. Его нашли у Шарлотты, когда ее арестовали и хранится оно в нашем «**Национальном Архиве**», Шарлотта, умело и лукаво подбирая слова, просит принять и выслушать ее. Она знает, какими словами можно воздействовать на Марата.

«Для того, чтобы получить право на ваше покровительство, пишет она, ведь, довольно и того, что я очень несчастна.»

Какой перелом произошел в ней за несколько часов? Или она заметила и учла то обстоятельство, что Марат окружен женщинами? Но свое темное платье она сменила другим, белым в черных крапинках, с глубоким вырезом, надела модный в то время цилиндр с шелковым бантом, повязала розовую свою тюлевую косынку и в правую руку взяла веер. Третья попытка ее увенчалась успехом. В семь с половиною часов вечера Шарлотта у **Друга Народа**.

Обойдем необоснованные клеветы, возводимые на Марата. В квартире его, точный план с которой был в свое время снят, и следа не было роскоши, какую ставила ему на вид г-жа Роллан. В этой квартире царил труд и в тот вечер заметнее, чем когда бы то ни было. Рассыльный принес тюк бумаги для типографии. Тут же и наборщик. В передней идет фальцовка брошюр. Передо мною сейчас экземпляр «Публициста» в восемь страниц, печатавшийся в тот день, 242-ой номер «Публициста Французской Республики». Марата, друга народа, члена Конвента, автора многих других патриотических трудов».

На этом номере эпиграф: *Ut redeat miserio, abeat fortuna superbis*, и дата: 14-е июля 1793 г. В нем точное, подробное описание событий, имевших место 17-го мая, в день, когда Кюстин и его главный штаб дали доказательство своего бессилия, бездарности, жестокого коварства и ограниченности. «Друг Народа», освещая

этот отчет, обвиняет Комитет Общественного Спасения в нерадивости и безразличии. Он обличает Барбару, как роялиста в душе и опаснейшего врага отечества.

Марат отдыхает в деревянной ванне, помещающейся в маленькой, облицованной красными кирпичиками комнате; на стене два повешенных крестом пистолета и карта революционной Франции. Перед ним, поперек ванны, доска, которая служит ему пюпитром; подле ванны на деревянной колоде чернильница. С тех пор, как «Друга Народа» мучает экзема, он большую часть времени проводит в своей ванне, с простыней, накинутой на обнаженную эту убогую, жалкую обстановку? Катерина Эрнар приносит ему питье, сделанное по его же рецепту, «целителя неисцелимых» — настой на глине и миндальной муке, приносит ему обед на двух тарелках: мозги и телячье вымя. В комнату эту входит Шарлотта, закрывает за собою дверь, садится на стул. Успела ли она заметить эту убогую, жалкую обстановку? Катерина Эрнар показывала потом, что когда она вошла в ванную, Шарлотта плакала. Завязывается разговор: о восстании в Кане, о восемнадцати бежавших туда депутатах. Я скептически отношусь к тем значительным словам, которые историки позднее приписывали действующим лицам этой драмы. Да и вся эта сцена, впрочем, согласно протоколу следствия, длилась не более четверти часа. Когда Марат записал имена бежавших в Кан жирондистов, главных должностных лиц департамента и пригрозил отправить всех этих контрреволюционеров на эшафот, Шарлотта быстро нанесла ему своим ножом смертельный удар. У нас имеется официальный документ — раппорт главного хирурга городской больницы, волнующий глубже любого литературного описания: «нож вошел через правую ключицу между первым и вторым ребром и так глубоко, что указательный палец мог проникнуть во всю длину в раненное легкое. Судя по положению внутренних органов, надо думать, что разорвана и сонная артерия». Протокол вскрытия подтвердил раппорт хирурга: удар, направленный спереди назад, справа налево,

сверху вниз; разорванная артерия и задетое левое сердечное ушко.

Все остальное уже внешние подробности: ручей крови по каменному полу, крик жертвы, зов на помощь, тщетные попытки Катерины остановить кровь, бежавшую из раны, которую она зажимала своей рукой; еще крики (слезы явились уже позднее), толпа, -- прежде всего соседи, лимонадчик с ближайшего угла, -- обычная в таких случаях картина, а там давка вокруг стоявшего у подъезда фиакра. (Шарлотта, повидимому, надеялась на возможность бегства), нарастающий поток всевозможных слухов, всеобщее лихорадочное возбуждение, негодование, переплетающееся с любопытством. Рассыльный Леба накинулся на Шарлотту со стулом в руках и повалил ее на пол. Она поднялась. Тогда он схватил ее за грудь и опять повалил. По словам одного из очевидцев, Шарлотта пыталась выброситься в окно. Мемуары Сансона воспроизводят сцены, происходившие в это время на улице. Но мемуары эти не история. Они написаны Бальзаком.

Мне хочется отметить одну лишь подробность, несомненную и поразительную. Вонзив нож в Марата, Шарлотта вынула его и положила на дощечку поперек ванны. Марат вскрикнул один только раз.

Когда на крик прибежала кухарка, Жанет Марешаль, глаза его были широко раскрыты, он еще ворочал языком, но говорить уже не был в силах. Дантист, жилец того же дома, тщетно пытается компрессами остановить кровоизлияние. Сердце его уже не бьется. Дальше идут обычные формальности: вокруг Шарлотты караул Национальной Охраны, — вооруженные люди, один из них держит ее за руки.

Марат умер мгновенно. Тело лежит на кровати, в спальне, подле окон с широкими богемскими стеклами. Первый допрос производится в смежной со спальней гостиной. Шарлотта отвечает на вопросы о звании, возрасте — ей двадцать пять лет, излагает причины ее приезда к Марату и умышленного убийства. Ни одной лжи, ни одного слова самооправдания. Молчит она лишь на

расспросы о Лоз де Перре. Обыск подтверждает все ее слова. Она спрятала за корсажем нож, «с остро отточенным лезвием» — для этого, вероятно, и надела она декольтированное платье. Дальнейшие подробности, извлекаемые историками из отчета Комитета Общественной Безопасности большого интереса и значения не представляют. Шарлотта с определенной целью приехала в неведомый ей Париж. Она освободилась от властно захватившей ее мысли. Ясно, что никаких угрызений совести она не испытывает. Ни крики толпы, ни угрозы ее, сдерживаемые безупречной твердой корректностью представителей власти, ни вопросы не смущают юной стойкости Шарлотты, быстро оправившейся от обморока. Она отлично владеет собою и когда после нескольких утомительных шумных часов — допросов, очных ставок, ее уже около двух часов утра увозят в тюрьму Аббатства, она и тут не обнаруживает ни малейшего волнения. При обыске в отеле, где она остановилась, кроме нескольких принадлежностей женского туалета (розовая шелковая юбка, шерстяные чулки, белый холщевый пеньюар, батистовые чепчики и косынка, несколько лент) нашли только адрес Лоз де Перре. «Французская Газета» (Gazette Française) от 14-го июля, излагая картину убийства, приписала Шарлотте такие слова: «Плевать; дело сделано, чудовища больше нет в живых». Действительно ли произнесла она эти грубые слова? Для тех, что в иной, более возвышенной плоскости сумели бы учесть трагизм этой драмы, существенно лишь то, что в момент встречи, у обоих противников в душе и на устах одно слово: **отечество.**

Это ли не родник неисчерпаемых размышлений?

КРАСНАЯ РУБАШКА

О том, какое впечатление произвела смерть Марата, дает представление напечатанный в «Мониторе» отчет заседания Конвента от 14-го июля.

Секция Пантеона читает адрес «Французскому Катону». — Секция Общественного договора просит Давида увековечить его черты. Конвенту вменялось в долг почтить память убитого депутата. Предмет начавшихся прений — жирондисты и их друзья. Сыплются обвинения на де Перре и Фоше. По адресу Шарлотты несколько лишь оскорбительных слов, не смотря на эффектное выступление Шабо*) с окровавленным ножом, от которого пал Марат. Оживление наступило с той минуты, когда заговорил Дантон. Де Перре, защищаясь, отвечал своим обвинителям смело и резко. Поднялась буря.

Кутон настаивал на том, чтобы все депутаты Кальвадоса привлечены были к революционному суду, так как дело шло о роялистском заговоре в союзе с Вандеей. Де Перре вызывающе отражал нападки. Конвент вынес постановление о том, чтобы Революционный Трибунал немедленно начал следствие против убийцы Марата и

---

*) Шабо -- отрешившийся от своего сана священник, которого якобинское рвение от эшафота не спасло. Одна из любопытнейших и интереснейших фигур в Французской Революции.

ее сообщников. Буря скоро улеглась, и необычное это заседание кончилось церемонияльным шествием секций. Хор, управляемый Шенье, пел, оркестр Национальной Гвардии вторил хору.

Несмотря на изъясления негодования и старания монтаньяров воздействовать на общественное мнение, у всех получилось впечатление, что товарищи Марата не очень угнетены были его смертью. В народных собраниях обмен мнений далеко не всегда отражает сокровенные душевные движения, ни того, что таится за молчанием. Партийным деятелям часто приходится поддерживать людей, которых они презрительно жалеют, или считают опасными.

Конвент дважды заседал еще 15-го июля. Решено было — всем членам Конвента присутствовать на похоронах Марата, затем уплатить его долги, если таковые окажутся. И все же, несмотря на это, и несмотря на пышную речь Друэ, не чувствовалось, чтобы Конвент глубоко скорбел о понесенной утрате.

А якобинцы? У них, как и в Конвенте, главари призывают к спокойствию и порядку. Но они настаивают на увековечивании памяти Марата, на апофеозе. Гражданину Бонваллэ, скульптору, поручено сделать слепок с его лица. Здесь, мы ближе к народу, к рабочему люду, к улице. Перенесемся мысленно в скудно - освещенный, накуренный зал, изображенный на рисунке, хранящемся в музее Каранаваллэ. Эстрада, на ней другое возвышение для оратора, внизу — море голов. Председатель братским лобызанием награждает полицейского, арестовавшего Шарлотту. Вносится предложение о приобретении якобинцами печатного станка Марата и продолжении его издания. В зале поднимается шум, переклики, шум, давка. Раздается голос Робеспьера. Что-то он скажет о Марате? Рискуя навлечь на себя подозрения в зависти, он возражает против внешнего возвеличения имени его товарища, против ненужных речей и почестей. В такие минуты надо думать только об отечестве, о том, чтобы обезвредить Питта, сыпавшего деньгами направо и

налево, о том, чтобы вернуть Кобургов и герцога Брауншвейгского на их территории. Не ограничиваться возданием посмертных почестей Марату надо, а прежде всего отомстить за него. Предложение Робеспьера принято. Но успокоиться на нем возбужденное народное воображение, конечно, не могло. Народ не всегда справедлив, но всегда чувствителен. И народ оплакивал своего друга.

Тем временем чуть ли не комическим финалом завершилась кампания жирондистов и их нормандских союзников. Если верить Луи Блану, то город Кан дал армии Вимпфена всего лишь семнадцать волонтеров. Вир послал двадцать солдат. Другие города Кальвадоса — ни одной души. Пришлось вызвать пять сот человек из Бретани и отдать их в распоряжение роялиста Пюезе. Париж послал тысячу двести солдат и триста жандармов. Первая стычка имела место при Верноне. В ночь с 13-го на 14-е июля роялисты рассеяны были, и даже без боя. Жандармы, рассказывает Мельян, выпустили в воздух три пушечных заряда и отряд противника мгновенно растаял. Это было опереточное сражение. Община Еврей «чисто-сердечно покаялась в своей ошибке.»

Вимпфен поднял вопрос об укреплении Кана - Луве и Салл колебались не решаясь вступить в переговоры с англичанами. Ответственные должностные лица в Кальвадосе перетрусили и чтобы снискать себе прощение за участие в восстании, на дверях самого Интендантства, где расположились жирондисты, наклеили декрет Конвента, объявлявший жирондистов вне закона. Бюзо, по собственному его призванию, пал духом. Друзья его двинулись к Финистеру. Вимпфен скрывался в Байе.

Начались мытарства жирондистов. В походных белых с красными каймами блузах, измученные, подавленные, голодные, питаются черным хлебом и скверным сидром, бредут они окольными дорогами, мимо деревень, над которыми несется набатный звон. Прячутся в лесных зарослях, распевают «Карманьолу», чтобы ввести в заблуждение преследующих их монтаньяров. Барбару с напуганной веселостью пытается успокоить об'ятого

смертным ужасом Риуффа, и откровенную ярость Петтиона.

Тело Марата набальзамировано, сердце — в свинцовом ларце. Во вторник, 16-го июля, гроб с телом перенесен в бывшую церковь Кордельеров, где приготовлен для него высокий помост, задрапированный трехцветными тканями. Народу показывали ванну и окровавленную простыню. Кругом гроба курились благовония и пылали факелы. Затем, потянулось многолюдное шествие. Впереди двенадцать человек тащили погребальную колесницу. За нею шла толпа молодых девушек в белых платьях, с кипарисовыми ветвями в руках. Во главе шествия члены Конвента. Секции, клубы, толпа — пели революционные гимны. Около полуночи процессия пришла наконец к саду при Кордельерах, где уже воздвигнут был каменный мавзолей. Не трудно представить себе какая тут была давка, какой стоял шум, каких усилий стоило оратору, чтобы добиться тишины, как не трудно представить себе и подъем толпы, волнующую величавость этого длинного двухчасового шествия, в свете факелов. Сердце, заключенное в агатовую урну, передано клубу «Кордельеров», где ее подвесили к сводчатому потолку. Один патриот произнес часто цитируемую речь: О, сог Jesu, о, сог Marat.

Давид, распорядитель торжества, высказал желание, чтобы Марат погребен был под каменными плитами, в подземельи подобном тому, куда он, по ходившей молве, часто уединялся от людей.

В речах, произнесенных после председателя Конвента, председателями секции, явственно звучит желание обелить Марата, смыть с его имени клеймо кровожадности, жертвой которой он пал. «Друг народа» оставался живым в памяти страждущих и обойденных. В народном воображении многообразно претворялся его облик. Разыгравшаяся драма стала достоянием общедоступных подмостков, и зрители проникались горячим сочувствием к

ея герою. Альбертина Марат напечатала в «ответ клеветникам на Друга народа» брошюрку в восемь страниц в которой утверждала, что брат ее умер нищим, не оставив ни одного су.

По распоряжению Конвента, гроб Марата торжественно перенесен был в Конвент. Процессия эта положила начало его посмертной славе. В одном собрании революционных документов я нашел следы этого медленно улегавшегося возбуждения. — Вот, на серовато — синей бумаге с виньеткой «Мemento мори» листовка, помеченная 20 июля 1793 г., в котором отец Дюшен изливает «свою великую скорбь по поводу смерти Марата, зарезанного потаскушкой из Кальвадоса, руководителем которой был епископ Фоше», и обращается к честным сан - кюлотам с советом быть на чеку, так как в самом Париже несколько тысяч попов, готовых передуть всех честных граждан своими жирными руками.»

Вот, с черной печатью Общества якобинцев — воззвание к французам, принятое в заседание от 26 июля 1793-го года, Марат в этом воззвании назван «часовым на передовом посту Общественной безопасности», стражем, который в целях более удачного изобличения изменников, добровольно стал в авангарде....

Вот скорбный гимн на мотив «Бедного Жака» и элегия, изданная в Монд д'Оре, у Памбо. Стиль их надо сказать, неотменный.

Amis, ornons sa tombe
De couronnes de fleurs,
Et que son hécatombe
S'élève dans nos cœurs.
Il était la lumière
Qui nous donnait le jour
La clique meurtrière
L'enlève à notre amour.

(Друзья, украсим гроб его цветочными венками. И да будет ему гекатомба в наших сердцах. Он был светом, озарявшим наши дни. Шайка убийц отняла его у нас).

В секции общественного договора гражданин Гви-ро произносит 9-го августа в присутствии членов Конвента, секций, должностных лиц, — надгробное слово — безвкусно — напыщенное, впрочем.... Марата сравнивают с Локком, Платоном, Франклином. В провинциальных городах тоже устраиваются в честь его торжества.

В Тоннере «Общество друзей Республики» собралось 4-го августа с тем, чтобы слушать оратора, поносившего Шарлотту Кордэ и возносившего мученика, Марата.

«Так исчез с лица земли и законодатель иудеев, дав народу среди молний и грома продиктованные ему свыше законы».

«Так вознесен был в небеса и основатель Рима, великий Ромулл, едва он успел дать своей стране законы, создавшие ее счастье и славу».

Тот же лиризм и в апологии, читанной в обществе «Единства» гражданином Саварром, и в речи, произнесенной перед членами секции «Копья» — 8-го августа 1793-го года в театре „Variétés amusantes“ — на бульваре Тампль, — поставлена была пьеса гражданина Гассье Сент - Аманда, на тему, «смерть Марата».

Автор с большей или меньшей точностью воспроизвел картину убийства. Спектакль заканчивался похоронным торжеством, инсценированным с искусным расчетом воздействия на массу; сцена изображала городскую площадь, по среди которой возвышалась эстрада. В четырех углах ее горели наполненные благовониями античные светильники. Под звуки печальной музыки медленно двигалась процессия. Хор пел:

O sort funèbre
Un fer barbare
Dans le Tenare *)
Plonge Marat.

---

*)Тэнар — реченка в департ. Саон и уазы.

Госсье де Сент - Аманд больших творческих усилий, очевидно, не делал для сочинения этой оды. Но в похоронном торжестве этом было много наивных сценических эффектов: барабанный бой, воины с спущенными копьями, женщины в белых платьях с черными вуалями, античный хор, статуя Брута на плечах одного участника процессии, солдаты национальной гвардии с свернутыми знаменами, дети с горящими светильниками. Тело Марата несли четыре римляне, за ними шел рабенок с плакатом в руках, на котором выведено было:

«Он умер за Республику».

Дальше — Симонь Эввар, популярность которой была в эти дни равной популярности ее друга, оттого, что Альбертина, сестра Марата прославилась в своей брошюре ее высокими нравственными качествами.

Народ, заполнивший верхние ярусы театра Variétés amusantes превратившагося в те дни в театр variétés magiques хором повторял куплет, который пел один из римлян, когда на тело «Друга народа» перед апофеозом, посыпался дождь цветов.

Повторяющиеся торжества использованы искусно. Иные оставили в народе след яркого воспоминания, как, например, похороны и торжество в Пантеоне, где члены Конвента шествовали позади триумфальной колесницы Марата, за ними отряды кавалерии, ученики военной школы, и сироты, дети павших защитников отечества. Национальная музыкальная Академия на этом торжестве встретила процессию «Гимном победе» Мегула на слова Шенье, «Гимном Братству» — Керубини.

Что хотелось бы знать, и чего мы никогда не узнаем, это то, о чем говорили между собою, и что переживали члены Конвента в общественном саду, где собирались разные организации перед тем, как выстроиться в процессию, где председатель Конвента прикреплял к знаменам лавровые ветки, предназначавшиеся Республикой для армий, или - же на площади Пантеона, когда перед водворением в Пантеоне тела Марата, докладчик Нацио-

нального Собрания прочел указ об исключении из Пантеона останков Оноре Риккети Мирабо.

Эти вновь и вновь повторявшиеся торжества диктовались не остывавшим подъемом масс 30-го брюмера национальные жандармы ссылают народ на торжественное открытие бюстов Брута, Марата и Лепелетье. Сколько речей, сколько слез! В другой день, республиканцы Ситэ (Cité) устроили торжество. Это нашли нужными инсценировать поклонение мученику от лица всех поколений и с этой целью к группе детей присоединили столетнюю старушку... На площади Нотр - Дам, меж двумя рядами тополей, убранных национальными кокардами, перевитых хмелем и дубовыми ветками воздвигнут был храм, где под статуей свободы размещены были бюсты. Но сердце народное неуголимо; оно жаждет воздать Марату все, что мнится ему полученным от него. Неудовлетворенное чувство горячей признательности разжигает в ораторах, в народных представителях это соревнование в обоготворении Марата. В Париже и в провинции, в предместьях столицы, как в маленьком городе Авр - Либр (бывший Руас) — любовью народа, часто впадающего в крайности, но всегда щедрого в выражении своих порывов, — диктуются эти гражданские стишки, в которых Марат воспевается на неожиданный мотив... Прелестной Габриелли. Каждый по своему чтит его память. Полэн Крассу, из департамента Эро, покорный вдохновеньям своей классической музыки, возносит Марата за то, что он взял на себя роль «бдительного гуся Капитолия».

Но в этот хор славословий врываются и ноты, нарушающая его стройность. В Метце вышел распространявшийся в Париже памфлет на «Преступную жизнь»... Марата, против «человека о 200.000 голвах и самого грозного вампира Республики»; тут уже можно уловить основу тех легенд, которыми скоро и прочно обростет память «Друга Народа», тут уже можно различить первый набросок того портрета, который позднее написан будет Тэном, портрет Марата, преображенного в ярма-

рочного знахаря, торгующего безвредными и бесполезными снадобьями в нечистоплотного писаку. Были и пародии на все эти гиперболическия восхваления. Но ни критика, ни сатиры не могли остановить проявлений пламенной признательности подлинного благоговения перед именем Марата.

Поражает в этой тьме брошюр совсем другое: если Марат в них превознесен чрезмерно, то по адресу Шарлотты Корде, не считая нескольких слов сурового осуждения, — хулы резкой несравненно меньше, чем по адресу жирондистов. Эта эпоха, лишенная всякого критического чутья, эпоха людей, изысняющихся только метафорами и гиперболами, и по всякому поводу ссылающихся на классическую древность, — чтит прежде всего героизм и во всех его проявлениях. Не прошло недели после убийства Марата, как у Шарлотты тоже оказались если не сторонники, то во всяком случае, — почитатели. Подтверждением этому служит то, что уже 21-го июля, то есть в первое воскресенье после убийства Марата главный совет департамента Парижа счел нужным расклеить по городу афиши, порицавшия слишком мягкие суждения журналистов. Надо было оказать противодействие явно - снисходительному отношению общества к Шарлотте Корде. «Это — сказано на этой случайно сохранившейся афише — мужественного вида женщина — не столь свежая, сколько плотная, лишенная всякой грация, неопрятная, как все философы и синие чулки. Лицо у нея жесткое, дерзкое, вульгарное, со следами рожи (сик!) но кожа белая, щеки красные, она молода, полна, и откровенно - тщеславна, — вряд - ли она кого поразит на суде своей внешностью». — Говорили с сокрушением о ея молодости. Ей было всего двадцать пять лет.

«Это существо, по нашим понятиям, почти старая дева, и этому впечатлению способствует ея не женственная фигура и мужские манеры». — Надо добавить, однако, что автор этой афиши избегает крайностей. Он обвиня-

ет Шарлотту лишь в том, что она слишком увлекалась политикой и философией, и гордилась этим. Словом., афиша эта, расклеенная по стенам города, в назидание гражданам, дабы оне не грешили против определенной им женственности, рисует портрет Шарлотты не лишенный наблюдательности, ни даже правдивости.

«Она показала себя за короткое время и в выполненном ею замысле, жестокой, твердой, наглой; высокомерной в письме к Барбару, надменной и настойчивой у дверей Марата. Она сказала вся и в том, что избрала своим другом Барбару, самонадеяного и наглого, и де Перре, жестокого, упрямого и вездливого. Она жалуется на упрямство де Перрэ, но в каждом слове ее сквозит желание, чтобы и у других хватило решимости ему подражать, и не хватило воли ему противодействовать. Но она инстинктивно отдаляется от спокойного, холодного Петюна, благоразумная сдержанность, которого не отвечала ея шалому характеру. На тайных собраниях в Кане она не выделяла своим вниманием Гуадэ, хотя этот по складу ума и душевным своим качествам должен был бы нравиться ей. Но Гуадэ не лишенный чувства достоинства, не умел ей льстить, лукавить, и унижаться перед нею, как это делал Барбару.»

Автор этой ценной афиши — имя его, — к сожалению не известно, очевидно, и сам не устоял против впечатления, произведенного процессом Шарлотты Кордэ, так же, как и народ, который он старался предостеречь от влияния ее личности.

14-го июля Фукье - Тенвилль потребовал у начальника парижской полиции в свое распоряжение убийцу Марата, протокол, и все вещественныя улики с тем, чтобы немедленно представить их Революционному трибуналу. Для восстановления истории следствия и суда я пользовался материялами наших архивов. Из многих документов я выбрал небольшую связку бумаг с кратким резюме на первой странице: «Приговор от 17-го июля 1793-го года. Смертная казнь». — К делу приложена и резко - властная записка Фукье, собственноручно им на-

писанная. Гое, министр юстиции, убежденный в том, что следствие должно вестись быстро и образцово, в свою очередь торопит парижского мера, Паша.

В соучастии Шарлотте заподозрен был священник Жак Ру. Посыпался дождь доносов. Одна гражданка слышала из уст человека в пестром коричневато-го тона шелковом сюртуке слова, которые показались ей подозрительными. Другой гражданин видел, как в отель Провидения, где остановилась Шарлотта входил толстый человек, с угрватым лицом и в шляпе с загнутыми полями. Кто мог поверить тому, что эта нормандская девушка, действовала без сообщников и в силу своих политических убеждений. На всех углах улиц сочинялись романы.

Тем временем Шарлотта ждала своей участи в тюрьме Аббатства, — в той самой камере, которую раньше занимала мадам Роллан. В эти часы «во второй день приготовления к заключению мира» пишет она Барбару письмо — спокойное, простое, ясное, полное такой светлой бодрости, что нельзя без благоговения читать и перечитывать его. Она исписала несколько страниц — эти драгоценные страницы находятся в нашем Национальном Архиве — своим твердым ровным, почти мужским почерком, — без помарок и без поправок. Это завещание похоже на какое то обязательство. Жирондистский депутат, очевидно, взял с нея обещание, что она пришлет ему точное и подробное описание своего путешествия. Она выполняет обещание, и описывает поездку в Париж, не упуская ни одной подробности, тревожится о тех, кого беспокоят из за нея, и ни слова тревоги о себе самой... она исполнена искренней радости. «Наконец-то наступит мир! Наконец-то Франция исцелится от гражданской войны!» Она всецело поглощена этой мыслью, и она равнодушна к предстоящему допросу. С презрением упоминает она о свидетелях, пользующихся случаем, чтобы показать себя в выгодной роли, и беспощадна к Марату и его памяти. И тут сказалась присущая ей неизменная гордость. Она говорит о газетах, прочитан-

ных ею, об удивлении Петiona, не верившего в задачу, какую она взяла на себя, на суде она скажет, что это письмо она написала «для нескольких человек». Она не знает к счастью о печальном исходе затеи жирондистов, с малочисленности и трусости волонтеров. Над Парижем она подтрунивает. И обо всем с совершенным и непринужденным хладнокровием. Стоит привести хотя бы одну эту изумительную фразу: «Вот уже два дня как я глубоко наслаждаюсь близким миром. Счастье моей родины — мое счастье.» — Или эти слова, выражающая такой благородный завет. — «Радость, какую мы черпаем в самопожертвовании несравненно значительнее усилий, каких требует от нас самопожертвование». —

Целомудренная нежность Шарлотты к Барбару несомненна. «Большинство моих писем, если их найдут, в сущности лишь его портреты». Нежность, давно рожденная общей преданностью одной идее; идеалистическая нежность мечтающая о встрече в «Елисейских полях с Брутом и другими героями древности»; нежность твердой и неизменно верной себе души. Но любовью подлинной Шарлотта любила Францию и Республику, и лишь искренностью этого чувства продиктовано это завещание, озаренное улыбками, и заканчивающееся поистине величавыми в своей простодушии словами: — «Пишу песни, за этим занятием провожу тут время» —

Она просила граждан из Комитета Общественной Безопасности, чтобы ей прислали художника - миниатюриста она не хочет быть забытой, и мысль об этом занимает ее...

Утром 16-го июля ее увезли из Аббатства и в одной из зал дворца юстиции она предстала перед председателем суда, Монтанэ, Фукье - Тенвиллем, и секретарем суда, Робертом Вольфом. Облик Фукье-Тэнвилля известен: низкий лоб под шапкой густых черных волос, круглые блестящие глаза, короткий рябой нос, бритые тонкие губы. (Г. Ленотр воспроизвел набросок сделанный с него в революционном трибунале.)

Жак - Бернар Мари Монтанэ был до революции кадровым офицером в Тулузе.

Сцена допроса Шарлотты Корде неоднократно воспроизводилась в печати, как и ее прямые, решительные ответы. Она начала с заявления, что приехала в Париж только с тем, чтобы убить Марата.

Вопрос: Какия причины побудили ее совершить такой ужасный поступок?

Ответ: Все совершенные им преступления.

Вопрос: В каких преступлениях она обвиняет его?

Ответ. Разорение Франции, и гражданскую войну, которую он разжег во всей стране.

Вопрос: Какими доводами могла бы она подтвердить свое суждение?

Ответ: Доводы — цепь преступлений, совершенных раньше и в последнее время. Это он был застрельщиком сентябрьских убийств; это он распался гражданскую войну с тем, чтобы провозгласить себя Диктатором или чем-то в этом роде, и он же посягнул на верховные права народа приказом от 31 - го мая об аресте и заключении в тюрьму членов Конвента.

Определеннее высказаться нельзя. Речь ее отличается той же четкостью, как и ее твердая, без ненужных украшений подпись, красующаяся на всех страницах судебного протокола. Шарлотта рассказывает дальше, знакомые уже нам подробности убийства, без малейшей попытки смягчить свою вину, без уверток, без оправданий.

Вопрос: Она нанесла удар ножом с расчетом убить его?

Ответ: Да, только с этим намерением.

Вопрос: Знала ли она, что этим ударом, направленным в грудь, она убьет его?

Ответ: Да, таково было ее намерение.

Президент Монтане, очевидно, ведет допрос так, чтобы обнаружить были ли у нея сообщники, она же всю ответственность взваливает на одну себя, и тщательно выгораживает де Пэрре. Когда же она прижата к стене вопросами, она спешит ответить словами подчеркивающи-

ми ея независимость и волю: «Такой замысел легче выполнить следуя собственному чувству ненависти, чем повинуюсь голосу чужой ненависти.» Она жалеет лишь об одном, что ей не удалось убить Марата в заседании Конвента. Советчиком и защитником она выбрала гражданина Дулсэ, депутата в Конвенте от города Кан. Председатель суда назначил ей адвоката, гражданина Гюйо, вторым защитником на тот случай, если бы Дулсэ работа в законодательном собрании помешала заняться делом Шарлотты Кордэ.

По окончании допроса, Шарлотта опять водворена была в Аббатство. Фукье - Тенвилль приступил к составлению обвинительного акта и распорядился о переводе подсудимой в Консьержери. Де Перре и Фоше тоже арестованы, и также подвергнуты допросу. Вечером 16-го июля Шарлотта вновь принимается за письмо к Барбару и в тот же вечер кончает его. Она хотела предложить его портрет департаменту Кальвадос, и позаботиться об издании его воззвания к «Друзьям Мира». — Но не успела. Она просит Барбару передать ея письмо гражданину Бугону, объясняет, отчего выбрала своим защитником Дулсэ, и добавляет, что ей приходила в голову мысль обратиться с этой просьбой к Шабо или Робеспьеру. — Робеспьер в роли защитника Шарлотты Кордэ! Соблазн не малый — представить себе, какую была бы эта защитная речь!

Нельзя не подчеркнуть в заключительных строках этого короткого письма слова Шарлотты, в которых вырисовывается весь ея облик, ея твердость и правдивость. «Завтра, в восемь часов утра меня будут судить; и в полдень, вероятно, я, выражаясь языком древних римлян, отойду в иную жизнь.... Я не представляю себе, каковы будут последние минуты, но — конец венчает дело. Мне нет надобности напускать на себе безучастие к моей судьбе, так как пока я не испытываю еще ни малейшего страха смерти». — **Пока....** В одной этой оговорке сказалось вся правдивость, и чуткая совестливость Шарлотты.

Дальше, поклон мадам Форбэн и напоминание Барбару, чтобы он не забыл о ее просьбе.

«Я напишу несколько слов папа» — этим она отдает дань чувству дочеринской нежности, — и тотчас опять берет себя в руки: «Прощайте, гражданин. Мой привет истинным друзьям мира». —

Можно только жалеть людей, которые без волнения стали — бы читать ее краткое письмецо к отцу оставшемуся с другой дочерью в Аржантане. «Прощай, дорогой мой папа, я прошу вас забыть меня или радоваться моей участи. То, что решило мою участь — достойно.» —

Слова эти воскрешают в памяти имя большого писателя. Но не хочется вводить литературу в область, где литературе не должно быть места. Шарлотта сама добавляет:

«Вспомните слова Корнейля». Преступление — позор, но не эшафот. И такой же твердою рукою написано это письмо, как и письмо Барбару. Почерк этих прощальных строк бесстрастно ровен и четок.

Суд начался 17-го июля, в восемь часов утра. Опять надо отметить почтительное отношение к ней толпы, всегда чувствительной к героизму, даже преступному. Революционный Трибунал учрежден был в Париже законом от 10-го марта. Обвиняемая согласно новым законам введена была в зал без оков, и так, чтобы все присутствующие могли видеть ее. Вслед за вызовом свидетелей и присяжных, председатель суда привел их к присяге. Когда подсудимая и присяжные сели на свои места, началось чтение обвинительного акта. Хочется отметить лишь психологический элемент этого судебного разбирательства, проникнуть в душу Шарлотты, уловить последние душевные движения обреченной на смерть женщины. Заметив, что Дульсэ не явился защищать ее, она не может удержаться от жестокого и несправедливого, впрочем, слова по его адресу. Председатель дал ей защитника от суда, Шаво - Лагарда, котораго заметил в зале, среди публики. Как выдержала Шарлотта очную став-

ку с Симон Эврар, принявшей последний вздох Марата? Она вскрикнула. «Да, я убила его.» — И затем, точно повторила данные ею раньше показания. Приводим отрывок диалога между нею и председателем суда.

Председатель: Что вы ненавидели в его лице?

Обвиняемая: Его преступления.

Председатель: Что вы разумеете под его преступлениями?

Обвиняемая: Разорение Франции. Я считаю это делом его рук.

Председатель: То, что вы называете разорением Франции не его только рук дело.

Обвиняемая. Возможно, но он всеми силами содействовал ее разгрому.

Председатель: Какую вы цель преследовали, убивая его?

Обвиняемая: Вернуть мир моей родине.

Председатель: Неужели вы полагаете, что убили всех Маратов?

Монтанэ, стало быть, не выступает защитником жертвы, ни против обвиняемой. В словах его — и недосказанность, и явная сдержанность. И как волнуют в устах Шарлотты слова, часто высказавшиеся Маратом, — слова, произнесенные ею не с целью самозащиты, она не защищается, а с целью оправдания своего поступка. «Я убила одного человека, что бы спасти жизнь сотне тысяч людей.»—Она нападает на Фоше, которого обвиняют в сообщничестве с нею. Она не только отважна. Она и вызывающе смела. Шава Лагард говорила в своей речи о политическом фанатизме. Это была правда. В том, какой приговор вынесен будет, двух предположений быть не могло: смертная казнь. Два свидетеля, Фоше и де Пэре в свою очередь казнены были, несколькими месяцами позднее.

Революционный Трибунал приговорил Марию - Анну - Шарлотту Керде к смертной казни, и постановил, что к месту казни ее повезут в красной рубашке, что имущество ее перейдет в собственность Республики, и что при-

говор, в силу иска обвинителя, приведен будет в исполнение на площади Революции. В тринадцатом томе «знаменитых процессов» гражданин Дессарт рассказывает, что Шарлотта с невозмутимым спокойствием слушала аплодисменты, какими публика встретила приговор, ласково поблагодарила своего защитника, и волнение обнаружила лишь при чтении написанного ею письма к отцу.

В тот же день Революционный Трибунал осудил на смертную казнь бывшую дворянку за ношение белой кокарды.

В номере «Монитора», в котором помещен был отчет о процессе, напечатано было также для сведения читателей, что в Нормандию на знаменитую ярмарку в Гибрей можно ехать безо всяких опасений. Конвент хотел подчеркнуть этим, что никакого значения жирондистскому восстанию не придавал.

И выражая благодарность Шаво, Шарлотта сохраняет взятый ею тон сдержанного вызова. В знак уважения к своему защитнику, она с грустной иронией предлагает ему уплатить сделанные ею в тюрьме небольшие долги. Что, достоинство и стойкость, проявленные Шарлоттой произвели сильное впечатление и на судей, сомнения быть не может, Жирондистские газеты в Кане, еще не осведомленные о подробностях процесса, поют Шарлотте хвалу, по крайней мере до неудачного исхода выступления Вимпфена, до того дня, когда вчерашние повстанцы в целях своей безопасности поспешили дать властям доказательства своей лояльности. Этому трусливому отречению нельзя, конечно, не предпочесть корректность «Монитора», и даже сочувствие...

«Национальная Газета» описывая в № от 30-го июля 1793-го года казнь Шарлотты, отмечает, что по дороге к эшафоту она отвечала улыбкой на крики толпы, и на роковой помост всходила с свежим, ясным лицом счастливой женщины.

Последние минуты ее жизни описывались много раз: спокойную приветливость ее с тюремщиками, учтивый

отказ от последнего напутствия священника, портрет ее, исполненный Ауэром и висевший в ее камере, (нежное сияние яблони в полном цвету, по выражению Мишлэ), задержка в формальностях из-за придирок Фукье — Тенвилля, обвинявшего Монтанэ в пристрастном отношении к подсудимой. Председатель суда, смягчая выражения третьего вопроса, поставленного прокурором, повидимому, пытался спасти Шарлотту. И за это едва не заплатился арестом.

Приговор должен был быть приведен в исполнение в пять часов вечера. Но Сансон приехал за осужденной, со своей тележкой и помощниками лишь в половине седьмого. Последний поступок Шарлотты все еще боевой.. Она пишет Дулсэ де Пондекулану записку, в которой обвиняет его в трусости за то, что он отказался взять на себя ее защиту. Но это была ошибка и несправедливость. В нашем Национальном Архиве хранится письмо Монтане, излагающее Дулсэ просьбу Шарлотты. Жандарм которому поручено было доставить письмо, вернул его Трибуналу, за ненахождением адресата. Письмо Фукье —Тенвилль к Анрио, и воспроизведенное Г. Ленотром в одной из его книги, подтверждает, что жандармы не отличались тогда большой исполнительностью.

После добросовестного усилия воскресить жизненный путь Шарлотты, и понять ее, такой близкой мнится нам она в эти последние минуты. И без громких слов, без пафоса надо говорить о ней.... С нея сняли наколку, маленькую кружевную наколку, которую она сшила для суда; срезали ее светло каштановые волосы, одну прядь которых она дала художнику, писавшему ее портрет. Она надела красную рубашку, в которую тогда облекали убийц, но сумела отстоять свои перчатки на руках, связанных веревкой, бывшая барышня. Сансон и сам внимательно помогает ей совершить предсмертный туалет. Он далеко не так груб, как были с нею полицейские в день убийства. Стоял душный день. Солнце ярко садилось. О толпе ничего сказать теперь нельзя, так как глухой ропот ее отражал, вероятно, самые разнообразные чувства.

«Она стояла, — отметил Сансон, — облокотившись на боковую решетку тележки... Я подставил ей табурет, чтобы она могла опереться одним коленом.» — Эти подробности звучат правдиво, и как ни странно, в них и доля сострадания. Верить ли тому, что Робеспьер, Дантон и Демулен тоже не устояли против желания взглянуть на нее, на девушку, дерзнувшую бросить им вызов? В течение двух часовой езды из тюрьмы к месту казни, она сохраняла полное спокойствие, глядя мимо конвойных, осыпавших ее ругательными словами. Очутившись, наконец, у эшафота она быстро поднялась по ступенькам, и едва Фирмен снял с нея косынку — ее розовую косыночку, — она бросилась к машине, где ей тотчас защемили голову. Плотник по имени Легро, поднял скатившуюся голову и со всего размаху ударил ее в щеку. Один из присяжных Революционного Трибунала, Руссильон, потребовал наказания за этот зверский поступок, «неодобренный народом», возмездия за оскорбление» нанесенное мертвой и уже безвинной голове.» — Начальник полиции, — впрочем, и сам посчитался с этим грубияном, Сансон был «очень удручен» этим происшествием.... Легро присужден был к тюремному заключению, и позорному столбу в силу того, что закон, покаравший смертью преступление Шарлотты был уже этим вполне удовлетворен.

Шарлотту похоронили на кладбище Мадлен. Даже газеты монтаньяров долго еще с почтением говорили об отважной женщине, о республиканке, отдавшей жизнь за свои убеждения. Андре Шенье посвятил ей смелую оду:

Belle, jeune, brillante, aux bourreaux amenée,
tu semblais avancer sur le char d'hyménée.
Ton front resta paisible et ton regard serein,
Calme sur l'échafaud, tu méprisas la rage
d'un peuple abject, servile et fécond en outrage.
Et qui se croit et libre et souverain,
La Vertu seule est libre : honneur de notre histoire,
Notre immortel espoir y vit avec ta gloire
Seule, tu fus un homme et vengeas les humains.

(Будто в свадебной колеснице, прекрасная, юная сияющая ехала ты к эшафоту. Мирно было твое чело и ясен твой взгляд. Спокойная на эшафоте, ты презрительно внимала ярости гнусной толпы, рабской и щедрой на непристойную брань, но мящей себя и свободной, и совершенной.... Свободна лишь нравственная доблесть. Честь нашей истории, наша бессмертная надежда неразрывна с твоей славой. Ты одна — была мужем и отомстила за людей.).

Даже фанатические почитатели Марата щадят ее имя; они находят в ней отраженные черты своего героя. Выразители крайних политических взглядов с меньшей суровостью отзывались о ней, чем о жирондистах, которым нормандская девушка дала пример, повлекший за собою плохое и во всяком случае, запоздалое подражание. Эти, даже сдержанные, знаки уважения делают больше чести Шарлотте, чем страстное негодование ее ничем не рисковавших почитателей, или даже жертвенный подвиг Адама Люкса. Республиканец тоже, посланный из Майенса в Париж для переговоров с Конвентом о присоединении его родины к Франции, этот двадцативосьмилетний парламентар, находился на улице Сент - Оноре, когда по этой улице среди рева толпы Шарлотта с невозмутимым спокойствием ехала к месту казни. Он стал добиваться смерти на эшафоте и желание его было удовлетворено... На смену культу Марата, пришел культ Шарлотты Кордэ. В письме от 22-го июля 1793-го года к прокурору «Комитет Общественной Безопасности» уже без обиняков называет ее «исключительной женщиной».

*
**

В революционном зале версальского музея Марат и Шарлотта находятся в близком соседстве. Давид изобразил Марата в его залитой кровью ванне. С классической четкостью воспроизвел он эту картину. На зеленом фоне скатерти, покрывающей доску, служившую Марату письменным столом, на белизне простыни, освещенное

закатными лучами лицо, умиротворенное словно помолодевшее в миг смерти. Скулы выступают резко, но рот уже не искажен судорогой. Кажется, будто он улыбается. Против старого Петрона — работы де Герена и мадам Роллан, портрета написанного Генсиусом, — Шарлотта, которой художник Ауэр безотчетно сообщил тип эльзасской девушки с надменным, твердым взглядом. Чувствуется, что эти светлые голубые глаза могут выражать и жестокость. Такое соседство многих, пожалуй, может смущать...

Революция, проявившая, быть может, больше справедливости, чем проявили историки ее, не прерывая своего дела, старалась понять, и во всяком случае, с должным уважением отнестись к двум одинаково бесстрашным людям, к Шарлотте и Марату. Можно было бы синтезировать все эти страницы в нескольких словах: так кончили свой век жертвы Жан - Жака Руссо.

Перев. А. Даманская.

К О Н Е Ц

Парижские поэты.

Утоли мою душу. Итак, утоли уста.
Послание Федры.

Марина Цветаева.

Неотступна, как стужа, ты беспокойней
Растерявшихся веток от ветра.
Недостойная сердцу достойней
Свидетельница страсти — Федра.

Любострастье — и строфы и строки —
Расцветает необорный ветер —
Любострастье и около ока
Морщины светлейшие в свете.

Одиночество Федры и память
По ладоням стекает в ладони.
Нестерпимые волосы — пламя
Любовной и дымной погони.

Неотступней бессонницы — Федра.
Неотступнее стужи и строже
И стремительней дремучего ветра
Разгневанное теменью ложе.

Федра!

Вадим Андреев.

*
**

Жизнь прожита в начальной части, но
Остаток дней волненьем новым полон;
В цепи еще растет к звену звено,
Еще не утолен огромный голод —

Душевный голод, двигавший года
Мое счастливое воображенье,
Питающей легчайшей музыки дар —
Дар поэтического утешенья.

Мы утешаемся, мы утешаем, но
Любовь не тратится, а прибывает.
Мы поим всех и сами пьем вино —
Все через край вино переливает.

Не отрываясь пьем, но все растет
Неутоляемая жажда эта,
И вот — душа взлетевши на костер
Пылает радостным кусочком света.

Душевный мир бессмертен и велик,
Душе не страшно потерять навеки
Невольного существованья лик,
Пережитый в случайном человеке.

Ал. Булкин.

*
**

Вадиму Андрееву.

Три страсти есть, которыми отвлека
Уничтожается дом человека.

Вот Богом проклятые имена;
Плоть женщины, плеск карт и пар вина.

Спасайтесь, вышибайте клином клин,
Лепите дух в противоборстве глин.

Брось женщину, подумай об ином,
Осуществи забвение вином.

**А ты, вино, осенней стужи друг,
Минутное забвенье горьких мук,**

Отступишь перед женскими плечами,
Отступишь перед женскими ночами.

Так с любострастьем борется вино,
Сим чашам равновесье суждено.

Но всепобедная встает игра
Быстрее мух, острее топора.

И третья страсть играется врагами.
И в жадном сердце дикими лугами

Распространяется Шестерка Пик
Стальной мечей и тверже статных пик.

Александр Гингер.

*
**

Поэзия — такая простота,
Такая непонятная другому.
Поэзия — но это просто та,
Что нас не заставляла дома.

Поэзия — о, до тебя верста.
Мучительные пытки и попытки.
Поэзия — но можно ль перестать!
От слез и до последней нитки.

Поэзия — о, до тебя сажень.
Крыло возьмите и крылом отмерьте.
Поэзия — закончившийся день
И начинающееся бессмертье.

Наталья Жемчужникова.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Смиренномудро отвращаю слух
От неба, что мне ангелы раскрыли.
Мне-ль, недостойному, вдруг возвестит петух
Огонь и пенье лучезарных крылий!

Благодарю Тебя за потный хлеб,
За пыль и жар моей дороги скудной,
За то, что я не навсегда ослеп
Для радости, отчаянной и трудной.

За эту плоть, Тобою обреченную
Вину и хлебу, букве и жене.
За сердце, древним сном отягощенное,
За жизнь и смерть, доверенные мне.

За то, что с детства слышал в небе трубы я,
И видел перст, суровый и большой.
За то, что тело, бедное и грубое,
Ты посолил веселою душой.

Довид Кнут.

*

**

О, странный сон! Откуда мне знаком
Твой замкнутый, твой выкованный профиль
И узкий рот, склоненный над цветком,
И близость беспощадной катастрофы?

Нисходишь ты с немого полотна
В застывший круг обыкновений жалких
Меня будить от пасмурного сна,
От мерных убаюкиваний прялки.

И вотъ в снопе волшебного луча,
На час воспламеняющего лица,
Я Золушкой, покинувшей очаг,
С тобою погружаюсь в небылицу.

И сказку ткёт невидимый паукъ,
Окаменелой музыкой волнуя,
И каждый жест твоих печальных рук
Неведомого просит поцелуя...

Галина Кузнецова.

ДОРОГА.

Мы помним жаркие теплушки,
Березовый пшеничный край,
Растрепанные деревушки,
Вороний разоренный грай.
Как медленно тянулось время
На циферблатах часовых,
Россия, поднимая бремя,
Все медлила на узловых.
А ты нас дома поджидала —
Когда мы хлеба привезем,
И книжку умную читала
За письменным моим столом.
Но человек в домах кирпичных
Не только книжным словом сыт,
И сладко на зубах столичных
Крестьянский каравай хрустит.
Мы ехали в людской обиде,
В большой тревоге, в тесноте,
И на мешках пудовых сидя,
Мы думали о красоте:
То Рим представится нам ярко,
То палисандровый рояль....
Дымила горькая цыгарка,
Дымилась встрепанная даль.
Ну вот и станция. И точно —
Мелькнула зелень фонарей,
И снова мы засели прочно,
Доехать бы уже скорей!

И, отцепив себя от груза,
Наш паровозик — ну и ну —
Покинув поезд, как обузу,
Как нелюбимую жену,
(Из Сормова еще осанка)
Бежит на водопой трубя,
И там глухому полустанку
Рассказывает про себя.
Послушать — разведешь руками:
Америка! — летун какой —
Как будто не ползли часами
Версту крутую за верстой.
Но станционные домишки
Внимают в трепете ему,
Деревья — много лет без стрижки —
Качают головой в дыму.
Мы помним эти ожидания,
Когда пропущен всякий срок,
И подступают уж рыдания,
Но стрелочник трубит в рожок.
Он длинный поезд отправляет,
Рассейский несуразный воз,
И за крушенье отвечает,
Когда летит все под откос.

Ант. Ладинский.

*

**

С годами горестней, и чище,
И молчаливей, и нежней
Живу, не думая о пище,
Не замечая мутных дней.

Все в жизни этой непохоже
На ту, которую я ждал....
В моей полузвериной коже
Не долго ангел обитал,

Я человечней стал, смиренней...
Все прожитое сожжено...
И сердце, словно сад осенний
В прохладный сон погружено....

И не поняв противоречий,
Земных не одолев затей,
Я в каждом храме ставлю свечи
За упокой души моей....

А ты, душа, в холодной лодке
По ускользящим волнам
Плывешь торжественно и кротко
К потусторонним берегам.....

Семен Луцкий.

БЕРЛИНСКАЯ ТЮРЬМА МОАБИТ, ОТД. V, КАМЕРА 478

Тюремный двор, о карусель тупая,
Где вместо деревянных лошадей,
По кругу ходят, мертвенно ступая,
Живые трупы каторжных людей!

Прогулка кончена. Ждут корридоры,
Во мразь! по росписанию часов.
И в наши камеры, застенки, норы
Загонят нас опять — и на засов.

Как будто преспокойный быт! Смотритель
Пошутит даже (если не сердит):
Ведь человек — любой клоаки житель,
При ужасе любом и жрет, и спит.

Глушь многогробного дворца, где надо
Влачить свой день! Мешок, где нас знобит,
Твердь чугуна, и кирпича громада,
Уступ, затвор темницы Моабит!

Как многопалубные пароходы,
Сооруженья лестниц, этажей,
Мосты, подвалы, лабиринты, своды
Гремят перекликаньем сторожей.

И ночь. Вдруг выстрел. Вдруг трамвай промчится.
Казнь или жизнь? Речь или странный лай?
Но не смутить тебя ничем, Темница,
Установленье древнее, как рай!

Валентин Парнах.

*

**

Когда несчастье бьет крылом,
И раздается Божий гром,
Не следует внимать надежде
Или сопротивляться, прежде
Чем жизнь свою отдать на слом.

Кончать с собою неуместно:
Самоубийство — хвостовство
И бегство, а не торжество,
Бесплодное, ввиду того,
Что будущее неизвестно.

Не следует смотреть назад.
Года давно прошли, Бог с ними!
Раскаиваться всякий рад,
Но вымощен библейский ад
Намерениями благими.

От книг и от людей уйди,
И сердце замуруй в груди,
Не пей и не целуйся больше,
Старайся спать возможно дольше
И помощи людской не жди.

Благодари покорно за
Ниспосланное свыше бремя,
Сожмись в клубок, зажмурь глаза
И жди, пока пройдет гроза:
Тебе поможет только время.

Владимир Познер.

ЗЕЛЕНЫЙ ДВОРИК.

Зеленый дворик. Курицы в навозе
и золотой веселый сеновал.
Зачем так быстро время воду возит
и мой струистый полдень миновал?

Где крепкие коленчатые сени,
лекарственные травы с потолка,
где скопища на коконе кисейном
отважного мушиного полка?

Как любо было бегать постреленком
в расквашенные клетки за яйцом,
как утром распевало горло звонко,
выскакивая к солнцу на крыльцо!

Но сладок был при свечках летний ужин,
и юбочек взлетало полотно,
когда босые пятки били в лужи
и дождь ломился радугой в окно.

И был тогда желан и жуток ледник,
где мышки сторожили молоко.
И пели мы усердно у обедни,
хотя сигали сердцем далеко —

в речонку или в толщу огорода,
где маялись малинные кусты,
где празднично встречая день господен
линяли наши ягодные рты.

О, све́жие сверкающие гумна
пронизанные ржаньем жеребят,
о, сла́вные вожди ватаги шумной
играющих в разбойники ребят!

О, нянюшкин сундук, где все наследство
малеванный оберегал улан.
О, милое холстинковое детство,
румяное отнюдь не от румян!

Анна Присманова.

МОРЕ.

По морю ошупью, по бурям, по неволям,
Безумным обреченные ветрам
Бортами вскользь, плашмя бортами, мимо
Все той же черной, той же все водой.

Разверзлись хляби, и стрелами хлещет
Громадой буйной допотопный дождь.
Дрожит ветрило и разверзлись хляби,
И молния по небу пополам.

При свете мертвенном — ничтожные фигуры,
Вдоль по бортам, на мачтах, на снастях.
При белом свете — мертвые фигуры,
И допотопный ужас на челе.

Черней воды, страшнее белых молний,
Тебе не в моготу тоска твоя,
Ты мореходец, ты писатель строчный,
О камени подводном помолись!

М. Струве.

*
**

Мозг — это время. Мысли гордой
Отведай пламя — и живи:
Квадрат и круг, дугу и хорду
Своим отечеством зови;

Мир — это тяжесть, ужас гроба,
Твой ветер и моя рука.
Я — восемь измерений ромба,
Живу и радуюсь пока.

Но там: не мозг, который время,
Не плоть, которая низка,
Не свет, не тяжесть и не семя,
Но вместе — радость и тоска.

Там я, один. Всему внимаю;
Там не караю и не лгу,
Там разнесу и изломаю
Квадрат и хорду и дугу...

Юрий Терапиано.

Покажу вам дьявола.

По воскресении из мертвых являлся Иисус Христос своим ученикам. Апостолы — Петр, Андрей, Иоанн и Варфоломей не оставляли Богородицу, утешая ее. И когда они были все вместе, стал посреди них Христос и сказал: «Мир вам! Спрашивайте меня, я научу вас. Пройдет семь дней и взойду к Отцу моему.» И никто не решается спрашивать Христа. И покорно следуют за Ним, по его божественным стопам на гору Елеонскую. По пути приступил апостол Петр и Богородице: пусть она попросит — «и явит Господь все, что есть на небесах!» Богородица не захотела испытывать. И молча идут за Христом.

*

**

Когда взошли они на гору Елеонскую и сидят вместе и посреди их Христос, Варфоломей обратился к Христу: «Господи, покажи нам дьявола и увидим, кто он есть такой и что дело его? Тебя не постыдился — Тебя пригвоздил к кресту!» — «О, смелое сердце, сказал Христос, ты не можешь его видеть». — Варфоломей припал к ногам Спасителя, упрашивает» — — неугасимый светильник! вечного света спасение! неисповедимый! Ты пришел в мир отчим словом, Ты совершил свое дело: скорбь адамову обратил в веселие, евину печаль стер своим рождением! — — исполни!» — И сказал Господь Варфоломею: «Хочешь видеть дьявола — увидишь его. Но говорю тебе: и ты и апостолы и Богородица ниц

падете, как мертвые!» — Тут и все приступили: «Господи, сделай! Господи, покажи его!»

*

**

И вот по слову Господню предстали ангелы с запада, воздвигли землю, как свиток — и явилась бездна — преисподняя глубина. И запретив ангелам дольним, повелел Господь протрубить Михаилу, грозному воеводе сил небесных. И вострубил архистратиг. И в тот час изведен был из бездны ангел погибельный — Сатанаил.

— Волный гоголю! старейшина небесных сил, низверженный за гордость — где твоя воля? твой венец власти? небесный престол?

Шестьсот шестьдесят ангелов держали его, вестника зла, творца мечты — связан огненными веригами! — а высота его в шестьсот локтей; лицо, как молонья; волосы остры — стелы! вежды дикого вепря; правое око — утренняя звезда; левое око лев! а уста, как пропасть; персты, как серп; крылья — горящий пурпур; риза червлена; и на лице его пишет вражья печать и погибельная — —

«АЗ ЕСМЬ ГОСПОДЬ БОГ!»

Воззвал Сатана — и был велий трус — земля затряслась. И в ужасе поверглись апостолы и Богородица на землю.

А Д А М

Из восьми частей создал Бог человека: от земли — остов; от моря—кровь, от солнца—красота; от облак — мысли; от ветра — дыхание; от камня — милость и твердость; от света — кротость; от духа — мудрость.

И когда сотворил Бог человека, не было имени ему. —

Высота небесная — Отец,
широта земная — Сын,
глубина морская — Дух,

а созданию Божьему — человеку — имени нет.

И призвал Бог четырех ангелов:

Михаила,
Гавриила,
Уриила,
Рафаила.

И сказал ангелам: «Идите и изыщите имя человеку!» —
Михаил пошел на восток. И встретил звезду — «Ана-
фос» имя ей — и взял от нее

А

И принес к Богу.

Гавриил пошел на запад. И встретил звезду — «Десис»
имя ей — и взял от нее

Д

И принес к Богу.

Уриил пошел на полночь. И встретил звезду — «Ара-
тус» имя ей — и взял от нее

А

И принес к Богу.

Рафаил пошел на полдень. И встретил звезду — «Меб-
рие» имя ей — и взял от нее

М

И принес к Богу.

И повелед Бог Михаилу произнести слово — имя чело-
веку. И сказал Михаил:

АДАМ

И был Адам первый человек на земле.

СОЛНЦЕ

Что ты знаешь о солнце? Вот горит оно, греет и греет и сияет — что же - то и откуда оно? А как нет его долго — долго не видим, мы его ждем и грустим, а встретим — обрадуемся. И откуда такой свет? И где это тепло — откуда греет, свет - солнце?

Солнце — от Бога.

Когда Бог сотворил небо и землю, помыслил Он о делах своих: что сотворит? И когда подумал — — что сотворит человека, и чем будет человек, как оставит человек завет и не пойдет в судьбах божьих — — о беде и о всем горе людском подумал на трудной земле — — и как родится от человека Сын Божий и как для славы и чести погибшего человека распнут его и в муках примет он крестную смерть — — и когда о смерти подумал: слеза покати́лась из ока. Эту слезу свою Бог и назвал солнцем Солнце — от страсти Божьей, солнце — слеза.

Солнце — от Бога.

НА ЗЕМЛЮ

— — бурным духом в вышнее небо с тихой реки взлетела душа к престолу Господню: «Господи Боже! благовослови меня в тело облечься!» — Горел семигранный венец на престоле, вся в звездах расцветала звездой горацвет. Благословил Бог душу — поставил на путь; благословил Бог на землю вернуться; благословил — на земле человеком родиться.

*
**

— — бурным духом с превышних высот летит душа по небесному кругу. Замирает от радости сердце — Божьи органы играют на сердце! » «скоро она встретит кого полюбила однажды, кого любила и горько рассталась;

теперь ей будет легко на трудной земле, не ошибется!» Полные радости очи светились — светили путь по небесному кругу. И растворилась в пути по небесному кругу Живая Книга — суд и судьба ее жизни: дни за днями — цепи — потянулись от колыбели и до могилы. Каким холодом! — жесткое слово, — сдавило сердце: сколько дней беззащитных, тревог и беды, ожиданий напрасных, тщетной надежды, непоправимой потери, а сколько раз в этих днях уйдет ни - с - чем, будет звать — не помогут.

«Где твой рай — где твой пресветлый день? Где же твой ангел, спутник благой?» — Как звезды в ночи, то загораюсь, то тая, сходилась горкуя, во святой круг белые птицы — послы Господни.

«Где же мой ангел? — Или на небе и на на земле — в целом мире! — нет ни души — никому нет дела! — так жалко кончаю бесполезные дни?» — И запечатались страдно уста.

— — — — —
 Как звезды в ночи — вьются, горкуя, во святом кругу белые птицы — крыло - в - крыло вьются.

*

**

— — бурным духом летит душа от судеб - страны пророческих труб на пречистое снего - белое знамя к Матери Божьей. Премудрые девы встретили душу: кротко стояли они со свечами вокруг царицы силы небесной. «Матерь Божия, сердце во мне унывает: не хочу я на землю!»

Духом святым уряжая, взяла Богородица свечку — — — вложила свечку в сердце — в это сердце — в кручин-

ную душу: «Странник прохожий, терпи с любовью! Милый мой странник!»

И загорелась в сердце жаркая свечка.
Премудрые девы стояли со свечами: «Христос воскрес!»
— с крестом поклонились — «милый мой странник!»

*

**

— — бурным духом летит душа с превышенных высот
через белые зори, через Тай-реку (заповедное от всего
темного мира!) по Божьей стезе в мир — на нашу
землю — —

В М И Р

Прекрасная пустыня, любимая моя мати! Пришли —
хотят тебя сжечь — со мной разлучают! Я скажу тебе
тайно: люблю тебя, твои очи — твои очи - озера! —
там от - берега - до - берега - зеленая - волна - волнится
— и тихи и тайны (частыня!). А за то полюбил тебя —
называю матерью! — я нашел в твоей дубраве и ми-
лость и правду. — Безмолвная - мудрая - терпеливая.
— Огни разложены — подождена! — ты меня покину-
ла? — горишь! — в которую страну посылаешь? — пре-
красная пустыня, любимая моя мати!

*

**

Прекрасная пустыня, любимая моя мати! Я ушел от
мира — суета, вражда, беспокойно! — в тебя водворил-
ся: в тебе нашел и правду и милость и защиту. — Твоя
тихость — безмолвие, твои палаты лесовольные, спа-
сение мое, мудрость и благодать! — Теперь ты огню
предана — прощай! я должен уйти! — ты горишь! —
в которую страну посылаешь? и где, на каком месте
мне быть? — прекрасная пустыня, любимая моя мати!

*

**

— — прости меня! (прощаюсь с тобой) благослови меня!»—одному свой век! Не пойду я искать непроходимых островов, ни безлюдного места, ни земляную пещеру — благослови меня: в мир вернуться, в суету! — Я взвихрю себе стрелами волосы, покрою плечи алым платком (твои алые зори), я пойду по большой дороге, я выйду на площадь: буду о тебе рассказывать — о твоей правде, милости, защите. — Будут надо мной смеяться — «юрод проклятый!» — бить будут больно, промолчу — поклонюсь — перенесу — — ради правды твоей, прекрасная пустыня, любимая моя мати!

*

**

— — в мире есть много несчастных — оскорбленных, неутешных — несчастных! Горек мир — горяча тоска! Если утешу — твой свет! — свет во мне — свет от тебя. — И когда после страдных дней (очень странных!) в дождик упаду где -нибудь под забором (или автомобиль раздавит!), ты придешь — примешь на свои руки — ты — ты и меня не покинешь. И твои глаза будут близко — я и уйду за тобой (легко мне!) всем сердцем желая — (благословляю мир!) — прекрасная пустыня, любимая мати!

Алексей Ремизов.

Дмитрий Богров и убийство Столыпина.

Вечером 1 сентября 1911 года, в Киеве, во время парадного представления в театре, в присутствии царя, премьер - министр Столыпин двумя выстрелами из револьвера был смертельно ранен и вскоре скончался.

Убийцей оказался изящно одетый молодой человек, помощник присяжного поверенного Дмитрий Григорьевич Богров, лишь год тому назад соскочивший с студенческой скамьи, — сын известного в Киеве присяжного поверенного, зажиточного еврея, имевшего в Киеве свой собственный дом, оценивавшийся в 400.000 руб. Дед Дмитрия был автором известных «Записок старого еврея», напечатанных в «Отечественных Записках», Как люди состоятельные, отец и мать Дмитрия очень часто бывали за границей, разъезжая по различным европейским курортам; они и сыну Дмитрию давали достаточно средств, когда он учился одновременно в Киевском и Мюнхенском университете. И даже по окончании курса, когда Дмитрий стал помощником поверенного, отец продолжал выдавать ему по 50 и 70 руб. в месяц. Короче сказать, Дмитрий Богров был обеспеченный молодой человек все время студенчества находившийся в привилегированном положении сравнительно с другими студентами. Все это и множество других обстоятельств тяжелым грузом ложилось на весы доброй политической репутации Дмитрия Богрова.

И однако, дело об убийстве Столыпина нас интересует здесь не с точки зрения политического значения этого события в судьбах нашей страны, подобно многим другим террористическим актам. Драматическая проблема в этой трагедии выражается вопросом: «Кто в действительности был Дмитрий Богров, — революционер или охранник?»

На первый взгляд вопрос кажется нелепым. Все внешние обстоятельства решительно устраняли всякие сомнения в идейности и общественном характере выступления Богрова. Он был известен за юношу с очень радикальным образом мыслей: года за два до события он привлекался по политическому делу и был под арестом. И теперь, схваченный после выстрела и сильно избитый окружившей его знатной толпой, он сохраняет замечательное хладнокровие. И далее на последовавших допросах разными следователями, как и на суде, он держит себя с достоинством. Он признает свой поступок продуманным, ибо желал избавить Россию от народного врага. На суде он отказался от защитника, а при казни — от свидания с раввином, когда ему не позволили остаться с раввином наедине. Наконец, при самой казни Богров глядел в глаза смерти смело и с замечательным спокойствием.

Все эти предпосылки стояли на активе доброй политической репутации Богрова, вызывали к нему сочувствие широкой публики и шли вразрез с возникшими обвинениями Богрова в давнишней связи его с Охранкою.

Между тем, проблема: — кто был Богров — революционер или охранник, — была поставлена тотчас же после выстрела в Столыпина. Прибежавший на шум выстрела к месту происшествия начальник Киевского охранного отделения, подполковник Кулябко, был поражен, узнав в стрелявшем Дмитрия Богрова, которого он ввел в театр, дав ему входной билет, и которого ввел именно для охраны Столыпина. Он приказал взять Богрова и для опросов доставить немедленно в Охранное

отделение. Однако, несмотря на вмешательство и других охранников, до генерала Курлова включительно, судебные власти воспротивились этому и потребовали полного разобщения виновника со всеми чинами охраны. И Кулябко должен был уступить.

При первом же допросе Богрова, в тот же вечер, оказалось, что его покровителями были все видные охранники съехавшиеся в Киев, — Спиридович, Веригин и сам товарищ министра внутренних дел, генерал Курлов, что он, Богров, попал в театр с ведома и согласия всех этих господ с нарочитой целью охранять Столыпина от готовившагося на него покушения, о чем сам Столыпин был заранее предупрежден. Обнаружилось, что Богров оставил всех этих опытных охранников в дураках, рассказав им сказку о готовящемся покушении на Столыпина, — сказку, которой все поверили и для спасения Столыпина впустили Богрова в театр.

Вскоре все это подтвердилось, и следствием было установлено, что никаких приезжих террористов, кроме Богрова в Киеве не было. Это пришлось признать и самим охранникам. Но Спиридович, Веригин и сам ген. Курлов, как люди приезжие, ссылались на то, что подполковник Кулябко отрекомендовал им Богрова, как своего давнишнего сотрудника; сами же они Богрова не знали и ничего о нем не слыхали. Так что главным виновником охранной оплошности явился подполковник Кулябко, продолжавший настойчиво утверждать, что Богров уже давно состоит у него платным агентом. Поднялся спор.

Сторонники Богрова говорили: «Да, Богров вошел в сношения с Кулябко и другими охранниками, но лишь 26 или 27 августа, т. е. за несколько дней до приезда царя и убийства Столыпина и сделал он это, чтобы лучше достигнуть своей революционной цели. Утверждению же Кулябко о том, что Богров состоял его давнишним агентом, не хотели верить, ибо Кулябко было выгодно говорить это, чтобы снять с себя страшную ответственность.

Ревизия киевского охранного отделения, назначен-

ная правительством и порученная старому и опытному охраннику ген. Тарасевичу, как и все следствие по делу Богрова, производилась негласно. Суд над Богровым был назначен военный, производился без всяких формальностей, при том же Богров отказался от всякой защиты. Поэтому, всяким слухам и толкованиям не было конца.

После казни Богрова, имевшей место 11 сентября, борьба между двумя лагерями разгоралась все сильнее и сильнее и перенеслась в самую революционную среду. И действительно, определить точно — кто был Богров: революционер или охранник, — было одинаково важно как для противников, так и для сторонников Богрова, который имел не только родных и знакомых, но и близких товарищей среди революционеров, социалистов и анархистов. Борьба разгорелась особенно после казни Богрова, когда все жизненные счета его были покончены на земле.... Все газеты были переполнены самыми разнообразными и часто противоречивыми сведениями, отзывами и оценками. Много лиц было арестовано по этому делу в Киеве и в Петербурге.

Мое имя фигурировало во всех газетах. Рассказывали, со слов Кулябко, как в 1910 г., живя в Питере, я познакомился с Богровым, как внушил ему мысль убить Столыпина и с тех пор через других членов партии С.-Р. поддерживал с ним сношения вплоть до дня покушения на Столыпина. Присяжный поверенный Самуил Еремеевич Кальманович, через котораго Богров познакомился со мной, был арестован и сидел в тюрьме. На мое счастье я был в то время за пределами досягаемости, в Швейцарии, куда попал благодаря лично Столыпину, который, без всяких разговоров 30 ноября 1910 г. приказал арестовать меня, продержал месяца 4 в разных тюрьмах и потом сослал по § 4 без моего согласия и без всяких спросов и допросов, на 4 года в Сибирь (это было уж в третий раз). Но вскоре пожалел, раскаялся, заменил ссылку в Сибирь высылкой за границу на тот же срок. Я приехал в Швейцарию в мае 1911 года, а 1-го сентяб-

ря того же года случился этот печальный инцидент в Киеве. Люди, знавшие об этих так сказать личных и деловых отношениях наших с Столыпином, учитывали конечно их при обвинениях меня в соучастии с Богровым, хотя знакомство мое с Богровым могло быть только в 1910 г., т. е. до моего ареста и больше чем за год до убийства Столыпина.

Кроме того, так как «таинственный» Николай Яковлевич» и не менее таинственная «Нина Александровна», — террористы, находившиеся в близкой связи со мною, и приехавшие будто бы с бомбами к Богрову в Киев, в действительности были не мифические и вымышленные лица, как заявил на следствии Богров, а облеченные в плоть и кровь правоверные эсеры, которых под этими кличками знало много простых смертных обывателей, то естественно слухи расползались повсюду, особенно среди радикальной публики, что в «столыпинском инциденте» без участия эсеров дело не обошлось. Началась неразбериха: к эсерам стали приставать с интимными запросами: подпускали эсеры в это дело своего комара, или нет?

Все это вынудило Ц. К. партии С.-Р. в № 38 «Знамя Труда» напечатать следующее заявление:

«Ввиду появившихся во всех почти русских газетах известий о причастности П. С. Р. к делу Дмитрия Богрова, Ц. К. партии С. Р. заявляет: Ни Ц. К., ни какие либо местные партийные организации не принимали никакого участия в деле Богрова».

Чтобы видеть какую путаницу в умах самих эсеров произвел киевский инцидент, стоит привести статью, напечатанную в том же партийном органе «Знамя Труда» № 38, за 1911 год, озаглавленную: «Террор и дело Богрова».

Там говорится:

«Мы не знаем — кто такой Богров. По одной версии — он раскаившийся охранник, по другой — анархист, поступивший в охранку с революционной целью».

Может быть есть какая либо третья, пока еще необнаруженная, но соответствующая действительности. Неизвестно... Мы можем констатировать лишь два факта: Первое: Богров, несомненно какую - то ценою, — большою или малою, это существа дела не меняет, — купил то исключительное доверие, которое оказала ему охрана и благодаря которой он сумел попасть на торжественный спектакль в Киеве. Второе: С момента выстрела в театре, вплоть до петли на шее, Богров держал себя с достоинством, благородно, геройски. Эти два факта ярко и определенно выступают на фоне догадок и предположений, связанных с киевским делом. По ним пусть судят Богрова - человека. Но Богров - революционер — безповоротно осужден. Перед судом революционной этики — нет и быть не может оправданий для действий, идущих от охранки или через охранку к революции. Пусть умер героем. Это ослабляет, смягчает приговор над человеком, но не примиряет с революционером»....

Из приведенной статьи и заявления в «Знамя Труда» можно видеть, какое брожение и колебание происходило тогда в широких общественных и революционных слоях. Еще бы! Убийство Столыпина было событием первостепенной важности для России. В политическом отношении оценка события, для большинства публики, сводилась не к **этике**, а к **целесообразности**. А с точки зрения целесообразности, которой главным образом и руководится революционер, Богров являлся революционером - героем, нанесшим удар Самодержавию. Столыпин поддерживал карательные экспедиции, Столыпин грубо разогнал II Государственную Думу, Столыпин цинично арестовал и сослал на каторгу социал-демократических членов Государственной Думы, грубо ломал крестьянскую общину и вносил разслоение и вражду внутри самого крестьянства, и т. д., и т. д.

Вскоре после убийства Столыпина и казни Богрова я стал получать от многих знакомых из России ки-

пы газет и газетных вырезок, где излагалось дело Богрова, мои связи с ним, где, — по изложению Кулябко, — я являлся главным инициатором или инспириатором этого убийства. Газеты сопровождались письмами с запросом от разных, знакомых и незнакомых, лиц: Что здесь правда и что ложь?

Многим казалось тогда странным, — почему я молчу или отделяюсь полным незнанием — в чем дело. Многие подозревали, что я что-то скрываю, и еще больше терялись в догадках. Но мог ли я говорить что либо определенное тогда, когда в России шли аресты и присяжный поверенный Самуил Еремеевич Кальманович, меньше меня замешанный в дело, был арестован и сидел в тюрьме. Я не мог и не хотел отвечать даже на простой вопрос: Встречался ли я, действительно, с Богровым в Петербурге и говорил ли с ним, как утверждает Кулябко, или это тоже выдумка, как и другие рассказы Богрова о сношениях с приехавшими в Киев террористами, — рассказы, которые сам Богров на следствии признал своей выдумкой, чтобы охранники ему лучше поверили. Если бы я признал открыто один только факт моего знакомства и свидания с Богровым в Питере, тогда все, что бы ни говорил Кулябко, со слов Богрова, о моем участии в деле, компрометировало бы не только меня, но и партию и многих других посторонних лиц. И потому я отвечал: «Я ничего не знаю, ничего не понимаю».

Русский Шерлок Хольмс, Вл. Львович Бурцев, живший в Париже, тоже в первую голову обратился ко мне за справками, прося просветить его, — что в газетах правда и что ложь? и особенно — охранник Богров или революционер? С своей стороны он выражал свои симпатии к Богрову, считая его искренним революционером, и ждал от меня подтверждения. Дело в том, что согласно прежним своим взглядам, Владимир Львович признавал истинными революционерами только царубийц и бомбистов, считая все остальные власти на Руси неимеющими никакого значения, ибо вся беда в Рос-

сии происходит от отсутствия Конституции, а Конституцию можно добиться только систематическим уничтожением царей, — для верности, — предпочтительно при помощи облюбованных им специальных динамитных лимонов или апельсинов. С этой точки зрения, конечно, Богров погрешил против истинной революции, направив револьвер не в присутствовавшего в театре царя, а в его премьер - министра Столыпина. Но... необычайно остроумный подход к цели, замечательно меткая стрельба, удивительное хладнокровие и все дальнейшее поведение Богрова вплоть до казни, — все это заставляло Вл. Льв. относиться снисходительно ко всем остальным погрешностям Богрова и верить в его политическую чистоплотность.

Я ответил Бурцеву, что вполне согласен с его мнением о Богрове, что я тоже считаю его искренним революционером, хотя и не могу не выразить удивления: почему героически державший себя революционер - Богров замешивает в дело посторонних лиц, как Кальмановича и меня.

С тех пор Бурцев оставил меня в покое и направил свои поиски в раскрытии тайн русской охранки на другие пути.

Чем дальше подвигалось время, тем больше обострялся спор о личности Богрова. Ревизия Киевской Охраны и следствие над ея начальником, подполковником Кулябко, производились тайно. Тайно велось и следствие по делу Богрова. Тайно и происходил военный суд на нем. Вследствие этого в обществе распространялись самые разноречивые слухи. Печать не смела выступать в защиту убийцы и выражать ему сочувствие, но правительство знало, что все симпатии публики на стороне повешенного Богрова, и что публика не верит рассказам Кулябко о том, что Богров уже давно состоял его платным агентом.

Чтобы направить психологию публики по другому руслу, правительство, очевидно умышленно, познакомила консервативного писателя Л. Гана, с следствен-

ными материалом по делу Багрову. На основании документов и собственноручно подписанных показаний Богрова Л. Ган написал статью, напечатанную в № № 3 и 4 «Исторического Вестника» за 1914 год. — под заглавием «Убийство Столыпина».

Если верить сказанному, статья устанавливала давнишнюю связь Богрова с Кулябкой и с охранкой. Она нанесла тяжелый удар по сторонникам Богрова и по революционной репутации последнего. Но вместе с тем она только подлила масла в огонь, особенно в революционной среде, в России и за границей, где у Богрова оказались обширные связи и знакомства. Его товарищи и революционеры, социалисты и анархисты, стали разбирать всю подпольную жизнь и деятельность Богрова со времен его студенчества. Было установлено, что он был в прочной связи с анархическими организациями в России и за границей. Что еще в 1908 г. среди товарищей анархистов возникли подозрения против Богрова в предательстве и обвинение в растрате партийных денег. Обвинения эти были настолько серьезны, что был назначен товарищеский суд, состоящий из сидевших в Киевской тюрьме товарищей Богрова, После тщательного обсуждения дела, сами потерпевшие, — по предположению, — товарищи Богрова вынесли ему, оправдательный приговор. Виновником предательства было признано другое, уже умершее лицо. Эти подозрения и обвинения столь сильно волновали Богрова, что в 1908 г. он ездил за границу, что бы повидаться с товарищами и требовал напечатать оправдательный приговор и его отчет в израсходовании им партийных денег в заграничном анархическом органе «Буревестник».

В ответ на статьи Л. Гана, помещенные в «Историческом Вестнике», за 1914 г., в том же году была выпущена обемистая брошюра Мушина, с предисловием В. Л. Бурцева. В этой замечательной брошюре Мушин, после тщательных и подробных исследований, при помощи родных и знакомых Богрова, разбирает всю се-

мейную, студенческую и кружковую жизнь Богрова и с напряжением и искусством достойным лучшего приложения, доказывает полную политическую порядочность Богрова, несмотря на то, что в предисловии к этой брошюре Бурцев на этот раз выражает уверенность, что Богров состоял агентом Охранки.

Брошюра Мушина в защиту Богрова живо мне напомнила все пережитые защиты Азефа ответственными товарищами, несмотря на массу поразительных фактов и доказательств его предательства. Как в деле Азефа, так и в деле Богрова над Мушиным и его читателями тяготеет один доминирующий факт: удачное убийство ненавистного министра Столыпина и достойное поведение Богрова вплоть до самой смерти. При оценке поведения Богрова были, однако, более благоприятные обстоятельства, чем в случае Азефа: Азеф тоже подвергался опасности смерти за свои поступки, но он всегда счастливо избегал ареста, так что эта неизменная удача в избежании ареста, могла служить поводом к подозрению. К Дмитрию Богрову этого приложить нельзя: он сознательно и добровольно отдал то, что не поддается никакой оценке, — свою молодую жизнь. Перед этим фактом все возможные погрешности его вянут и отступают на задний план.

Мушин в своей защите Богрова доходит до виртуозности, до ясновидения.... Он основательно отвечает на мой недоуменный вопрос: почему самоотверженный Богров заведомо компрометирует Кальмановича и меня, приписывая мне первоначальную инициативу в этом убийстве? Мушин отвечает: Кальманович упомянут Богровым случайно и мимоходом, а ссылка на Е. Е. Лазарева объясняется тем, что она была сделана только за несколько дней до покушения на Столыпина, т. е. в то время, когда Лазарев был уже в безопасности, будучи выслан Столыпинным за границу. Богрову нужны были эти имена, дабы фигурировать в сообществе с живыми лицами, для большей убедительности. Это доказывается тем, что когда выяснилось, что Богров просто об-

манул охранников, Кальмановича тотчас же выпустили из тюрьмы.

Невозможно передать всей изобретательности Мушина в построении защиты Богрова и в объяснении самых щекотливых положений. Нужно прочесть эту брошюру.

Но, то было в 1914 году. Но вот наступает 1923 г., когда от старого охранного режима осталось только одно воспоминание, которое уже почиталось «сладким», сравнительно с наступившимися ужасами новых, советских охранок. В № 5 исторического журнала «Красная Летопись», за 1923 год появляется статья Ив. Книжника, который знал Богрова с гимназических времен, и который, уехав в 1904г. в Париж и став Коммунистом Крапоткинскаго толка, с 1907 г. снова вошел с Богровым в сношения. От рабочего - булочника, бежавшаго из Киева после провала тамошних анархистов, Книжник узнал об активной деятельности Богрова среди коммунистов - анархистов, и в тоже время о «нелепых» слухах о его провокаторстве.

Летом 1908 г. Книжник получает от Богрова из Киева письмо, где он просит его устроить за границей третейский суд, чтобы избавить его раз навсегда от грязных обвинений в провокации. Ответ просил прислать на имя жены Книжника, которая жила в Киеве. Книжник вместе с другими товарищами анархистами и между прочим с Гросманом - Рошиным, переслал ответ Богрову через жену, что они здесь ручаются за порядочность Богрова и назначение третейского суда считают оскорблением для Богрова. Письмо дошло по назначению. Но через месяц Книжник получает новое письмо от Богрова из Мюнхена, куда тот приехал отдохнуть, **измученный дрязгами последнего времени подозрительностью некоторых товарищей.**

Подчеркнутое сообщение самого Богрова указывает, что его тревоги и внутренние терзания начались уже в 1908 г.

Книжник просил Богрова достать ему хороший па-

спорт для поездки в Россию. Богров прислал на имя Розенблюма. В начале марта Книжник прибыл в Петербург, а 22 марта он был арестован и сослан в Сибирь. Никаких подозрений против Богрова не возникло, а выстрел в Столыпина уничтожал всякие подозрения, если бы они и возникли.

Возвращаясь из ссылки Книжник в 1912 г., был в Киеве. О казненном Богрове он слышал два противоположных мнения: А. С. Гольденвейзер и другие говорили, что в последнее время Богров спрашивал у близких знакомых, кто самый вредный для России из государственных деятелей в данный момент и проявлял исключительный интерес к операциям охранной практики.

«Из других источников, — пишет далее Ив. Книжник, — слышал я о том, что убийства Столыпина якобы потребовали от Богрова его товарищи, разоблачившие в нем провокатора. Но подтверждения этому в революционной литературе я не встречал. Напротив, я читал в книжке Мушина, что в 1908 г. вопрос о провокаторстве Богрова разбирался его товарищами в тюрьме: и они оправдали его от всяких подозрений».

В заключение, Книжник, поставленный между двумя противоположными версиями о деле Богрова, между сообщениями Л. Гана и книжкой А. Мушина, предлагает проверить сообщения Гана по документам. Правда-ли, что сообщает Ган, а именно:

1) — Что в 1910 г. начальник питерской Охранки фон Коттен получил из Киева телеграмму о предстоящем приезде «сотрудника по анархистам» «Аленского» (под этой кличкой значился Богров).

2) — Что в Киевской Охранке имеются книжки с доносами сотрудника Аленского, начиная с 1907 г.

3) — Что при опросе Богрова следователем Фененко, 2 сентября 1911 г. Богров за собственноручной подписью сознался, что работал с анархистами, но разочаровался в деятельности их, «ибо пришел к заключению, что они преследуют чисто разбойничьи, коры-

стные цели», и потому решил сообщить о них охранке в середине 1907 г., и стал с тех пор получать по 100 и 150 руб. в месяц; что фон Коттен в Петербурге в 1910 г. в течение 4 месяцев тоже платил ему по 150 руб. Все провалы и ликвидации предприятий анархистов — дело рук Богрова.

4) — Что 9 сентября на суде Богров признавал, что он служил в охранке, и что в 1911 г. приезжали делегаты из Парижа, пред'явившие ему обвинение в сношениях с охранкой и предложившие ему для своей реабилитации совершить террористический акт, угрожая оглаской его провокаторства и лишением его жизни.

«Последнее сообщение, — говорит Книжник, — очевидно, заимствовано из рассказов жандармов. Но не позаимствовано ли и все сообщение Гана о письменных показаниях Богрова тоже из рассказов жандармов, а не из подлинных документов. Все это нуждается в проверке».

Это было написано 25 июля 1922 года, т. е. почти через 11 лет после убийства Столыпина и казни Богрова; а в 1924 г. в № 26 советского журнала «Былое», другой бывший анархист и соратник Богрова, И. Гросман-Рощин, тоже помещает свои воспоминания о Богрове.

Сидя в Киевской тюрьме, Гросман получает сообщение, что Богров провокатор и что его выдал именно Богров. Гросман не верит. Прошло много времени. Гросман в ссылке. Потом бежит. Является в Киев. Думает пробраться за границу. Ему нужна квартира. Все устроил Дмитрий Богров. То было в 1908 г. Богров уговаривает Гросмана остаться в России и работать среди анархистов. Составляет планы работы, издание органа, организация кружков, и т. п. Гросман соглашается. Но на другой день сам Богров арестован по подозрению в организации побега смертников, о чем Богров предупредил Гросмана. Гросман, узнав об аресте Богрова выбирается из Киева и благополучно перебирается через границу и оседает в Париже вместе с Ив. Книжником. Здесь от Богрова получается письмо

с просьбой поскорее напечатать его отчет в израсходовании денег, (2080 руб), которые с июля 1908 г. находились в его руках.

«Не откладывайте в долгий ящик проверки моего отчета, ибо она потом осложнится» — так заканчивал Богров свое письмо.

Вскоре он уехал в Россию. В сентябре пришла весть, что Столыпин убит, а Дмитрий Богров повешен. В заключение Гросман спрашивает: «Что побудило Богрова на покушение?» Может, ключом послужат следующие строки из его письма:

«Нет никакого интереса в жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мнѣ предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика это позволит. То скливо, скучно, а главное одиноко». (См. брошюру А. Мушина).

Итак, Гросман, как и Книжник, несмотря на многочисленные указания, что они сами являются жертвами охранника Богрова, до 1925 года продолжают «энергично защищать Богрова, в полной уверенности, что этот своеобразный человек на такую «штуку» не пойдет»...

ДЕЛО БОГРОВА ПО ДОКУМЕНТАМ

Никонец, в № № 9 и 10 советского исторического журнала «Красная Летопись» за 1924 г., напечатаны подлинные документы по делу Дмитрия Богрова, извлеченные из архива Департамента Полиции с краткими комментариями, сделанными неким Б. Струмилло. Документы разбиты на две части. В № 9 «Красной Летописи» помещены агентурные сообщения Богрова (под кличкой Аленского) в Киевское охранное отделение, т. е. Кулябко, начиная с 1907 по 1910 г., и в петербургское отделение, фон Коттену, в 1910 г. Эти доносы не оставляют никакого сомнения для оценки личности Богрова. В № 10 того же журнала помещены — донесение Кулябко о событии

1-го сентября и ряд допросов Богрова после его ареста, с показаниями, собственноручно подписанными Богровым.

Все эти документы в целом вполне исчерпывают дело и точно отвечают на вопрос: кто был Богров, — охранник или революционер? Но в докладе подполковника Кулябко и в показаниях Дмитрия Богрова имеются неточности, умышленные или неумышленные ошибки, которые искажают освещение всего дела. С документами в руках, Б. Струмилло подвел все итоги. Остается только расставить точки на и... что я и хочу сделать.

Но как это сделать?

Дело в том, что теперь я могу уже открыто заявить, что несмотря на заявление Богрова при следствии, что все рассказанное им Кулябко о сношениях со мной и Кальмановичем есть простой вымысел, и что таинственный «Николай Николаевич» и девица «Нина Александровна» — тоже вымышленные лица, — это не совсем верно. Я действительно виделся с Дмитрием Богровым и имел с ним сношения в Петербурге, и мои добрые друзья Николай Яковлевич и Нина Александровна, хотя и под другими, своими собственными именами, — слава Создателю! — живут в добром здоровье и по сие время, — первый за границей, а вторая, в Советской России.

Я предполагал раньше — начать с изложения моего знакомства с Богровым и потом перейти к последующим событиям. Но когда я ознакомился с документами, я увидел, что мне пришлось бы многое повторять, изложенное в показаниях Богрова и в докладе Кулябко. Поэтому я решил сначала изложить дело по документам, отмечая в них ошибки, неясности и искажения, в виде примечаний к подчеркнутым мною местам.

Начну с доклада или донесения подп. Кулябко, посланного в Департамент Полиции 2-го сентября в дополнение к телеграфному сообщению о покушении на Столыпина.

ДОКЛАД КУЛЯБКО

«Имею честь донести, что 1-го сего сентября, во время парадного спектакля в Киевском городском театре, помощник присяж. поверенного Дмитрий Григорьевич Богров произвел два выстрела из «браунинга» в премьер - министра, ст.-секретаря Столыпина, которыми его в-ство был тяжело ранен. Д. Богров состоял сотрудником отделения по группе анархистов - коммунистов под кличкой «Аленский» с конца 1906 г. по апрель 1910 г., когда выбыл в Петербург. Будучи столь продолжительный срок сотрудником отделения, он давал сведения, всегда подтверждавшиеся не только наблюдением, но и ликвидациями, дававшими блестящие результаты, причем ликвидированные по его сведениям лица отбывали наказания по суду до каторжных работ включительно. Также по его сведениям были арестовываемы и привлечены к ответственности отдельные серьезные партийные работники, как местные, так и приезжие из - за границы, ликвидированы местные анархические и экспроприаторские группы, южная интернациональная группа анархистов - коммунистов, группа анархистов - индивидуалистов, группа максималистов и др., причем при ликвидации последней группы, кроме арестов отдельных лиц, крайне серьезных партийных работников, подлежащих за прежнюю свою преступную деятельность отбытию в каторжных работах и приговоренных к смертной казни, были обнаружены лаборатории бомб и разрывные снаряды в гг. Киеве, Воронеже и Борисоглебске».

К сожалению, оценка деятельности Богрова здесь сделана совершенно верно и подтверждается, как приложенными документами, так и собственными показаниями Богрова.

«Кроме вышеизложенного, — продолжает Кулябко, — Богров имел обширнейшие связи среди партийных работников, проживающих за границей, в виду чего он неоднократно был командирован отделением в Париж, Же-

неву и др. города З. Европы, откуда доставлял в отделение очень ценные сведения. С апреля месяца 1910 г., — по окончании университета, Д. Богров, как выше доложено, переселился на жительство в Петербург, где **состоял помощником у присяжного поверенного С. Е. Кальмановича, и прекратил сношения с отделением.**

(Примечание: Богров помощ. прис. поверенного Кальмановича не состоял. Он хотел сделаться им, если это понадобится для проживания в Петербурге. Кроме того, чтобы лучше разобраться в путанице показаний разных лиц, чрезвычайно важно запомнить времена передвижений и пребывания в разных местах Богрова, в России и за границей. Здесь в подчеркнутом я обращаю внимание читателя на признание самого Кулябко, что он прекратил всякое сношение с Бобровым с апреля 1910 г., и встретился с ним снова только в Киеве через полтора года, 26 или 27 августа 1911 г., т. е. за несколько дней до покушения на Столыпина).

«27 августа, — продолжает Кулябко, — 1911 г. Дм. Богров явился в отделение и заявил, что у него имеются сведения очень серьезного характера, которые он считает своим нравственным долгом сообщить мне, как своему бывшему начальнику, дабы, в случае прибытия в Киев тех лиц, о которых он желает дать сведения, и невозможности сообщить эти сведения после их приезда, я знал бы подробно их намерения и планы. Сведения эти заключались в следующем:

На Троицу 1910 г. в С-Петербург из Парижа прибыла дама, которая привезла с собою письма от Ц.К. партии с.-р. Поручение это она получила через посредство Ю. Кальманович, которая в течение нескольких лет проживала в Париже, состоя там слушательницей университета. Кальманович, будучи ее ближайшей подругой, знала, что она нуждается в средствах для поездки к родителям в Москву, а также была осведомлена о ее полной политической благонадежности. Даме этой даны были следующие инструкции: 1) В Петербурге она должна была прежде всего явиться в квартиру прис. пов. Кальмановича.

вича, передать ему одно из писем и получить с него 150 руб. 2) — явиться в редакцию «Вестника Знания» и вручить там Егору Егоровичу Лазареву два письма и 800 франков денег, которые ей были даны в Париже; и передать Лазареву на словах, что деньги эти немедленно надо послать по определенному адресу в деревню. (**Адрес этот Богров сообщил в петербургское охранное отделение**).

Примечание Е. Л.: Это неправда: он не сообщал и не мог сообщить, как я покажу позднее.

3) Вручить одно письмо члену Государственной Думы Булату, а если последний не будет в Петербурге, то и это письмо передать Лазареву, — с тем, чтобы оно с человеком было отправлено Булату, в деревню. Все эти поручения не могли, однако, быть исполнены приехавшей дамой, ибо по случаю праздника Троицы редакция «Вестника Знания» была закрыта в течение двух дней. Кальманович же находился на даче в Финляндии. Очувтившись в столь затруднительном положении, дама эта обратилась к Богрову, которого знала с детства. Кальмановичу была послана телеграмма и к вечеру того же дня он явился в Петербург, где в присутствии Богрова ему было вручено приезжей дамой письмо. Прочитав его, он выразил удивление, что перевозка столь важных писем поручена лицу, не имеющему ничего общего с партией с.-р.; что парижане не рассчитали дня приезда своей уполномоченной и тем поставили и ее и его в глупое положение, которое осложняется еще тем, что он сегодня же вечером должен ехать в Варшаву по делам. В конце концов он посоветовал даме... передать письма Богрову для вручения Лазареву, ибо Булат тоже уехал из Петербурга.

Примечание: За исключением тонких нюансов, все вышеизложенное действительно имело место. С той лишь оговоркой, что Богров, еще в Киеве решивший повидаться со мною, обрадовался случаю, чтобы встретиться со мною.

Далее Кулябко пишет: «В тот же день дама уехала

в Москву, а письма были представлены Богровым в петербургское охранное отделение и после этого вручены Лазареву.

Примечание: Это неверно. Письма переданы невскрытыми. Кроме того, что я их тщательно исследовал, прежде чем открыть, но в тот же вечер я был у Кальмановича, который действительно уезжал в Варшаву, где у него назначено было к слушанию дело. Я убедился, что со времени выхода Богрова от Кальмановича и до прихода ко мне, на Кавалергардскую улицу, где я жил, он не мог быть в охранном отделении и показывать письма, да еще в праздники Троицы и Духова дня, когда все учреждения закрыты. Далее сам Кулябко опровергает это.

«После этого, продолжает Кулябко, между Лазаревым и Богровым установилась постоянная связь, и в конце концов к Богрову явилось лицо, отрекомендовавшееся другом Лазарева, и имевшее от него пароль и заявление о своем желании познакомиться. Это лицо в разговоре осведомилось, у кого можно собрать сведения о прежней деятельности Богрова, и обещало поддерживать с ним сношения, кроме того к Богрову являлся еще один неизвестный также от Лазарева. Об этих лицах Богров сообщал начальнику петербургского охранного отделения, указывая довольно точно время и место их посещения Богрова, но были ли они взяты в наблюдение он не знает, хотя, насколько ему казалось, наблюдение в указанное им время не выставлялось. Этим и закончились свидания Богрова с упомянутыми двумя неизвестными.»

Примечание: Здесь я отмечу только, что ни с кем из моих друзей и товарищей, кроме меня самого, Богров сношений не имел и наблюдений за неизвестными устанавливать было нельзя. Я имею все основания думать, что когда Богров виделся со мной, он еще не вошел в сношения с петербургской охранкой; что лишь после второго или третьего свидания со мною он решил завязать сношения с петербургской охранкой уже в целях убийства Столыпина. Прямо идти в охранку он, очевидно, не хотел, а решил использовать свои старые связи с

Кулябко, и потому, как увидим далее, Богров запросил Кулябку — после уже свидания со мной: — Вот - де - есть у меня интересные сведения, — к кому бы я мог с ними здесь обратиться. Кулябко телеграфирует: «К фон Коттену», и от себя послал последнему рекомендацию о Богрове. Если принять во внимание, что Богров виделся со мною как раз на Троицу, — это я тоже хорошо помню, — а к фон Коттену он обратился только в июле, (ибо дальше видно, что фон Коттен, очевидно по рекомендации Кулябко, платил Богрову тоже по 150 руб. в месяц, в течение **четырёх** месяцев, до отъезда Богрова из Петербурга в Киев и за границу, т. е. до 22 ноября 1910 года), — то после всего этого версия о предварительной передаче парижских писем ко мне и Булату в охранку является вздорной. В письмах шла речь о предупреждении серьезно скомпрометированного товарища нашего, скрывавшагося в одном селе; сообщалось, что его местопребывание открыто и что ему следует немедленно скрыться оттуда. Для верности требовалось послать для этого нарочного. Если бы охранка прочла эти письма, разве можно бы было скрывающемуся спастись. А он благополучно исчез. Сам Богров не знал о содержании писем.

«В конце июня 1911 г., — продолжает Кулябко, — после выезда Богрова из Петербурга, им было получено письмо от одного из неизвестных с целым рядом вопросов по поводу убеждений Богрова, его настроения и т. п., при чем для ответа был дан адрес в «Вестник Знания», Невский 40, для Н. Я. Рудакова. Ответ был послан немедленно и составлен в том смысле, что своих убеждений он не менял и менять не собирается. Затем до конца июля никаких известий от этого лица не было, когда совершенно неожиданно для Богрова к нему, в дачную местность «Потоки», около Кременчуга, явился один из тех неизвестных, с которыми он познакомился через Лазарева в Петербурге — отрекомендовавшись Николаем

Яковлевичемъ, который рассказал ему, что был в Киеве, узнал в доме Богрова адрес его дачи, и так как у него все равно было дело в Кременчуге, разыскал его. Центр тяжести разговора заключался в том, что какая - то группа подготовила какое - то дело и для них необходимо иметь в Киеве безопасную квартиру, за подысканием какой он и обратился к Богрову; также шел разговор и о способах сообщения между Кременчугом и Киевом, при чем был выработан план поездки на моторных лодках, так как проезд поездом или пароходом, в виду принятых в Киеве мер охраны, Николай Яковлевич считал опасным. Выехав Ник. Як. обратно в Кременчуг в тот же день, обещав в скором времени дать о себе знать. В виду таковых сведений, мною были даны Богрову указания: моторные лодки отнюдь не доставать, что касается подыскания квартиры, то таковую, если-бы она нашлась у Богрова, я разрешил ему нанять, при чем ему категорически было указано, что выступать ему вместе с этой группой активно ни в каком случае нельзя, и вся роль его, в крайнем случае, может ограничиться лишь в пассивном содействии, в виде наблюдения за теми лицами, против которых группа предположит направить террор. На это Богров заявил; что в разговорах с Николай Яковлевичем он себя в этом роде и держал и что как он, так и его соучастники на активную помощь со стороны Богрова не рассчитывают. Получивши эти сведения, мною было сделано распоряжение об установлении наблюдения за квартирой Богрова на случай неожиданного прибытия Николая Яковлевича или других членов обследуемой группы, были посланы телеграммы полковнику Коттену с запросом о личности Лазарева, Кальмановича, Булата и неизвестных, находящихся в сношениях с Лазаревым, о которых было выше доложено, в ответ на что полковником Коттенем были мне присланы справки на Лазарева, Булата и Кальмановича, и сообщено, что **находившиеся в сношениях с Лазаревым ему неизвестны: сведения о случае передачи писем из-заграницы через Кальмановича, еврейку и Лазареву в отделение поступили,**

но уже после передачи, почему - то не были разработаны.»

Примечание: После предыдущих моих замечаний это место вполне понятно.

«Одновременно с сим для обследования Кременчуга туда был командирован ротмистр Жуев с отрядом филеров. Накануне совершения покушения Богров дал мне сведения, что Николай Яковлевич приехал в Киев, и из разговора с ним он убедился, что дело касается министров Столыпина и Кассо, причем Богрову поручена слежка за Столыпином и Кассо и собрание точных их примет. В виду этого ему необходимо сегодня быть в Купеческом Собрании, так как из слов Николая Яковлевича он заключил, что за ним может быть проследка со стороны членов группы, почему, если он не будет в Купеческом Собрании, это может послужить для него провалом. Когда же мною был задан ему вопрос, чем же он объяснит получение билета при тех строгостях, которые установлены при выдаче таковых, Богров ответил, что это им было предусмотрено, и он сослался на одну из кафешантанских девиц, по имени Регина, которая, имея якобы связи во всех слоях общества, может ему свободно достать билет. После этого билет в Купеческое Собрание был Богрову вручен. В ночь на 1 сентября Богров снова явился ко мне и заявил, что Николай Яковлевич поселился у него на квартире, имея два браунинга, и что с ним приехали и другие члены группы, в том числе некая Нина Александровна, расселившиеся на других неизвестных Богрову квартирах, и что из разговоров с Николаем Яковлевичем он заключил, что у Нины Александровны имеется бомба. По его сведениям Нина Александровна должна была между 12 и 1 час. дня 1-го сентября придти на свидание к Богрову в его квартиру, почему за таковой было усиленное наблюдение в целях выяснения Нины Александровны и квартиры, где она поселилась. Относительно посещения Богровым Купеческого сада, он заявил мне, что, согласно данным ему указаниям, он сообщил Николаю Яковлевичу, что примет его

он дать не может, так как в Купеческом саду была такая масса народу, что он не в состоянии был приблизиться к тому месту, где находились министры. Поэтому Николай Яковлевич пред'явил ему категорическое требование выполнить это сегодня же, прося его быть в городском театре во время парадного спектакля. Богрову снова был дан билет в городской театр».

Упомянув, какие он принимал меры для охраны министров, Кулябко заканчивает:

«Когда Богров явился в театр, то он был приглашен мною в одну из комнат, где я имел с ним разговор относительно Николая Яковлевича, при чем он заявил, что Николай Яковлевич сидит дома и что выход его будет ночью на квартиру, которую они имеют на случай от'езда. Волнуясь, чтобы Николай Яковлевич не был пропущен наблюдением, я его убедил поехать домой, после чего он, возвратившись, доложил мне, что Николай Яковлевич пока сидит дома. Во втором антракте, продолжая волноваться за утрату наблюдением Николая Яковлевича я предложил Богрову еще раз с'ездить домой и, в случае его выхода, передать его наблюдению. После чего Богров, простившись со мною, направился одеваться, а я, встретив у дверей тов. министра ген. - лейт. Курлова, зашел с ним в одну из комнат, где сделал доклад о принятых мною мерах, во время коего Богров, воспользовавшись удобной минутой, прошел в зрительный зал и произвел покушение на жизнь Столыпина....»

ПОКАЗАНИЯ ДМИТРИЯ БОГРОВА

С момента покушения на Столыпина и до самой казни, Богрова допрашивали разные лица и несколько раз. Он не сразу открыл свою душу, а постепенно, под давлением установленных фактов. При первых показаниях он держится как революционер, исполнивший свой гражданский долг, хотя не может не признать, что служил в охране. Лишь под конец вскрывается весь ад его ду-

ховного состояния и давнишнего мучительного настроения. Мы отметим здесь наиболее интересные места.

В тот же вечер или ночью, тотчас же после покушения, по предложению прокурора киевской судебной палаты Богрова допрашивал жандармский подполковник Иванов, в присутствии товарища прокурора судебной палаты Цурюка и прокурора суда Брандорфа. Протокол подписан Богровым собственноручно.

ПОКАЗАНИЯ 1 СЕНТЯБРЯ

«Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, вероисповедания иудейского, от роду 24 года.... К делам политического характера не привлекался. На предложенные вопросы отвечаю: **«решив еще задолго до наступления августовских торжеств совершить покушение на жизнь министра внутр. дел. Столыпина, я искал способов осуществить это намерение.»**

Примечание: Как увидим позднее, это «задолго» восходит к началу 1910 года, если не раньше.

«Так как я не имел возможности встретиться с министром, я решил обратиться к начальнику охранного отделения Н. Н. Кулябко, которому я рассказал, что ко мне обращался некий молодой человек, который готовится сделать покушение на одного из министров, и что этот молодой человек проживает у меня в квартире. Кулябко, будучи взволнован сообщенными сведениями, поставил наблюдение за моей квартирой для установления личности молодого человека. При свиданиях с Кулябко присутствовали полковник Спиридович и Веригин; конечно, Кулябко вполне искренно считал мои слова истинными. Вследствие этого Кулябко дал мне билет в Купеческое собрание и затем в театр.... В Купеческом я пробыл с 8 час. вечера до конца торжества. Револьвер был со мной. Стоял на алее, недалеко от малороссийского хора, ближе к входу. Потом переменил место и стоял на пути прохода государя, за хором, приблизительно про-

тив ресторана. Имел при себе револьвер. **Почему не выполнил своего намерения, не знаю.** В театр я пришел в 8 часов вечера, вошел через главный вход, после этого увидел Кулябко, который спросил: «ну что, ушел ли ваш квартирант?» Я ответил, что он еще у меня на квартире, что он заметил наблюдение и поэтому не выходит. Кулябко предложил мне с'ездить под каким нибудь предлогом домой и посмотреть, не собирается ли мой гость уходить. Я вышел из театра приблизительно в 8ч.25м.вечера, перешел на другую сторону Владимирской улицы и приблизительно через 15 минут вернулся обратно. Вошел я через правый боковой вход, при чем неизвестный мне офицер не пропустил меня, так как часть билета была прорвана при первом контроле. Я обратился за помощью к Кулябко, который удостоверил, что я уже был в театре. Тогда меня пустили. Во время первого антракта я не сходил с места. Во время второго я прошел в коридор, где Кулябко сказал мне, что он сильно беспокоится насчет моего квартиранта, и предложил немедленно ехать домой. Я выразил согласие; он повернул в другую сторону, я прошел в проход, в котором стоял Столыпин. Подойдя к нему на расстояние 2-3 шагов, я вынул револьвер «браунинг» и произвел два выстрела. После этого повернулся и пошел к выходу, но был задержан.

«Все рассказанное мною Кулябко было вымышлено. Никто у меня не останавливался. В первое свидание (27 августа. Е. Л.) я рассказал в самом неопределенном виде, что ко мне на дачу, где я жил в течение двух недель, приезжал молодой человек, по кличке Николай Яковлевич, с которым я **будто бы** познакомился в Петербурге. Человек этот расспрашивал меня об условиях, в которых будут происходить Киевские торжества и видимо интересовался условиями, при которых мог бы иметь место террористический акт. При этом разговоре присутствовали Спиридович и Веригин. При следующем разговоре по телефону я попросил билет в Купеческое. Билет мне был дан. После Купеческого я вечером, часов

в 11 зашел в охранное отделение. Кулябко уже спал, я написал ему сообщение, что Николай Яковлевич приехал ко мне, ночует у меня и завтра намерен встретиться с неизвестною девицей «Ниной Александровной», у которой есть бомба. **Все это опять - таки было ложно.**

Ни к какой партии я не принадлежу. Имел года три тому назад связи с анархистами, но связи эти безвозвратно порвал. С тех пор я занимался исключительно своим образованием. (И далее интересны даты. Е. Л.). В январе 1910 г. кончил киевский университет, и в апреле того же года уехал в Петербург, где пробыл до ноября 1910 г. Из Петербурга я уехал **по болезни** (по другой, более точной его версии: **вследствие расстройства нервов и по настоянию родных. Е.Л.**) и в течение 2 месяцев, — январь и февраль 1911 г. прожил в Ницце, откуда вернулся в Киев. В Петербурге я жил у двоюродного брата Льва Богрова, занимался отчасти адвокатурой, отчасти состоял помощником секретаря по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов, при министерстве торговли и промышленности, где получал 50 руб. в месяц жалованья, судебная практика в мировых учреждениях давала мне 25-30 руб. в месяц, и от 75-100 руб. ежемесячно высылал мне отец.»

«Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, т. е. отступления от установившегося в 1905 г. порядка: роспуск Государственной Думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Госуд. Думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа».

«С середины 1907 года я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которой имел связи. В охранном отделении состоял до октября 1910 (вернее — до 22 ноября, т. е. до его выезда из Петербурга сначала в Киев, а оттуда в Ниццу, Е. Л.), но **последние месяцы никаких сведений не давал**».

Примечание: Это утверждение правдиво. Под «последними месяцами» нужно понимать время проведенное в Петербурге уже после свидания со мною на Троицу 1910 г., когда приблизительно в июле он решил вступить в сношения с фон Коттенем, уже с революционной целью. На запрос Книжника: Являлся ли Богров к начальнику охранки в Петербурге, фон Коттену, — Б. Струмилло отвечает: «Из материала видно, что Богров туда являлся, нес околесицу и исправно получал по 150 руб. в месяц.»

«Нес околесицу!...» Значит, — не был искренним и усердным доносчиком, как это было раньше. Для оценки поведения Богрова в разные моменты его жизни, этот пункт я считаю важным. Дальше, из показаний Богрова, данных 2-го сентября судебному следователю Фененко, — показаний, вполне откровенных, искренних и правдивых, будет видно, что в течение всего петербургского периода жизни Богрова, он уже не был прежним беззаботным охранником, и завел сношения с фон Коттенем уже в своего рода «революционных» целях, готовый, для реабилитации себя перед своей собственной совестью и перед внешним миром, на всякие жертвы...

ПОКАЗАНИЯ БОГРОВА 2 СЕНТЯБРЯ

Несколько слов об этих показаниях. Это те показания следователю Фененко, на которые ссылается Л. Ган в своей статье в «Историческом Вестнике». Мы уже указали раньше, что Ив. Книжник, товарищ и жертва Богрова, в своей статье в № 5 «Красной Летописи» не верит в предательство Богрова, а при ссылке Л. Гана на показания Богрова следователю Фененко от 2-го сентября, говорит, что «необходимо проверить, действительно ли имеются подобные показания Богрова в письменной форме за его подписью?» Не по рассказам ли жандармов Л. Ган излагает дело? («Кр. Лет.» стр. 239).

В ответ на этот вопрос Книжника, Б. Струмилло в № 10 той же «Красной Летописи» за 1924 г. в заключение своих сообщений говорит: «В деле департамента полиции, которым мы пользовались, этих показаний нет. Быть может они в Киеве. Но зато есть показания от 4 и 10-го сентября по допросам у жандармского полковника Иванова, дополняющие и повторяющие показания у Фененко.— Судя по ним, заключает Струмилло, Ган общал по подлинным документам, а не по рассказам жандармов».

Этот ответ и странен и непонятен. Б. Струмилло говорит, что показания Богрова следователю Фененко от 2-го сентября в деле департамента полиции, которым он пользовался, нет. «Быть может они в Киеве...» Между тем тот же Б. Струмилло приводит в подлиннике все показания Богрова, в том числе и показания следователю Фененко от 2-го сентября, которые мы и приведем сейчас, благодаря все тому же Б. Струмилло.

Богров не признает себя виновным в принадлежности к группе анархистов, но признает себя виновным в заранее обдуманном покушении на жизнь министра Столыпина, каковое преступление «совершено им без предварительного уговора с другими лицами и не в качестве участника какой либо революционной организации.»

Далее он рассказывает, как он, возвратившись из Мюнхена в 1906 г. присоединился к кружку анархистов в Киеве, состав которого постоянно менялся вследствие арестов и высылки. В группе были: Иуда Гросман, Леонид Таратута, Кирил Городецкий и несколько рабочих булочников. В 1908 г. после их ареста в группу вошли приехавшие из - за границы Герман Сандомирский, Наум Тыш, Дубинский и какой - то Филип. «Примкнул я к группе анархистов, — говорит Богров, — вследствие того, что считал правильной их теорию и желал подробнее познакомиться с их деятельностью. Однако, вскоре, **в середине 1907 г.** я разочаровался в деятельности этих лиц, ибо пришел к заключению, что все они преследуют,

главным образом, чисто разбойничьи цели. (Это место было дословно приведено в статье Л. Гана. Е. Л.). Поэтому я, продолжая Богров, — оставаясь для видимости в партии, решил сообщить киевскому охранному отделению о деятельности членов ее. Решимость эта была вызвана еще тем обстоятельством, что я **хотел получить некоторый излишек денег**. Для чего мне был нужен этот излишек — я **объяснять не желаю**.» Впервые Богров явился в охранное отделение в середине 1907 г. Когда Кулябко убедился в правильности моих сообщений, говорит Богров, — «он принял меня в число сотрудников и стал выплачивать мне 100-150 в месяц». «В охранное отделение я ходил раза два в неделю и между прочим сообщал сведения о готовящихся преступлениях, как напр., Борисоглебской организации максималистов, об экспроприации в киевском политехническом институте, лаборатории в Киеве, на Подоле, по которой была привлечена Р. Михельсон, раз'яснил дело Мержеевской, подготавливавшей покушение на жизнь государя в 1909 г. и много других замыслов анархистов.»

«Кроме того я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить находившихся в Лукьяновской тюрьме Тыша и Филиппа при помощи бомб. Для предупреждения этого преступления необходимо было арестовать участников накануне и для того, чтобы моя роль, как сотрудника, не была раскрыта, я тоже был арестован охранным отделением, и содержался в Старо-Киевском участке с 10 сентября по 25 сентября 1908 года, после чего был отпущен и продолжал свою деятельность в охранном отделении, где шел под фамилией «Аленский».

«Всего работал я в охранном отделении около 2½ лет. Мои поездки за границу были предприняты для моих личных целей и не носили характера командировок от охранного отделения, но Кулябко пользовался этими поездками, поручал собирать и сообщать сведения о деятельности анархистов, и продолжал ежемесячно выплачивать мне деньги».

Далее следует пункт показания, на который я обращаю особое внимание. Это — поведение и настроение Богрова в Петербурге в 1910 г., когда я с ним встретился.

«В охранном отделении (Киевском. Е. Л.), я работал до начала 1910 г., а затем уехал в Петербург, — по окончании в феврале месяце курса в Киевском университете. Вскоре по приезде в Петербург, в июле месяце 1910 г. (в тексте статьи, на стр. 232 стоит: 1911 г. Это явная описка или опечатка, ибо в 1911 г. Богров ни разу в Петербурге не был. (Е. Л.) я решил сообщить петербургскому охранному отделению или департаменту полиции вымышленные сведения для того, чтобы в революционных целях вступить в тесные сношения с этими учреждениями и детально ознакомиться с их деятельностью».

«По прибытии в Петербург, я снова сделался революционером, но ни к какой партии не примкнул. Могу только добавить, что в киевском охранном отделении я действовал исключительно в интересах сего последнего. **Задумав сообщить** петербургским жандармским властям **вымышленные сведения, я написал Кулябко письмо**, в котором сообщил, что у меня есть важные сведения; запрашивал его, — куда мне их сообщить? На это письмо я получил телеграфный ответ с указанием, что мне нужно обратиться к петербургскому начальнику охранного отделения фон Коттену. У этого последнего я был раз 10 и, передавая ему **вымышленные и довольно безразличные сведения**, повидимому заслужил его доверие. **Мне думается, что меня рекомендовал ему Кулябко.** Коттен платил мне 150 руб. в течение 4-х месяцев. После этого я серьезно заболел (расстройством нервов, Е. Л.) в Петербурге; и врачи послали меня на юг Франции, куда я прибыл в декабре месяце 1910 г., и оставался там до марта 1911. Там я никаких сношений с революционными организациями не имел и никаких поручений от них не получал. Вернувшись в Киев, я прожил здесь до конца июля месяца, **ни с Кулябко, ни с революционерами не виделся.** В июле же месяце я поехал на дачу около Кре-

менчуга, где пробыл недели две у своих родителей. После этого я вернулся в Киев в начале августа и оставался здесь безвыездно до вчерашнего дня».

И так, петербургский период жизни Богрова прошел под знаком тягостных колебаний и размышлений, под знаком запоздалого раскаяния и стремления искупить непростительный грех против Духа Святого... Спрашивается: мог ли Богров, будучи в таком настроении, прийти ко мне на Троицу для передачи парижских писем, **занеся их предварительно в петербургскую охранку**, когда из показаний Богрова видно, что к фон Коттену он попал впервые, благодаря посредничеству Кулябко, только в **июле**, ибо: несомненно, что только получив хорошие рекомендации от Кулябко, фон Коттен платил Богрову по 150 руб. в месяц за сведения довольно «безразличного характера, в течение 4 месяцев». А уехал Богров из Петербурга, мрачный, с развинченными нервами, 22 ноября — сначала в Киев, а в декабре — в Ниццу, на 2 месяца. Я был арестован вскоре после его выезда из Петербурга, а именно 30 ноября. Это был довольно бурный период петербургской жизни, вызванный смертью Л. Н. Толстого, когда подготовлялись бурные студенческие демонстрации и во всем обществе чувствовалось необычайное возбуждение. И теперь я склонен думать, что Богров, войдя в сношения с фон Коттеном, поспешил сам и нарочно уехать из Петербурга, сославшись Коттену на тяжкую болезнь, чтобы не попасть в гущу необыкновенно оживленной охранной деятельности в этот период.

Дальнейшие его показания только подтверждают высказанные выше соображения:

«Еще в 1907 году, — показывает далее Богров, — у меня зародилась мысль о совершении террористического акта в форме убийства кого-либо из высших представителей правительства, каковая мысль являлась прямым последствием моих анархических убеждений. Затем, в период моей работы в киевском охранном отделе-

нии я эту мысль оставил. А в нынешнем году снова вернулся к ней, причем я решил убить министра Столыпина, так как я считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна. Зная о предстоящих в Киеве августовских торжествах и о предполагаемом приезде Столыпина, я решил воспользоваться этим обстоятельством для осуществления своего замысла. Но так как мне трудно было проникнуть в те места, где должен был иметь пребывание Столыпин, то я придумал ввести Кулябко в заблуждение и при его помощи получить доступ в означенные места. Для этой цели, я 26 или 27 августа отправился к Кулябко на квартиру, предварительно уведомив его по телефону о том, что имею сообщить ему некоторые сведения. Кулябко принял меня у себя дома, и при нашем разговоре присутствовали полк. Спиридович и камер - юнкер Веригин. Я сообщил всем этим лицам **вымышленные** сведения, схема которых **была выработана мною заранее** по следующему плану. В бытность мою в Петербурге я **сообщил фон Коттену ложное известие о моем знакомстве с молодым террористом**, и вот теперь я и решил воспользоваться этой же несуществующей личностью, которую назвал «Николаем Яковлевичем», для того чтобы создать связь между сведениями, сообщенными фон Коттену раньше, и ныне сообщаемыми мною Кулябко, и тем самым придать этим сведениям большую достоверность. Я решил рассказать Кулябко, что этот «Николай Яковлевич» с женщиной «Ниной Александровной», также несуществующей, условились приехать в Киев во время августовских торжеств для совершения убийства одного из видных министров, что они просили меня дать им возможность прибыть в Киев не по железной дороге и не на пароходе, а на моторной лодке для того, чтобы избежать полицейского наблюдения, и что «Николай Яковлевич» имеет намерение остановиться у меня на квартире. После передачи всех этих сведений я решил убедить Кулябко дать мне пропуск в те места, где будет Столыпин, для того, чтобы иметь возможность предупре-

дить покушение на него. Весь этот план и был мною осуществлен, при чем Кулябко, несомненно, вполне искренно считал мои слова правдивыми.

«Я виделся с Кулябко **всего три раза, а именно:** 26 или 27 августа — в присутствии Спиридовича и Веригина, затем ночью 31 августа у него на квартире и, наконец, 1-го сентября в «Европейской гостиннице» в присутствии того же Веригина. **В эти три раза я ему рассказал все вышеизложенное** и прибавил, что «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна» приехали, и первый из них остановился у меня на квартире.»

Таким образом Богров получает билет для входа в Купеческий сад вечером 31 августа, где, — говорит он, — «я стоял сначала около эстрады с малороссийским хором, а затем перешел на аллею, ближе к царскому шатру; стоял я в первом ряду публики и хорошо видел прохождение государя, но Столыпина в тот момент не заметил и видел его только издали и то неотчетливо; поэтому я не мог тогда в него стрелять.»

«Вернувшись из Купеческого сада и убедившись, что единственное место, где я могу встретить Столыпина, есть городской театр, в котором был назначен парадный спектакль 1-го сентября, я решил непременно достать туда билет и с этой целью пошел в охранное отделение, и в виду того, что Кулябко уже спал, я написал пред'являемую мне записку.

В этой записке я сообщил, что у Нины Александровны имеется бомба, что у Николая Яковлевича имеются высокопоставленные покровители, и что покушение на государя не состоится из опасения еврейского погрома. Я рассчитывал, что эта записка произведет на Кулябко серьезное впечатление и что он меня примет лично и тогда я выпрошу у него билет на спектакль. Так оно и вышло.»

Билет был получен. Богров приезжает в театр и события развернулись, как о том Богров рассказал нака-

нуне при опросе его жандармским полковником Ивановым.

Это показание подписано Богровым **собственноручно**.

НЕПОДПИСАННЫЙ ПРОТОКОЛ

Одновременно с этими показаниями был составлен другой протокол, подписанный со слов Богрова Чаплинским, Брандорфом и Фененко. Богров отказался подписать этот протокол, мотивируя тем, что правительство, узнав о его заявлении, будет удерживать евреев от террористических актов, устрашая организацией погромов. В неподписанном протоколе говорилось, что Богров, давая показания, между прочим упомянул, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь государя, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром. Он, как еврей, не считал себя вправе совершить такое деяние, которое вообще могло бы навлечь на евреев подобное следствие и вызвать стеснения их прав.»

Это сообщает Б. Струмилло от себя, не приводя текста.

Показания Богрова 4-го сентября, данные полк. Иванову, не имеют существенного значения. Богров заявил между прочим, что он решил достать билет во что - бы то ни стало, ибо пропусти он благоприятный случай в театре, на другой день непременно открылся бы его обман.

Иным характером отличаются показания Богрова, от 10 сентября данные тому же жандармскому полковнику Иванову. Уже при допросе Богрова 4-го сентября полковник Иванов интересовался главным образом отношениями между Богровым и Кулябко, стараясь, если не обелить, то по крайней мере смягчить ответственность Кулябко, добиваясь решительного заявления Богрова,

что Кулябке и в голову не могло прийти подозревать Богрова. Кулябко действовал не один, а с ведома столбовых охранников: Спиридовича, Веригина и самого товарища министра внутренних дел генерала Курлова. Сам Столыпин был предупрежден, что на него готовится покушение. Вся охрана была заинтересована в оправдании Кулябко.

И вот, невольно закрадывается подозрение, при чтении нижеследующих показаний Богрова от 10 сентября, т. е. накануне казни, — подозрение, что через жандармского полковника Иванова, Охрана вела с Богровым частные переговоры об изменении характера всех его прежних показаний по отношению к Столыпину и к Кулябко. Раз Богров сознает, что он обманул Кулябко потому что тот верил Богрову, почему Богрову не пожалеть Кулябко и до известной степени не облегчить его формальную ответственность, показав, что предполагаемой истинной жертвой его махинаций был не Столыпин, а бедный Кулябко. Что же касается судьбы самого Богрова, то и здесь Богрову выгоднее отказаться от агрессивной, боевой, революционной тактики в показаниях, и показать истинные побуждения к крайним, безумным поступкам своим, а именно, дабы заглушить голос совести или страха за погубленную жизнь, благодаря сношению с охранкой, благодаря сотрудничеству с Кулябкой.... С этой точки зрения сам Богров является жертвой и мучеником... Может быть полковник Иванов даже намекнул на возможность облегчения участи самого Богрова, при такой постановке дела. На что.... мне представляется, мне чудится... Богров спокойно и внушительно ответил: «Кулябко мне жаль и я готов сделать для него, что могу. Сам же я — в облегчениях не нуждаюсь. Мне надо умереть.»

Недаром, этот полковник Иванов позднее заявлял, что он в жизни своей не видал столь удивительного человека, как Дмитрий Богров.

Итак, выслушаем терпеливо последние предсмертные показания Багрова, для вящей внушительности

написанные им целиком **собственноручно**. Предлогом для опросов явилось пред'явление фотографической карточки Петра Лятковского — ничтожное обстоятельство, которое дало Богрову возможность вскрыть страшную подоплеку его духовной жизни, начиная с 1908 г. и особенно за последний год.

ПОКАЗАНИЯ БОГРОВА 10 СЕНТЯБРЯ

Уже приговоренного к смерти

Допрашивал жандармский полковник Иванов на этот раз, как и 4-го сентября, без посторонних свидетелей. (См. дело Департамента Полиции № 124, лит. А. т. 1).

Богров показал:

«В пред'явленной мне фотографической карточке я признаю того человека, который, явился ко мне в первых числах марта **сего года** и сообщил мне, что в Лукьяновской тюрьме, **из которой он вышел в феврале месяце**, существует сильное раздражение против меня.

«Еще раньше, в 1908 г., приблизительно в мае месяце, отбывающие наказание за участие в анархической группе Наум Тыш, «Филипп» и несколько других лиц возбудили против меня обвинение в провокации. Обвинение это, однако, окончилось ничем и доверие ко мне было восстановлено.

Однако, в 1910 году, — приблизительно в **сентябре или октябре**, в тюрьму поступили новые сведения, а именно — письмо от некоего «Николая», настоящее имя которого Рафаель Черный, в котором он обвинял меня в растрате партийных денег, а также письмо из Парижа с запросом о некоторых обстоятельствах в моей деятельности. В виду этого в Лукьяновской тюрьме (в Киеве) вновь был возбужден и решен в утвердительном смысле вопрос о моем сотрудничестве в охранном отделении.

«П. Лятковский был уполномочен находившимися в

тюрьме анархистами распросить меня о деньгах и вообще сообщить мне свои впечатления. После разговора с Лятковским, уехавшим через несколько дней домой, на Кавказ, я в течение двух месяцев не имел никаких сведений и свиданий с кем либо из анархистов. Лятковский приходил ко мне один раз, был одет в студенческую форму. Разговор с ним велся в миролюбивой форме и, уходя от меня, он взял у меня две книги (помню, что часть журнала «Былое»). Приблизительно числа 6-7 мая (1911) ко мне явились два человека, из которых одного я знал по Парижу, как анархиста, состоявшего в группе «Буревестник». Имени и клички я его не помнил, но он назвался «Василий». Что касается второго из моих посетителей, то о нем никакого понятия я не имел, но он говорил, что также меня знает из Парижа. Не назывался он мне никак.

«Василий» и неизвестный заявили мне, что они присланы из Парижа, в качестве членов «революционной (? — «ревизионной» Е. Л.) комиссии», имеющей целью об'ехать те города России, в которых была, но прекратилась, революционная работа, отчасти в целях выяснения оставшихся на местах сил, спрятанных материалов (шифра, револьверов), отчасти же для выяснения причины провалов организаций. От меня лично они требуют отчета в деньгах, которые находились у меня на руках в течение 1908, при этом они пред'явили мне мой отчет в 2.000 руб. помещенный в № 4 «Бунтаря», копию подробного ответа, присланного мною в 1908 г. в Париж Иуде Гроссману, и указывали на погрешности его, доходившие, по собранным ими справкам, до 520 руб. Я оспаривал правильность их счетов и сначала пришел с ними к соглашению, по которому должен был уплатить им 260 руб. Деньги я должен был доставить через два дня, но к условленному сроку явился один «Василий» и заявил, что они «ревизионная комиссия», на прежнее решение не согласны и что требуют все деньги сполна. Я попросил еще два дня сроку, и потом внес «Василию» все требуемые от меня деньги.

«Деньги я получил от родителей, при чем в первый

раз от матери моей 150 руб., а через два дня от отца 210 руб., 160 руб. были у меня. Обстоятельства эти мои родители могут подтвердить. «Василий» — светлый шатен, низкого роста, слабого сложения, лет 24-26, маленькая борода и усы. Другой неизвестный, повидимому, — еврей, чрезвычайно маленький брюнет, без усов и бороды, лет 20-21. Росписки о вручении мною денег я от них не взял, а вместо того написал вместе с «Василием» письмо Гроссману в Париж, где подтверждал вторичную уплату мною уже раз истраченных на партийные цели денег. Всего я виделся с членами «ревизионной комиссии» три раза, из коих два раза у себя дома, а один раз в центральной молочной на Крещатике. После этого я считал все мои партийные счета окончательно законченными, но в **конце июля** месяца (1911 г.), в Потоки (дача близ Кременчуга Е. Л.) мне было переслано заказное письмо из Парижа, адресовано было в Киев. Переслал его д. б. швейцар. Письмо это было написано Максимом Раевским, «Томом» и еще кажется Василием Железным, а также Аскаревым. Все эти лица состояли членами парижской группы «Буревестника».

«В письме этом, написанном в явно враждебном тоне, от меня требовались ответы на целый ряд вопросов о моей прежней деятельности, а именно: 1) передавали ли я при подготовлявшемся побеге из Лукьяновской тюрьмы Н. Тыша и «Филиппа», который организовала Роза Сельская, телеграмму в тюрьму для вывоза означенных лиц к следователю? 2) Был ли известен кому либо, кроме меня, адрес «Николая» в Варшаве? 3) Каковы были мои отношения к борисоглебским максималистам? почему я сам не ездил в Борисоглебск? и кто та «Роза», которую я посылал в Воронеж за литературой? На это письмо я не ответил непосредственно написавшим его, а вновь написал Гроссману о том, чтобы он передал «Буревестникам», что подобными письмами они могут легко провалить меня, если такое письмо попадает в руки полиции, и что я, отстранившись от всяких партийных дел, ни в какую переписку вступать не желаю. После это-

го письма, **16 августа (1911 г.)** ко мне на квартиру явился известный мне еще с 1907 - 1908 года « Степа ». Последний был в Киеве в 1908 г. летом. Он бежал тогда с каторги, куда был сослан по приговору екатеринославского суда за убийство офицера. Преступление его, насколько помню, было совершено в следующей обстановке: « Степа » направился на какой - то террористический акт или на экспроприацию, и был вооружен браунингом. На улице его внимание обратил на себя какой - то офицер, бранивший солдата, не отдавшего ему чести. « Степа » выхватил браунинг и ранил или убил офицера, затем был арестован и приговорен к каторжным работам на 8 или 10 лет.

« В Киеве он был на пути за границу, при чем со мной встретился только для того, чтобы я ему помог деньгами. Я дал ему денег (8 руб.) и адрес в Черкассы, куда он и отправился. После этого « Степу » я видал в 1909 г. в Париже, в русской столовой. Он говорил мне, что работает на заводе, но собирается эмигрировать в Америку. При его появлении 16 августа (1911 г.) « Степа » был одет очень прилично, вообще настолько изменился, что я его не узнал. Приметы его: высокого роста, лет 26-29, темный шатен, волосы слегка завиваются, довольно полный и широкоплечий.

« Степа » заявил мне, что **моя провокация безусловно и окончательно установлена**, что сомнения, которые были раньше из-за того, что многое приписывалось убитому в Женеве в 1908 г. провокатору Нейдорфу (кличка « Богемот », настоящая фамилия, кажется, Левин, из Минска), теперь рассеялись, и что решено о всех собранных фактах довести до сведения общества, разослав объявления об этом во все те места, в которых я бываю, как например, — суд, комитет присяжных поверенных и т. п., вместе с тем мне в ближайшем будущем угрожает смерть от кого - то из членов организации.

Объявления эти будут разосланы в самом ближайшем будущем.

« Когда я стал оспаривать достоверность парижских

сведений и компетентность партийного суда; «Степа» заявил мне, что реабилитировать себя я могу только одним способом, а именно — путем совершения какого либо террористического акта, при чем намекал мне, что наиболее желательным актом является убийство начальника охранного отделения Н. Н. Кулябко, но что во время торжеств в августе я имею «богатый выбор». На этом мы расстались, при чем последний срок им был дан мне 5-го сентября.

«После этого разговора я, потеряв совершенно голове, решил совершить покушение на жизнь Кулябко. Для того чтобы увидеться с ним, я по телефону передал, что у меня имеются важные сведения, и приготовил в общих чертах рассказ о «Николае Яковлевича».

Здесь приходится прервать показания и усумниться в искренности и правдивости этих показаний, в особенности относительно покушения на Кулябко, Кулябку он мог легко убить во всякое время дня и ночи. Для покушения на Кулябко не нужно было выдумывать басен про Петербург, про «Николая Яковлевича», про бомбы. Зачем было так страстно добиваться билетов на вход сначала в Купеческий сад, а потом в театр? Нет, прежние показания, данные под свежим впечатлением и настроением, непосредственно вытекавшие из положения, были правдивы и вполне понятны. Здесь же версия о покушении на Кулябко является совершенно неожиданно, как «деус - экс - махина». Неправдоподобность и искусственность новой версии бросается в глаза в дальнейшем изложении его поведения. Но разберите то, что он уже сказал! После разговора со «Степой» Богров «потерял голову» и решил убить Кулябко. Он бросается к телефону, чтобы предупредить свою жертву о своем приходе. Получается впечатление, что потерявши голову, он действует поспешно: ведь срок был дан до 5-го сентября... Но мне кажется, что «потерявши голову» 16 августа, до

26 или 27 августа — был достаточный срок, чтобы вновь «отыскать» ее.

Теперь послушаем Богрова дальше. Вот он у Кулябко. По прежней версии — без револьвера. Встретились. Тут бы только... Трах..!.. — и все кончено: справедливость восстановлена и « Степа » удовлетворен! Но.....встретились непредвиденные обстоятельства и дело расстроилось. Но пусть об этом расскажет сам Богров.

«Но, — пишет дальше Богров, — будучи встречен Кулябко очень радушно, я не привел своего плана в исполнение, а вместо этого в течение получаса рассказывал ему и приглашенным им Спиридовичу и Веригину вымышленные сведения.

Уйдя от Кулябко, я опять в течении трех дней ничего не предпринимал, потом, основываясь на его предложении (при первом свидании) дать мне билеты в Купеческое и театр, я попросил у него билет в Купеческое. Там я вновь не решился произвести никакого покушения, и после Купеческого ночью поехал в охранное отделение с твердой решимостью убить Кулябко. Для того, чтобы его увидеть, я в письменном сообщении еще больше подчеркивал грозящую опасность. Кулябко вызвал меня к себе на квартиру, встретил меня совершенно раздетым, и хотя при такой обстановке я имел все шансы скрыться, у меня не хватило духа на совершение преступления, и я вновь ушел. Тогда же ночью я укрепился в мысли произвести террористический акт в театре. Буду ли я стрелять в Столыпина или в кого либо другого, я не знал, но окончательно остановился на Столыпине уже в театре, ибо, с одной стороны, он был одним из многих лиц, которых я раньше знал, отчасти же потому, что на нем было сосредоточено общее внимание публики.»

Из предыдущего мы видим, что охранник Богров, вступив на террористический путь, в своей деликатности и благородстве далеко превзошел пафос благородства

и нравственной щепетильности самого Каляева, который, готовясь бросить бомбу в карету великого князя Сергея Александровича и увидев сидящими с ним жену и детей, быстро спрятал роковую бомбу и пропустил карету. И это было после долгих и сложных подготовлений и наблюдений для встречи с вел. князем.

Богров в первый раз не мог стрелять в «радушно встретившего» врага, а во второй раз в человека в нижнем белье. Нужно было видеть Кулябко при всех чинах и орденах... чтобы у Богрова поднялась на него рука.

В заключение Богров сообщает, что «в Киеве около пуда шрифта должно быть закопано в усадьбе на Боричевом Току, где в 1908 г. произошел взрыв бомбы».

«В Черкассы из Киева в том же году был отправлен транспорт в 21 браунинг, которые в значительной степени были спрятаны в усадьбе, в которой было оказано вооруженное сопротивление группой анархистов. Где в настоящее время находится Петр Лятковский, члены «ревизионной комиссии» и «Степа» — не знаю. Полагаю, что Лятковский на родине, на Кавказе; «Степа» же на юге России, но не в Екатеринославе. Настоящее показание написано мною собственноручно. Подлинник подписали: Дмитрий Богров. Полковник Иванов.»

То были последние, предсмертные показания. На них мы и покончим. Мы выслушали подробно обе стороны. Вывод бесспорный: Богров был охранник с 1907 года «Богров служил «честно» киевской охранке, говорит Б. Струмилло. «Все, что знал или слышал, он сообщал: и притом не только об экспроприациях, но и о таких идейных людях, как Мержеевская, у которой он выкрадывал письма и представлял их начальству. Выданные им анархисты шли на каторгу, а он, изредка заходя в охранку, исправно получал 150 руб. в месяц, которые тратил «на жизнь». Какую — ясно из его показаний: карты, кафе - шантаны. Упоминание Регины, через которую

он может получить билет, говорит, что Богров мог знать эту среду хорошо».

Но сам Б. Струмилло, как будто не разбирается в преподносимых им документах. Например, задает вопрос: Что побудило Богрова, сына состоятельных родителей, поступить в охранку? И делает два предположения. Ив. Книжник в своих воспоминаниях о Богрове, говорит, что в доме его отца в гостях бывали и жандармы. Сам знаменитый ген. Новицкий часто игрывал в карты у Богровых. «Не тут ли, — говорит Струмилло, — не в этой ли обстановке карточного азарта был Кулябкой причислен к охранке юноша».

«Если Богров не был завербован Кулябко в доме отца, то — после первого же ареста в 1908 году стал сотрудником охранки».

Как можно делать такие предположения, когда сам Богров показывает, что он стал служить в охранке с середины 1907 года, а арест его в 1908 году по показанию самого же Богрова, был инсценирован по просьбе его и по соглашению с охранкой, дабы не открылось его предательство.

Я уже обратил внимание раньше, на странное утверждение Струмилло, что в деле Департамента Полиции, которым он пользовался, нет протокола опроса Богрова следователем Фененко, от 2-го сентября, тогда как он приводит полностью этот протокол. Мало того, он говорит, что зато протоколы опроса полковником Ивановым, от 4 и 10 сентября, являются лишь повторением и дополнением допроса следователем Фененко. Я нарочно привел и то и другое, показание, чтобы показать совершенное извращение Богровым своих прежних показаний, данных Фененко. В протоколе 10 сентября жертвой Богрова является Кулябко: Столыпин подвернулся под руку случайно. А сам Богров является жертвой мистического «Степы». «Степа» его так перепугал, что он, потеряв голову, побежал тотчас же стрелять в Кулябко, чтобы доставить удовольствие каким-то неизвестным анархистам. Ему пригрозили смертью!... Богров перепугался и

решил, что лучше быть повешенным палачем, чем убитым «каким - то анархистом». Короче сказать: показания Богрова от 10 сентября являются, странными, загадочными.

Заканчивая свои сообщения: Б. Струмилло восклицает:

«Итак, Богров провокатор, после разоблачения вместо самоубийства кончивший убийством Столыпина».

В общем, это заключение правильно, хотя неверно, что «после разоблачения»; ибо разоблачен он еще не был. И если кто разоблачил его, то это был он сам, и именно в показаниях накануне казни. Показания эти остаются странными и неожиданными. Возможно, что все рассказанное про «Степу» и «ревизионную комиссию» — правда. Но Богров был не такой человек, чтобы перепугаться и «потерять голову» даже от ультиматума. Для него подозрения и прямые обвинения против него не были новостью. Как я понимаю это дело: его уже давно «грызло», подтачивало постоянно опасение разоблачений, но, пока он был юношей, студентом, он относился к своей «службе» легкомысленно. «Служба» давала ему особую «независимость» даже от родителей, давала возможность с родителями и самостоятельно раз'езжать по Европе: где только он не перебивал! В Мюнхене он учился, был в Лейпциге, Дрездене и других курортах, куда приезжали его родители. Тайно от родителей ездил в Галицию, во Львов. Затем Париж, французская Ривьера, Ницца и Монако, где он играет в рулетку. В 1906 году с своей матерью он живет некоторое время в Швейцарии неподалеку от меня, т. е. от моей фермы в Vauqui Clarens в курортном местечке Les Avants sur Montreux. Уже тогда он обо мне слышал, тогда как я совсем не подозревал о его существовании до 1910 года. Та же «служба», при всей своей гнусности, льстила его честолюбию: будучи юношей, молокососом, он чувствовал и сознавал, что он уже играет важную политическую и даже **государственную** роль. Так было в начале, когда небо было безоблачно. Но вот стали появляться на го-

ризонте тучки, которые, то появлялись, то исчезая, все больше, и больше росли. Его служебный энтузиазм постепенно ослабевал. Начинает пробуждаться сознание мучительной двойственности жизни, при которой человек не может ни на минуту остаться самим собой среди окружающего общества. Начинаются искания выхода, а выхода нет; положение и среди анархистов и в охранке, обязывает, затягивает.... Когда Богров был студентом, на положении «подростающего поколения», на стоящая жизнь представлялась ему в **будущем**. Но когда он кончил курс в университете и стал помощником присяжного поверенного, — вопрос: как избавиться от мучительной двойственности — был поставлен ребром. С этого момента жизнь его была отравлена постоянной мыслью о безнадежности положения при отсутствии выхода.

Вот в этот тяжелый период его внутренних переживаний он и приехал в Петербург, где и встретился со мной.

Двойственность его духовного состояния отражалась даже во вне. Иуда Гроссман — Рощин, хорошо знавший Богрова раньше, набрасывает такой портрет Богрова:

«Высокого роста, худой, на щеках разлит румянец, но не производит впечатления физического избытка, скорее румянец чахоточного. Этот румянец придает характер болезненной молоджавости. Чрезмерно длинные передние зубы. Хорошо сформированный небольшой лоб. В лице нет движения. Оно недоуменно застыло... Говорят: «Богров — весельчак. Богров искрится остроумием». Ни разу на меня такого впечатления он не произвел. Наоборот. Казалось, что этот человек никогда не знал простой радости, не знал «глупого» счастья, не изведal приступа буйства жизни.... В душе была осень, мгла.... Я ни когда не видел Богрова просто веселым, радостным, упоенным предстоящей борьбой и риском... Когда он острил, то и сам смеялся, но черты лица его оставались неподвижными, черты «не пропитывались» улыб-

кой, улыбка как-то механически торчала рядом, как внешняя приставка»...

Это описание очень удачно, по крайней мере таким я встретил Богрова в Петербурге в 1910 году. В этот именно период он и писал: «Нет никакого интереса в жизни. Тоскливо, скучно. а главное одиноко»...

Когда я встретился с Богровым я безусловно верил в его политическую порядочность Я не знал, что творится в его душе и потому не мог тогда истолковать правильно его слов, побуждений, намерений и настроений. Поэтому, я постараюсь, по возможности точно восстановить все мои беседы с ним.

Е. Лазарев.

(Окончание следует)

„Крысолов“ М. Цветаевой.

На тех, кто любил Марину Цветаеву за «Стихи к Блоку», «Психею», «Фортуну», последние ее поэмы, написанные за границей, производят в большинстве случаев впечатление странное и неприятное.оборот, принятый ее творчеством раздражает и разочаровывает их — они чувствуют себя обманутыми. Они жалуется на «непонятность» и «надуманность» этих новых стихов, и с сожалением вспоминают о «простоте» и о «непосредственности» прежних. И несомненно, что после «Ремесла», (или вернее начиная с «Ремесла») то же что можно назвать творческой передачей значительно осложнилось у Цветаевой, и приняло формы настолько новые и необычайные, что прежняя установка читательского восприятия для них уже не годится. Всякое восприятие писателя читателем зависит от соответствия читательского представления о поэте его действительному существу. И так как это существо «всегда течет», читательское представление о нем должно тоже постоянно применяться к каждому его повороту, или терять возможность его воспринимать. История каждого «романа» писателя с читателем полна таких разрывов, — за которыми не всегда следуют сближения. И чем сильнее была читательская связь с прежним писателем, тем труднее, тем даже безнадежнее, возобновление ее с писателем изменившимся. Достаточно сказать, что до сих пор гипноз «Войны и Мира» и «Анны Карениной» настолько силен над русским (и иностранным)

читателем, что исключает всякую возможность подлинно художественного понимания старого Толстого. И, наоборот, восстановление связи нередко происходит ценой полного забвения первоначального предмета любви: «так поклонники «Детства» и «Воспоминаний» Горького утратили всякое воспоминание даже о таких несравненных вещах как «Мой Спутник» или «Двадцать Шесть и Одна». Так и с Мариной Цветаевой — трудно нащупать то единство, которое связало бы «Фортуна» и «Конец Казановы» с «Поэмой Конца» и «Крысоловом».

Связующее же единство это несомненно существует — не столько в стиле и форме, сколько в том, что (если бы мы не боялись так напомнить о Белинском и Н. И. Карееве) мы бы до сих пор называли мирозерцанием. Определить это «мирозерцание» своими словами можно только приблизительно — оно романтично и идеалистично, но и то и другое, как то не по - русски. В Цветаевском романтизме больше линии чем цвета (самая ее невнятность происходит не от смазанности и неясности отдельных линий, а от чрезмерного количества мелких, разнообразно - пересекающихся линий). Такой «линейный» романтизм вообще не русская вещь и не случайно, что столь различные между собой «Фортуна» и «Крысолов» — два одновременных заострения этого романтизма — на иностранные темы. (С другой стороны с точки зрения чисто языковой Цветаева **очень** русская, почти что такая же русская как Розанов или Ремизов, но эта особо прочная связь ее с **русским языком** объясняется не тем что он **русский**, а тем что он **язык**: дарование ее напряженно словесное, лингвистичное, и пиши она, скажем, по немецки ее стихи были бы такими же насыщенно - немецкими, как настоящие ее стихи насыщенно - русские).

В прошлом Цветаевой «Крысолов» имеет предшественников—много «крысоловного» есть в «Царь - Девиде» (особенно в ее конце) и совсем как предисловие к нему звучит («напечатанная тоже в «Воле России») восхитительная «Полотерская». Во всех этих вещах романтизм Марины Цветаевой принимает определенно бунтар-

ский оттенок, не только в том смысле, что в них ясно звучат определенно социальные, революционные ноты (звучащие и в других вещах, напр, в цикле «Заводских»), но и потому что в них ярко выступает озорство, можно почти сказать, хулиганство Цветаевой. (Хулиганство, гораздо более задорное и живучее чем у покойного Есенина). Озорство ее находится в подлинном родстве с чапушкой, родстве не только духовном, но и формальном — и это одно из многочисленных указаний на сближение современной литературной поэзии с современной же поэзией народной. Понятно, что для среднего романтически настроенного читателя такие вещи как в первой главе «Крысолова»: «маленькая диверсия в сторону пуговицы», должна производить впечатление болезненно — не эстетическое и не — поэтическое. Между тем именно в таких местах, именно в таком издевательстве над устоями мира вещественного и устойчивого, подлинный романтизм цветаевской поэзии утверждается особенно явно.

Тема «Крысолова» одна из самых вечно — романтических тем созданных романтичнейшими из народов — немцами. Это прославление романтичнейшей из земных вещей — *der deutschen Musik* — и посрамление косности и подлости устроенного общества. В выборе этой, темы Марина Цветаева была верна своему романтическому существу. В разработке она подчеркнула и выдвинула ее анархические возможности.

Для Цветаевского «Крысолова» по сравнению с другими «Крысоловами» (напр. Браунинга) характерно сильное подчеркивание сатирического элемента в изображении благонравных бюргеров Гаммельна, где «один

Только товар и дорог:

Грех.

(Дорог — редок);

и внесение мотива обуржуажения раз'евшихся «красных» Крыс в Гаммельнских подвалах, от которого их спасает анархический зов «немецкой музыки». — Еще особенно примечательна пятая глава, где ратсгерры обсуждают

музыку и достоинство музыканта. Эта глава торжество сатирической манеры Цветаевой. Наконец, интересно, что конечный мотив заданного сюжета — сказочное волшебное царство — «детский рай» в который музыкант уводит детей обманувших его Гаммельнцев — сохранился у Цветаевой только в **заглавии** шестой главы. Таким образом, месть музыканта утопившего детей, только видимая в немецкой легенде (ибо утонувшие дети попадают в «детский рай») у Цветаевой делается реальной, что придает всей сатире более сухой и как бы жестокий тон.

Несомненно, что «Крысолов» не только то чем он кажется на первый взгляд, не только изумительная по богатству и стройности, словесная постройка, — это серьезная «политическая» (в самом широком смысле) и этическая сатира, которой еще может быть суждено сыграть свою роль в росте нашего общего сознания.

Д. Святополк-Мирский.

Московская мозаика.

(«Есенинские настроения». Возрожденная Балетта. Советский Аристофан)

Смерть Есенина потрясла московские интеллигентские круги и ту молодежь, которая не довольствуется казенной поэзией и казенной пролеткультурой.

”Есенинское настроение“ является очень характерным для настоящего периода московской, да и вряд ли только московской жизни, тех кругов, интеллигенции, помыслы которых не заняты исключительно заботой о сегодняшнем дне и вопросах, как в Москве принято говорить, «социалистического накопления».

Поэты вообще у нас не в почете. Печататься им, кроме ”пролетарских“ поэтов, нигде. Официальным Маяковскому и Демьяну Бедному поэтическая конкуренция не грозит. Если бы можно было подсчитать, сколько чудеснейших вещей написано настоящими поэтами и писателями и сколько из написанного лежит под спудом, ибо печататься нигде...

Из писателей в фаворе Романов, Леонов, Сейфулина, печатается часто Новиков и благоденствует Пильняк.

Но к Есенину в Москве отношение, как к самому большому русскому поэту после Блока. Есенин отвечает настроению широких читательских кругов. Есенин и мертвый является властителем дум всего тянущегося не к казенной литературе.

Это влияние сказывается с чрезвычайной силой. Придешь ли в квартиру иного известного профессора и услышишь у

него об «есенинском настроении», разговорись — ли с талантливым поэтом — то же «есенинское настроение», а у молодежи и говорить не приходится. В эпидемии самоубийств «есенинское настроение» играет значительнейшую роль*)

Есенинские стихи, изданные Госиздатом, были в подлинном смысле этого слова расхvatаны в несколько дней, хотя Госиздат сделал при этом специальный подбор стихов. Многие из ненапечатанных его стихотворений переписанные ходят по рукам...

Вообще в последнее время даже и среди раньше удовлетворявшейся «советской» поэзией и прозой публики весьма заметно стремление к настоящим поэзии и прозе. Возрастает интерес к пушкинианству, хотя в учебных заведениях Пушкин еще не открыт. Дети дружно хором поют марш Буденного:

Дашь Варшаву, дай Берлин,
Уж врезались мы в Крым...

но Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Тургенев, Толстой и Гоголь для них все еще книга за семью печатями, хотя вводное к Пушкину слово Луначарским уже произнесено и Госиздатом предполагается к выпуску классики, в... урезанном и «отсортированном» виде и с... марксистскими примечаниями.

Иногда слышишь, как рабфаковцы с изумлением открывают «интересный роман» Пушкина «Евгений Онегин»...

Увеличилась и тяга к театру. В театр ходит очень много публики. Правда, первые ряды, всегда переполненные, для простых смертных совершенно недоступны, — вряд ли они доступны даже — такова дороговизна — и для высоко оплачиваемых советских спецов. Но на дешевых местах масса, как раньше выражались, серой публики.

Больше всего, конечно, ходят к Мейерхольду, театру которого, как театру коммуниста — Мейерхольд в партии, — позволено все.

Всюду, конечно, ставятся пьесы «модного» драматурга Луначарского.

---

*) Статья нашего сотрудника была в наборе, когда получилось телеграфное известие о том, что в России покончил самоубийством талантливый писатель Андрей Соболев, — один из друзей Есенина.

Но на пьесы Луначарского ходят мало. И они несут театрам дефицит.

Очень мне хочется написать о Луначарском то, чего здесь не напишешь, но о чем в Москве говорят все. Луначарский — это, некоторым образом, символ «коммунистического» режима. Его фигура необычайно сочна для представляемого им строя. Она, если можно так выразиться, его украшение. И раньше народным просвещением России заведывали Деяновы и графы Толстые, были и Касо, но куда им до Луначарского: Луначарский побил пальму первенства. Такой подло — сочной фигуры на посту министра народного просвещения еще не бывало.

Можно без преувеличения сказать, что больше всего коммунистический режим в глазах интеллигенции (вплоть до большевизанствующей) компрометируется именно этим господином и трудно понять из каких соображений большевики, якобы ищущие путей к примирению с населением, держат Анатоля на этом ответственном посту. Ведь даже с точки зрения интересов большевистского строя Луначарский является *катастрофой*.

Стоит только послушать рассуждения по этому поводу выкопоставленных советских сановников вплоть до многих наркомов, дети которых учатся в школах ведомства Луначарского, чтобы убедиться с каким презрением говорят о деятельности наркомпроса даже в большевистских кругах.

Почему же его держат? Быть может, потому, что он годен па все, на что пойдет не всякий коммунист. Правда, Луначарский за что ни возьмется, все проваливает, но все таки он берется за все, не останавливается ни перед чем. Надо было выступить на процессе социалистов революционеров. Луначарский тут как тут — добровольно. При наличии Крыленко появляется Луначарский. Министр народного просвещения в роли прокурора по делу, ни в какой мере не связанному с его ведомством, — это даже и для большевистского режима немного сильно. Надо затянуть волюнку о примирении с интеллигенцией — Луначарский тут как тут. А вслед затем он же производит чистку вузов от "непролетарских" студентов! А его антирелигиозная пропаганда? — Какие колоссальнейшие речи произносил нарком изо дня в день. Это ли не блистательный пример комсомолу? Правда, на одном из его диспутов встал один из владык и попросил сло-

ва. Луначарский, сам же председательствовавший, предупредил оратора о том, что надо "быть кратким". Тот ответил: "Не беспокойтесь". И, обращаясь к переполненной зале, только что приветствовавшей аплодисментами Анатоля, (это было в пасхальные дни), сказал:

— "Христос Воскресе"!

— Воистину Воскресе....

— Христос Воскресе!

— Воистину Воскресе....

и так до трех раз....

И после сел. Луначарский, перед тем триумфально улыбавшийся, покраснел, как только мог.

Сейчас Луначарский весьма популярен. Коммунисты в газетах подняли поход по очищению нравов. Многоженство, разбращающее советско - рабфаковско - комсомольскую жизнь, вдруг пачало вызывать отпор, тем более, что обманутые женщины нередко кончают самоубийством. Вот и сейчас Москва волнуется делом Коротенькова, одна из жен которого не то покончила с собой, не то была прикончена "мужем". Официальному возмущению "Правды" советские многоженны противопоставляют такого сорта рассуждения:

— Хорошо им, наркомам и ответственным работникам: тот жену с детьми в Париж отправил, с другою же здесь живет, а Луначарский в Кремль свою старую с сыном посадил, а сам с Розенелью в выдворенную библиотеку вселился. Ну, а нам-то каково? Небось по Кремлям и библиотекам не расскажешь, по Парижам не разошлешь...

Таков всеобщий глас советских многоженнов. Дело в том, что в Луначарском сочетается три души и три тела: он в то же время и Анатолий Наркомпрос, и Анатолий Драматург, и Анатолий Ловелас..

О комнибудь другом, быть может, и не стоило бы рассказывать того, что надо рассказать о Луначарском. Но в «случае» Луначарского» *«личные»* дела черезчур переплелись с общественными. Черезчур нагло и бесстыдно вывешивает свое белье «Наркомтоль» над зданием комиссариата. Ведь эти три Анатоля заведуют судьбою русского просвещения и так неразрывно связаны друг с другом и с этим самым просвещением,

что говорить надо все, как в свое время говорилось о Балетта, русском флоте и великом князе Алексее.... Анатолий — это Цусима русского просвещения. Недавно Анатолий Наркомпрос явился с Розенелью с Воробьевых гор, где "молодожены" жили на даче, в неофилологическую библиотеку, что помещалась в Денежном переулке. Явился неожиданно. Библиотечный персонал был приятно поражен приездом Наркомпроса и молодой артистки. Чета вошла в библиотеку, никаких вопросов по существу персоналу не задавала, необычайно внимательно и детально осмотрела библиотеку и уехала. А на следующий день пришло извещение о немедленной очистке библиотекой помещения. Двенадцать тысяч томов ценнейших книг, брошенных на скорую руку в мешки, оттащены были по грязи сперва в Румянцевский Музей, где их никак не удалось пристроить, а затем в Академию Художественных Наук, где кое как пришлось их разместить, причем библиотека долгое время не функционировала. "Новобрачные" же, отжившие медовые месяцы на Воробьевых горах, вселились в очищенное помещение, а в Кремле, в наркомпросовской квартире осталась "законная" с сыном. Советские остроусловы утверждают, что в конце концов Кремль превратится в убежище покинутых *законных* советских амазонок.

Нынешнее увлечение г. Луначарского есть ничто иное, как преступление по должности. Даже удивительно, как быстро коммунистические владыки восприняли, мало сказать восприняли, — возродили из времен самой седой древности порочные навыки деспотий. Откуда бы, казалось, эта совершенно необычная для коммунистического мирозазецаия возня с трупом Ленина? Какой седой древностью веет от выставления на поклонение народа набальзамированного тела деспота... Что это — Вавилон, Ассирия, или еще более древние реминисценции? Казалось бы, что, как не тело Ленина должно освятить огонь крематория, хотя бы уж во имя все той же антирелигиозной борьбы, — так нет: превратили в коммунистические мощи...

Что же касается "Анатолы", то его навыки восходят, не только к древним, но и к еще совсем недавним временам, ко временам увлечения царских сановников балеринами, актрисами и певицами. Ведомство Луначарского самое обойденное ведомство. По бюджету оно на последнем месте. Это в том госу-

дарстве, где народное просвещение всегда было в загоне, и при том режиме, который всю свою ставку поставил на подрастающее поколение. Школы в ужасающем состоянии. У детей нет учебников. В ведомстве полный хаос. А наркомпрос весел, бодр, в ус себе не дует, и из любовных интрижек с подведомственными ему артистками не выходит, раздавая им вотчину театры. Нынешнее его увлечение, отнимающее в такой мере его драгоценные досуги и развращающее совершенно театральную жизнь Москвы, увлечение серьезное. Госпожа Розенель — артистка Малого и других московских театров, кажется, чуть ли не шести разом, — бездарная актриса. На все эти сцены она попала по вступлении в августейший "брак".

Вот тут то и подпучивает шутку и очень злую над искусством совмещение в одном брэнном теле трех Анатолиев: Наркомпроса, Драматурга и Ловеласа, ибо Анатолий — Драматург пишет пьесы, Анатолий — Наркомпрос заставляет подведомственные ему театры их играть, а Анатолий — Ловелас через Анатолия — Наркомпроса навязывает московским театрам в качестве исполнительницы ролей в этих пьесах (а также и в других) избранниц своего сердца, в данном случае г-жу Розенель. Анатолий Ловелас зачастую вызывает Анатолия Драматурга с важных государственных, ведомственных и партийных совещаний на репетиции в театр, где избранница Анатолия — Ловеласа устраивает скандал режиссеру и где только Анатолий — Наркомпрос может внести успокоение.

Ясно, как болжий день, что в репертуар г-жи Розенель входит, конечно, не только "Медвежья Свадьба". Для нее специально была создана даже «труппа», во главе с Экгертом для постановки "Поджигателей". Надо отдать справедливость московской публике: и г-жа Розенель и "Поджигатели" благополучно и с треском провалились.

Москвичи очень часто лицезреют наркомпроса в театрах, где играет Розенель. Его замызганная под "рабоче-крестьянскую" и по природной неряшливости (фигурка) — за-гранницей, судя по газетам, он появлялся во ффраке! — забавно контрастирует с декольтированной до последней крайности и «шикарной» г-жей Розенель.

Раньше Луначарскому после его бесконечных речей приходилось получать записочки:

”Когда вы кончите писать скучные пьесы и произносить скучные речи?“

Теперь к этим записочкам прибавились новые: Так, однажды, наркомпросу был задан записочкой весьма ехидный вопрос:

”На какие средства одета появляющаяся всюду с вами голая женщина?“

Госпожа Розенель, хотя и оголена, но всегда в кружевах. На эту записочку наркомпрос ответил:

— На мои литературные заработки.

Эта история не первая и не последняя ни для Анатоля, ни для других. Но она необычайно красочна и по фигуре и по месту, фигурой занимаемому, и по навыкам... великокняжеским. Так и говорят:

— «У кого Балетта, у кого Розенель»...

Вся разница только в том, что там дело шло о русском флоте, здесь же о просвещении всей русской молодежи; там адмирал из дома Романовых, здесь — коммунистический наркомпрос, там блеск мундира, — здесь замызганный Анатолий; там талантливая артистка, здесь — юркая Розенель.

Но все же и там не доходило до выселения флотских учреждений в поисках квартиры для ”влюбленной“ пары. Какой изумительный символ: Анатолий Луначарский во главе народного просвещения...

Так на фоне похождений Луначарского протекает официально — академическая московская жизнь. И всем *скучно*... Скучно детям, незнающим нашей классической литературы и напичкиваемым виршами Демьяна Бедного и стихами вроде знаменитых из иллюстрированной азбуки, в которой на букву ”Л“ имеется картинка — окровавленные рабочие идут с винтовками, а чистенькие дети (не безпризорные?) степенно направляются в школу. Это должно обозначать... любовь!...

Любовь сильнее всего на свете.

В крови отцы, в довольстве дети.

Конечно, даже и детям нельзя целиком безвкусицы привить, и детям, в конце концов, становится *скучно*. Типичные примеры можно наблюдать на учащихя. Слушают радио (чаще всего самодельные), как начнутся телеграммы Таса и речи ораторов:

— Опять политика...

Презрительный жест рукой и только, когда пойдут вести о спорте, превращаются в слух и внимание. Конечно, увлекаются спортом, синематографом и романами о таинственных похождениях. И если уж у детей вызывается чувство скуки, то каково же взрослым, выдавшим другие виды, — им скучно и противно в квадрате. Вот почему, как только в какомнибудь театре появится чтонибудь остроумное и для режима скуки язвительное, от посетителей отбою нет. Сейчас у Мейерхольда, которому все позволено, идет "Мандат". Публика валом валит и какая только публика! — и советская и несоветская. Мейерхольд в эту пьесу вставил не мало реплик, и реплики пользуются колоссальным успехом. Дает пьесу только Мейерхольд, а либретто не найти в продаже, чтобы конкуренция не было. Сюжет, как и в большинстве постановок Мейерхольда, запутан. Там все есть: и про-советское, для того, должно быть, чтобы цензура позволила.

Семья Гулячкиных, из бывших лавочников нэпманов, хочет выдать свою дочь замуж за молодого человека из другой нэпманской семьи. Но той семье пужны коммунистические связи -- вот главное условие для брака. И Гулячкины ищут эти связи и не находят. Тогда молодой Павел Гулячкин сам превращается в коммуниста, в приданное, как он говорит, невесты. Семья Гулячкиных занятая, типичная нэпманская из лавочников, приспособившаяся на два фронта — коммунистический и буржуазный. Приспособление вплоть до обстановки, вплоть до картин. У Гулячкиных имеются даже двухсторонние картины: на одной стороне Карл Маркс, а на другой:

"Верую, Господи, верую"...

На одной стороне

Ленин,

а на другой

"Зимний вечер в Копенгагене"...

Стоит только привести некоторые из изречений Павла Гулячкина, заделавшегося коммунистом, чтобы понять дикый восторг, наполняющей ежевечерно театр публики:

— Да я с самим Луначарским на брудершафт пил!

— Во-первых, мамаша, большевики спасти Россию не позволят...

Оглушительный хохот и аплодисменты.

— Да я с самим третьим Интернационалом на *ты* разговаривал!

— Я, товарищи, никого не испугаюсь, позовите сюда всех парей — английского, немецкого, американского, итальянского я товарищи, расстоянием не стесняюсь...

Оглушительный хохот, аплодисменты.

— А какой бы из меня, мамаша, памятник вышел. Приедут какие нибудь иностранцы в Москву, где, говорит у вас самое лучшее украшение в городе. — Вот, говорит, самое лучшее украшение в городе. Ета што - же, скажут? Уж не Петр ли ета Великий? Нет, скажут: подымай выше — ета Павел Сергеевич Гулячкин.

Публика неистовствует. Ведь, кого не подставить на место Павла Гулячкина из большевистских богов, образ получится тот же.

— Женщины, мужчины и даже дети посмотрите, какой перед вами замечательный геррей. Я, товарищи, когда дойду до идеи... ета наша, святая, идея, фикс!

Можно вообразить, что делается среди публики, страдающей от идеи фикс уже девятый год...

А если Варьвара, хоть одно слово о боге или о гастрономическом магазине, так я — ей богу — (крестится набожно) в Каширу уеду.

— Вы думаете, если вы у мене гастрономический магазин отняли, так вы етим мене молчать заставите? Вы думаете, если вы у мене вывеску сняли, так я и молчать буду? Нет, я новаю вывеску вывешу и буду торговать всем, всем чем только не захочу.

В это время разошедшемуся богоборцу мамаша говорит, что к ним в гости приходит семья Сметаничей — нэпманов спекулянтов.

— Что же вы мне, мамаша, раньше етого не сказали. Давайте сюды "Верую, Господи, Верую"...

Этот молодой человек, с изяществом говорящий матери:

— Простите, меня, мамаша, за намек, но вы врете, — конечно, символизирует собою перекрашивающихся теперь с такую легкостью коммунистов, ищущих связей обратных тем, какие нужны прапманской семье, — связей капиталистических. И какой восторг вызывает реплика Павла Гулячкина, когда он рычит:

— А то, что цветущего молодого человека в приданное обра- тили, так я требаю, чтобы все мене в доме боялись и чтобы с сегоднешнего дня у нас пища была исключительно пролетар- ского происхождения и никаких Копенхахентов!...

По ходу пьесы, очевидно, для умиловления сердец ком- мунистических цензоров, выставлена в необычайно глупом свете компания черносотенцев, выцарапавших откуда то якобы вели- кокняжеское платье, в которое одевают горничную и выдают ее за «престолонаследницу». Тут перекрасившийся Гулячкин вы- ступает совершенно величественно:

— Ваше, Императорское, Величество, вы сукина дочь! и потом, рассуждая о бренности всего земного, резонерствует:

— Да, ничего нет! но ведь слова-то мои остались. Видь то, што я престолонаследницу сукиной дочкой обозвал, видь ето же осталось!

В конце концов, обнаруживается, что Павел Гулячкин сам себя произвел в коммунисты, выписав себе по домовоу книге *мандат*.

Таков наш советский Аристофан.

Б. Невидимцев.

Москва, май 1926 г.

Проблема славянской политики.

VIII. НЕОСЛАВЯНОФИЛЬСТВО

*Его возникновение и развитие. — Славянский съезд в
Праге в 1908 г. — Критика неославянофильства.*

Причины его неуспеха.

20. Поражение царской России в русско - японской войне, революционное движение внутри страны и перерождающееся с 1905 года самодержавие и царизм вообще имели значительное влияние и на вопросы так называемой славянской политики. В апреле 1905 года был издан указ о свободе вероисповедания, а 30 октября 1905 года была об'явлена конституция со всеми ей свойственными либеральными свойствами: свободой личности, совести, печати и собраний и т. д. 26-го февраля 1906 г было первое заседание Государственной Думы, избранной на основании всеобщего, равного и прямого голосования.

Как в Австрии в 1848 году, так теперь и в России эти меры повлияли прежде всего на национальный вопрос. Уже в апреле 1905 г. в Москве состоялся польско-русский съезд, требовавший автономии польского края, а созванный в сентябре того же года в Москве съезд земств и городов высказался единомысленно и решительно за созыв земского польского сейма и за польскую автономию при сохранении целостности государства.

Также отозвались и малоруссы (а с ними и белоруссы, литовцы и иные), имевшие шестьдесят депутатов, выдвигавшие

идею федерации. Естественно, все это вызвало сильную реакцию внутри самой России, во всех тех кругах, которые опасались подобных событий по политическо - социальным причинам; как мы ниже увидим, привело это к роспуску Думы, а позднее к изменению избирательного права и к реакционной политике Столыпина. Подробнее поговорим об этом после. Сейчас я хочу указать лишь на те элементы, которые дали инициативу новому расцвету так называемого неославянофильского движения.

Русская революция 1905 года и введение конституции в России (несмотря на дальнейшие рецидивы реакции) сильно повлияли на Австро - Венгрию и ее несвободные и притесняемые народы. Непосредственным последствием была борьба за всеобщее избирательное право в Австрии, борьба, счастливо закончившаяся введением закона от 26 января 1907 г. Славяне в Австрии приобрели большинство 2-х голосов над не-славянами; таким образом проблема славянской политики была снова автоматически выдвинута в Австрии. Развитие либерализма в России (по крайней мере в первый момент после революции) и стремление в 1906-7 гг., как в России, так и в Австрии, к ведению международной политики в духе взаимного согласия, в особенности по отношению к Балканам, создали основу, на которой обосновывалась вся идеология славянской политики, как ее особенно защищал с тех пор д-р Крамарж и как она приблизительно выражалась в так называемом неославянофильстве. Ее можно охарактеризовать в нескольких словах: необходимо поставить плотину против грозно возрастающей политической, экономической, военной и культурной силы Германии. Германия стремится забрать в свои руки Среднюю Европу, ближнюю Азию и Турцию; Австро - Венгрия является ее безвольным орудием во всей этой политике тройственного союза. Необходимо реально работать над постепенным политическим и экономическим усилением славян в Австро - Венгрии и вызвать этим в ней изменения в смысле федерализма, который даст славянам большинство и перевес; после этого будет возможно оторвать Австро-Венгрию от Германии, разбить тройственный союз и вместо него создать соглашение Австро - Венгрии с Россией, стать, таким образом, поперек дороги Германии на Востоке и дать, наконец, возможность свободному развитию балканских славян при совместной помощи России в Австро-Венгрии.

Вот в грубых чертах иностранная политическая концепция, рисовавшаяся в головах реальных — славянских - австро - венгерских политиков, начиная с 1905 г. и почти до самой войны. С этим международным планом они связывали всю свою славянскую политику. Мало было тех, кто во время увидел, что подобный международный план не осуществим.

Эти тенденции поддерживались одновременно в кругах, занимающихся славянским вопросом, еще и иными важными политическими событиями в Германии и в Венгрии: в Германии борьба хакатистов с поляками, дошедшая в это время до своего скандального заключения, а в Венгрии насильническая эра борьбы с национальностями, особенно же с хорватами, закончившаяся абсолютизмом и в Хорватии. Либеральные тенденции в России и в Австрии, возникшие под влиянием русской революции, прямо призывали к созданию движения, которое, поднятое свободомыслящей и революционной волной в обоих государствах, боролось бы за национальную свободу в виде новой славянской политики. Это понимали свободомыслящие круги в России, среди поляков и у нас, так что отсюда был лишь шаг к попыткам русско - польского примирения и создания движения среди поляков в русской Польше и в Галиции за совместную работу в области славянской политики; этот факт особенно важен для польской политики. Ведь, как раз о польский вопрос не только разбивались все панславянские попытки, но и вообще каждая попытка славянской политики.

Вот, таким образом, ближайшие побудительные силы в попытках создать новую концепцию славянской политики по 1905 г.: а) сильное, всем ясное развитие германского государства и германства вообще, как экспансивной экономической, культурно политической и военной силы с точно определенными целями завладеть Средней Европой, Балканами и ближней Азией; б) революция в России и простирающееся из нее развитие конституционализма и более свободной жизни поработенных народов в России и в Австрии; в) усилившееся притеснение поляков в Германии и сербохорватов, румын и словаков в Венгрии; г) к этому необходимо еще присоединить поражение России на Восто-

ке японцами, поражение, которое принуждает ее повернуться снова от Азии к Балканам и Черному морю, что и придает многим надежду, что всеобщий интерес к славянскому вопросу необходимо усилится.

Как мы уже видели при изложении панславизма, первые годы 20-го столетия отмечены для официальной России полным равнодушием, если не отрицанием вопросов славянской политики. В Австрии славянские политики охотно бы ею занялись, но общее политическое положение гнало в это время все славянские народы Австрии в объятия позитивной австрийской политики. В 1900-1904г.звучали последние аккорды панславистических припадков и панславянского кокетничания. 1905-7 годы готовят новую основу для славянского движения, на которой должна быть создана новая программа, долженствующая найти компромисс между старым, опасным и строгим панславизмом и слишком замкнутым, несовременным австро - славизмом.

21. Первым признаком новой славянской политики являются выступления русских и польских политиков в первой русской Думе, по введению конституционализма в России, и заявления крупных газет (даже консервативных), направленные против немецкого хакатизма. Особенного внимания заслуживают среди всех этих выступлений, благодаря точности и ясности поставленной цели, статьи русского славянофила современного типа, игравшего во время войны значительную роль и в нашем вопросе, В. П. Сватковского; эти статьи печатались в конце 1905 года и их можно считать первым систематическим проявлением того, что позднее носило название неославянофильства.

Всеволод Сватковский был в глубине души панславистом. Я с ним говорил о славянских делах бесконечное количество раз во время войны; в начале он говорил о своих целях туманно, но позднее стал более откровенным. До войны он был долго корреспондентом русских газет и русского агентства в Вене, он знал, как польские, так и наши и югославянские дела, знал Австро - Венгрию и Балканы. Он часто виделся с доктором Крамаржем, во многом с ним соглашался, а в начале войны был приблизительно той же ориентации. Однако, он поддавался доказательствам, обладал практическим чутьем с сильным склоном к реализму. Конечную его целью являлась всеславянская федерация,

то есть политическое единение России со всеми австро - венгерскими славянами, с Балканами и Царьградом; в конце концов, это был тот же панславизм Данилевского, но с либеральным оттенком, обоснованным лишь политически (главным образом, антинемецки) и отвергающим религиозную идеологию и мессианиззм ортодоксальных славянофилов. Было время, когда он или колебался или из осторожности выражался неявно и не до конца; по тактическим соображениям он не высказывал, за малым исключением, открыто в печати свою последнюю цель. Особенно осторожным в этих вопросах он был во время войны, хотя для меня никогда не было сомнений, за что он, в конечном счете, борется.

В своих статьях 1905 г. он исходит из немецкой опасности „Drang nach Osten“, которая должна привести славян к единой общей политике, однако, совершенно иной, чем старое славянофильство; она должна основываться прежде всего на равенстве и равноправии всех славянских народов и должна бережно относиться к их религиозной свободе. Основой каждой будущей славянской политики должно быть русско - польское соглашение. Вторым пунктом должен быть союз России с Австрией, дабы отдельные славянские народы, разделенные между этими двумя государствами, могли легче вступить в более близкие сношения и, будучи государственно разделены, могли бы все - же беспрепятственно развивать культурное объединение. Последней целью являлась совместная экономическая работа, которая могла бы завершиться даже экономическим или таможенным союзом.

Далее Сватковский требовал немедленных установлений практических сношений между отдельными организациями в различных государствах (польскими союзами самозащиты, сокольскими организациями, славянским югом, славянским союзом и иными); он требовал организацию конгрессов, экскурсий, экономического знакомства. Наибольшее внимание привлекла, конечно, его идея, высказанная в иных случаях, об экономическом - таможенном союзе России, Австро - Венгрии и Балкан, в который бы при современном положении были бы включены и неславянские народы, живущие в центральной Европе, сохраня-

ющие в полной мере свою национальную и культурную независимость, но находящиеся вне немецкого влияния.

Как я уже сказал, в конце концов, это лишь более спокойно высказанный и прикрытый дымкой тот же славянофильский план. Я привожу его более подробно потому, что считаю это выступление первым проявлением неославянофильских идей в русской среде. Иные считают, и совершенно по праву, инициаторами неославянофильства д-ра Крамаржа и генерала Володимиорова. Они, конечно, больше всего содействовали практическому развитию движения. Что касается идеологической стороны, как мы увидим ниже, это движение по сравнению с прошлым не внесло ничего нового в славянскую проблему; и оно начало с того, что выдвинуло вопрос о славянском съезде, а уж к этому вопросу было присоединено стремление создать программу и политический план. Несмотря на это, для славянского вопроса неославянофильство есть явление, заслуживающее значительного внимания. Оно поможет нам объяснить многие затруднения и споры о славянском вопросе, а также добраться до окончательных заключений.

22. Первая инициатива созыва неославянского конгресса вышла, кажется, из Праги от редакции еженедельного журнала "Май", который 29-го мая 1907 года обратился к Чешскому Национальному Совету с предложением организовать большой съезд представителей славянских народов в память первого славянского съезда в Праге в 1848 г. Национальный Совет взялся за работу, начал вести переговоры с чешскими депутатами об этом предложении и создал особый комитет, которому было поручено следить и развивать этот вопрос. Еженедельник "Май" ещё в 1906 г. организовал анкету о культурной, экономической и политической совместной работе всех славянских народов и по его же инициативе, в духе этой же анкеты, Комитет Национального Совета обратился к различным славянским деятелям, запрашивая об их мнении о предполагавшемся съезде.

Между тем, и с иной стороны подал практическую и конкретную инициативу созыва неославянских конгрессов профессор юридического факультета одесского университета А. Борзенко, который в сентябре 1907 года обратился с особым посланием к председателю совета министров Столыпину, говоря, что Рос-

сия не должна упускать из виду стремление славян к объединению и что она должна принять на себя инициативу в этом деле. Одновременно он указал на возможность организации славянского конгресса. Столыпин ответил сдержанно и сразу же заявил, что подобное движение своей целью может иметь лишь культурное, но отнюдь не политическое стремление. Одновременно же Борзенко сообщил, что жертвует на устройство конгресса 100 тысяч рублей и обратился с особыми письмами к депутатам имперского сейма в Вене д-ру Маркову, д-ру Грибару и д-ру Крамаржу, прося их взяться за дело и помогать организовать с'езд.

Предприятие Борзенко попало скоро в газеты и заинтересовало некоторую часть общества, особенно в России, где со времен созыва Думы славянский вопрос в форме дискуссии о польских, украинских и иных делах стоял в порядке дня. Необходимость соглашения с Польшей была ясна каждому, кто серьезно смотрел на русские внутренние события. (Обратите внимание, например, на заявление Ковалевского и иных и на предложение Дмовского, внесенное им в Думе, относительно самоуправления польских областей и иные подобные явления). Подобные же голоса о русских условиях раздавались и в Чехии, и Югославии и Болгарии.

По инициативе Борзенко д-р Марков созвал в Вене 27-го ноября 1907 года ряд славянских депутатов для обсуждения вопроса.*) Было решено, что конгресс будет подготовлен, что

---

*) В числе иных, в собрании приняли участие Клофач, Бакса, Калина, Хоц, Крамарж, Дюрих, Грибар, Рыбарж, Мондич, Бианкини, Марков, Глебоницкий и другие.

Д-р Крамарж изображает эти события в своих «Пяти лекциях об иностранной политике» (Прага, 1922 г.) следующим образом: «Подобно тому, как случайные и незначительные вещи являются причиной великих, так и неославнофильство возникло из довольно мелких побуждений. В России жил некто Борзенко, слегка занимающийся наукой, он то и написал мне, депутатам Марковичу и Грибару, что жертвует на славянский с'езд 100,000 руб. и при этом просил, чтобы мы взяли дело в свои руки и устроили с'езд. В конце концов, оказалось, что обещанных 100,000 руб. у него и не было. Но коллега Марков, депутат из Восточной Галиции, принадлежащий к великорусской партии, пригласил славянских депутатов в парламенте на совещание, которым и прочел письмо, так как он полагал, что необходимо ответить. Тогда был принужден заговорить и я. Шел я на совещание неохотно, так как в то время вел

он будет заниматься прежде всего общими культурными вопросами, что будут позваны и поляки и что должен быть составлен организационный комитет. Избраны были Крамарж (председатель), Грибар (товарищ председателя), Клофач и Глебовицкий секретари. В России, где этот вопрос стал предметом открытых дискуссий ("Новое Время", "Слово" и иные). Борзенко влиял в этом же направлении и на "Клуб общественных деятелей". Клуб поручил вести переговоры об этих вопросах генералу Володимирову, бывшему профессору Военной Академии, тогда уже находящемуся на пенсии — личности политически и интеллектуально совершенно незначительной. Это было сделано, очевидно, потому, что год перед тем он был в Праге на сокольском слете, встретился с некоторыми австрийскими славянами и, как говорит д-р Крамарж, "сделался славянином, хотя раньше никогда о славянстве не думал и оно ему было даже противно из за связи с реакционнейшими русскими кругами."*)

В апреле 1908 г. он снова приехал в Прагу, вступил в сношения с д-ром Крамаржом, как председателем организационного комитета и позвал членов правления от имени "Клуба общественных деятелей" в Петроград, где должны были продолжаться дискуссии и закончиться приготовления к конгрессу. Из заявлений, которые тогда генерал Володимиров сделал, например, в городском пражском совете, в газетах и иных местах, а также из того, что дошло до общества из области дискуссии организационного комитета в ноябре 1907 г., из частных разго-

с утра до ночи в парламенте упорную, иногда и прямо жестокую борьбу за всеобщее избирательное право. Когда же я былъ вынужден высказаться о том, как смотрю на предложение Борзенко, то тогда, собственно говоря, я изложил всю неославянскую программу. Я сказал, что мы, западные славяне, должны разорвать всякую связь с старым официальным славянофильством и его дворянскою традицией: самодержавием, православием и народностью, что мы должны придерживаться новой троицы — демократической свободы, равенства и братства и искать в России тех, кто хочет нового, свободного славянства.

Это было принято с необычайным воодушевлением всеми депутатами и было постановлено, что необходимо ехать в Петроград. Был избран трехчленный комитет: депутат Грибар, Глебоницкий и я; мы должны были убедиться в Петрограде, готовы ли почва и условия и может ли быть встречено сочувственно это новое славянофильство.

*) «Пять лекций», 27 стр.

воров заинтересованных лиц с Володимировым во время этой его поездки, видно, как уже в Праге выработывалось понемногу то, что в форме неославянства должно было стать программой с'езда.

Из общего политического положения в России, у поляков (по пути в Прагу Володимиров заехал в Краков и в Варшаву) и у нас вытекала программа — в том виде, как она рисовалась в прежних разговорах, собственно говоря, сама собой. После уже бывших опытов вырисовывались два главных основных вопроса: 1) в теоретическом и программном отношении новое движение означает равенство всех славянских народов, их взаимную справедливость и общее примирение.

2) На практике новая совместная работа может касаться лишь культурных (научных, литературных, художественных и т. д.) и экономических сношений; щекотливые же политические вопросы необходимо оставить в стороне.

Все, что напоминало старое славянофильство и панруссизм, православие и самодержавие, должно навсегда исчезнуть, а самобытность и своеобразие каждого славянского народа должны были внушать общее уважение. Ригр и Палацкий в 1868 г. в Москве ничего иного и не требовали. Их либеральное понимание славянства начинало входить в жизнь уже и в России; кроме парламентских и газетных заявлений, оно начало выражаться в таких фактах, как, например, основание в 1908 г. в Москве и Петрограде общества для изучения славянской науки и культуры. Это новое славянское либеральное направление лучше всего характеризовали те лица, которые вошли в качестве членов в это общество: Мимонов, Струве (кадеты), Гучков и Хомяков (октябристы), князь Львов, Стахович, Ламанский, Федоров и иные.

Дискуссии в печати и заявления этих лиц вращаются вокруг нескольких принципов и мыслей: Россия должна вести либеральную политику по отношению к отдельным национальностям, особенно же по отношению к полякам, с которыми необходимо достичь примирения; Россия должна вернуться с Дальнего Востока и обратиться к Европе, к Балканам и к ближней Азии; в этом случае у России будут затруднения с Германией и с главной заинтересованной державой на Балканах — с Австро-

Венгрии, которая становится государством по преимуществу, славянским, а потому Россия, как внутренне, так и внешне должна вести иную, чем прежде, славянскую политику: не старое реакционное, обрусительное и мессианистическое славянофильство, но новое, либеральное, передовое неославянство, уважающее славянские народы и хотя невредающее существенно Австро-Венгрии, однако, защищающее в полной мере интересы России на Балканах и в черноморских проливах. Вот в нескольких словах вся новая славянская политика, которую, по мнению этих политических кругов, должна была вести Россия; такова суть у нас называемого неославянофильства, освобожденного от всякой идеологии и сентиментальности; так представлялось оно, по крайней мере, русским взорам этих кругов.

Термин «неославянофильство» был употреблен впервые в русской публицистике Федоровым. Как его содержание, так и самое понятие попытаюсь определить точно ниже; сейчас же привожу лишь в грубых чертах его историю и развитие. Кроме того, движение никогда не было устойчивым, систематическим, политическим и идеологическим целым; все его представители бывали, в своих формулировках довольно туманны. Поэтому довольно трудно изложить неославянофильскую доктрину, как целое.

По соглашению с Володимировым отправились в мае 1908 г. д-р Крамарж, д-р Грибар и Глебовицкий в Петроград для переговоров о будущем съезде. Делегация была принята весьма радушно (д-р Крамарж говорил и со Столыпным) и сговорилась, как с русскими, так и с поляками—(Дмовским), что 12-го июля 1908 г. в Праге будет созван славянский подготовительный съезд, который одновременно будет и юбилеем славянского съезда 1848 года в Праге. Приезд этих трех делегатов дал возможность русским политическим кругам устроить славянские манифестации; так называемая «славянская неделя» в Петрограде прошла весьма единодушно под знаком нового славянства, примирения с Польшей и совместной работы с украинцами, защиты против немецкого „Drang nach Osten“. Кроме передовых элементов, тогда начали выступать весьма решительно и старые славянофильские круги: граф Бобринский, Гижицкий, Комаров, Вергун и иные. Год спустя, как мы

это увидим, они уже были господами целого движения и помогали своей политикой, как можно скорее похоронить неославянофильство.

23. То, чем было или, по крайней мере, хотело быть неославянофильство, показал конгресс, состоявшийся в Праге между 12 и 17 июня 1908 года и те дискуссии, которые из него вышли. Судя по этому материалу, можно довольно хорошо определить и политически оценить неославянофильство. Пражский конгресс должен был быть *подготовительным*, он должен был подготовить необходимое русско-польское соглашение, притупить острия споров между остальными славянами и дать первое программное основание теоретической и практической деятельности нового всеславянского движения.

В пражском конгрессе приняли участие, за исключением лужицких сербов, все славянские народы; среди делегатов, однако, отсутствовали познанские поляки, галицийские и украинские малоруссы и венгерские словаки. Чехов представляли среди иных Крамарж, Клофач, Калина, Дюрих, Маттуш, Шейнер, Пренс, Станек, Сокол, Шрабек, Масарик, Шамал: русских — член Государственного Совета М. В. Красовский, А. В. Маклаков, Стахович, Володимиrow, Львов, Сватковский, Бехтерев, Францев, Комаров, Бобринский, Гжицкий, Глебовицкий, Вергун и иные. Из числа поляков приняли участие Роман Дмовский, Станислав Грабский, Морин Здзиховский, Морин Сейда, М. Грек и иные. От сербо - хорватов были Лоркович, Радич, Тресич - Павичич, Кумануди, М. Драшкович, Миле Павлович; за словенцев Грибар, Рыбар, Вошняк и А. Гаршчек; от болгар Бобчев, Людсконов и Калинков.

С'езд занимался целым рядом конкретных вопросов и серьезно и основательно их разобрал. Был разобран вопрос о всеславянской выставке, как основе для взаимной совместной работы в различных областях (торговой, финансовой, промышленной и земледельческой, социальной, научной, литературной, художественной, образовательной и иных), взаимного осведомления и более близких взаимных сношений с целью, чтобы, с одной стороны, славяне обошлись в особенности на экономическо - финансовом поле, без чужих и помогали прежде всего друг другу, с другой, чтобы показали себе и иным, что они уже

успели сделать в различных областях. Выставка должна была состояться в Москве в 1911, самое позднее в 1915 году.

Для экономического и финансового развития было постановлено создать славянский банк с двумя главными центрами — в Праге и в Петрограде. Был подробно разобран вопрос о взаимных культурных, литературных, научных и художественных сношениях, установили, как можно будет поддерживать сношения при помощи обмена мыслей, книг, журналов, профессоров и студентов, переводов и т. д.: далее был разобран вопрос об организации сношений и сотрудничества печати и газетных агентств. Точно также подробно был разобран вопрос о соотношении земледельца и земледельческих кругов и организации взаимного обмена результатов культуры и образования на этом многозначном поле экономической деятельности. Наконец, была вынесена резолюция относительно расширения и совместной работы в организации сокольства и в вопросе о расширении туризма в славянских землях.

Что касается организации, то важное постановление конгресса касалось основания всеславянского комитета, который должен был следить за осуществлением пражских постановлений и подготавливать дальнейшие с'езды; местопребыванием центрального комитета была назначена Прага, а в члены были избраны: д-р Крамарж (как председатель), Красовский, Гобринский, Глебовицкий, Добосцынский, Здзиховский, Дмовский, Тресич-Папичич, Бобчев, Кумануди, Грибар, д-р Вратислав Черный и ряд заместителей. Столь же важными были дебаты и постановление о будущих славянских с'ездах.

Несмотря на все мое отвращение к пустым и наполненным фразами речам, с удовлетворением отмечаю, что не менее важным фактом, чем эти конкретные и конечно, важные и ценные постановления, были и политические заявления отдельных делегаций или выдающихся делегатов, сделанные при различных случаях во время конгресса (при открытии с'езда, на банкете, на заключительном заседании). Сам же с'езд — означает значительное движение вперед по сравнению с тем, что делалось на этом поприще во всем славянском мире; целые десятилетия ощущаемые потребности ежедневной славянской экономической и культурной жизни разбирались здесь серьезно

и были сделаны попытки перейти от слов к делу. С этой точки зрения конгресс является более реалистичным, чем были все предшествующие попытки. В области этих конкретных вопросов, но отнюдь не в области всеобщей политики, это является действительно попыткой создать реальную славянскую идею; но это была лишь попытка, которая не удалась и истинные реалисты скоро вышли из движения.

Быть может, потому, что международное политическое положение мешало съезду сделаться чисто политическим, делегаты вынуждены были быть очень сдержанными в изложении обществу действительных результатов достигнутых в иных областях. Поэтому же о политических вопросах говорилось общими словами, хотя с явной тенденцией, но все же больше намеками и, за малым исключением, без указаний на общий политический план и программу. Пражский конгресс был лишь вехой: он указывал издали, подчеркивал личные взгляды или планы некоторых выдающихся участников, — но цельной политической программы он не давал. Неославянофильством во время пражского конгресса были, с политической точки зрения, *лозунги, пожелания, надежды, тенденции*. Конкретно разработанные вопросы, о которых я упоминал и которые означали действительный прогресс в славянском мышлении и работе, были в большинстве случаев оружием, арсеналом, который должен был содействовать осуществлению политических надежд, ступенями, по которым должны были взойти к неясным политическим целям, неполитическим фундаментом, на котором дальнейшая работа могла и должна была сделаться высоко политической.

В заявлениях делегатов всех народов повторялись постоянно три мысли. Прежде всего это был вопрос о примирении славянских народов, особенно же русских и поляков. Мы видели, при каких международных условиях конгресс был созван; либерализм брал вверх в русских политических кругах, поляки были в том же положении, введение у нас всеобщего избирательного права означало завершение борьбы, триумф либеральных политических программ, введенных в Австрию еще в 1848 г., но лишь теперь проникших в жизнь. Тогдашний их триумф в Австрии означал одновременно их падение, да вообще иначе и не могло быть при упадочном австрийском либерализме.

Было вполне естественно, что д-р Крамарж открыл заседание констатированием, что новое славянство может строиться лишь на принципах равенства, свободы и братства. Бывшие досих пор споры между русскими и поляками, поляками и русскими (галицийские русины не были на с'езде из за вражды к полякам, русские украинцы из за вражды к великороссам), сербами и хорватами легко замалчивались на мгновение среди общего восторга. Все делегаты и говорили в этом смысле: русские (Красовский и Маклаков) и поляки (Дмовский, Грек, Хилинский) произвели на конгресс сильное впечатление своими заявлениями. Столь же плодотворно действовали своими декларациями о примирении и единении сербо - хорватского народа серб Гершич, хорват Тресич - Павичич, Лоркович, и Попович.

Примирение славян на основе признания равенства, свободы и самобытности каждого славянского народа — вот первый и основной лозунг с'езда. В этом отношении весьма характерным документом является резолюция, предложенная русским делегатом Красовским и единогласно принятая с'ездом; в ней говорится: *«Подготовительный с'езд славянских делегатов признает, что идея славянского сближения вполне жизнеспособна и плодотворна и заявляет, что все необходимое для достижения окончанья недоразумения среди славянских народов может быть достигнуто лишь при помощи всеми признанного и применяемого принципа равноправия и свободного развития национальной и культурной жизни каждого народа».*

Я бы хотел подчеркнуть тот факт, что этой резолюцией впервые славянский с'езд навсегда дословно отвергал идеологию русского славянофильства, которое в будущем уже не может стать основой общего движения среди славян.

Вторая менее систематически проявленная идея — иногда ее высказывали ясно, иногда на нее лишь намекали, — заключалась в антинемецкой тенденции. Д-р Крамарж высказал ее ясно. Дмовский более дипломатично, югославяне прямо, ничем не прикрываясь, недипломатично; все, однако, отметили в той или иной форме, что опасностью для славян являются немцы, их развитие, сила, все возрастающая экономическая и политическая мощь, конкретно проявляющаяся в „Drang nach Osten“ и что целью теперь подготовляемого примирения сла-

вян и их совместной работы является оборона против наступательного германства, собственно говоря, пруссачества (Здзиговский).

Наконец, третьей политической мыслью был более или менее молчаливо принятый принцип, ясно формулированный д-ром Крамаржем и говорящий об едином славянском организме в области этического и культурного единства. Слова: *единение, солидарность, взаимность, объединение* повторялись отдельными делегатами без более точного значения, без конкретного определения и без точных доказательств. Д-р Крамарж исходил из этого принципа, как уже наперед данного, другие же приняли эту терминологию в течение дебатов. Из действий с'езда нельзя определить, что все эти слова обозначали и что под ними подразумевали отдельные делегаты. И эта третья мысль совместно с двумя предшествующими является прежде всего выражением надежд, желаний и тенденций; все они вместе, не являясь ни систематическим целым, ни разработанной политически-философской системой получили название неославянофильства. Это собрание нескольких современных политических мыслей, связанных между собой более или менее узкими узами.

Для полной характеристики с'езда необходимо прибавить, что в связи с весьма осторожным призывом поляков к русским о справедливости, галицийские русские (Дудыкевич, Вергун и Бобринский) заявили весьма энергично о своем антируссизме, о единстве русской культуры в Галиции и в России и высказали свое желание, чтобы поляки в Галиции по отношению к русским (русинам) проявили то же, что требуют для себя в русской Польше. Это не было спором или дисгармонией, но все же скрипящим и дисгармоническим тоном. Необходимо упомянуть, что не раздавались сербо-болгарские споры, что не было разговоров с македонском вопросе и что представители хорватов и сербов не подняли вопроса об отношении Сербии и Австро-Венгрии к балканской политике Габсбургской империи, которые бы могли вызвать недоразумения среди австрийских славян. Единственным диссонансом было отсутствие галицийских и русских украинцев.

24. Наиболее целесообразное политическое заявление, с целой международно - политической программой, сделали лишь

д-р Крамарж, а до некоторой степени и Роман Дмовский. Речь д-ра Крамаржа свела так называемую славянскую политику и неославянофильство 1908 года к нескольким мыслям, опирающимся на его тогдашние взгляды на международное положение и на политику России и Австро - Венгрии в Европе.

Открывая с'езд, он подчеркнул, что славяне сошлись снова впервые после шестидесяти лет, что Европа в данный момент изменяется, начиная с самого основания, что некоторые народы дожили до нежданного, непредвиденного, головокружительного расцвета, что славяне должны защищать от них (подразумевались немцы) наследственные земли, которые те хотят захватить средствами, попирающими самые основные принципы гуманности.

При таких условиях необходимо единение всех славян, культурная и экономическая поддержка каждого отдельного славянского народа при помощи тесного сотрудничества всех на этом поле общественной работы; говоря коротко: необходимо их примирение и объединение. Этого можно достичь лишь признанием равенства, свободы и братства всех славянских народов, этого принципа, признанного славянами впервые руководящим лозунгом их политики еще шестьдесят лет тому назад на славянском с'езде в Праге. Поэтому то так необходимо примирение между русскими и поляками и вообще всеобщее признание права на свободное культурное и национальное развитие каждого славянского народа.

Кроме того, славяне должны проникнуться мыслью об общности их интересов. Страдает ли от общего врага поляк, то страдает одновременно и русский, страдает ли чех, то от этого страдает и поляк, русский и югославянин. Крамарж добавляет многозначительно: "Мы несем человечеству мир и любовь, мы не хотим свергать троны и разбивать империи и государства; нет, мы хотим лишь чувствовать себя одним великим целым, спаенным общими культурными интересами, дабы разделенные, рассоренные мы не падали один за другим под натиском более сильно организованного целого и программно культурного и экономического наступления.

Роман Дмовский в своих речах более осторожно и дипломатично дополняет дипломатическую программу Крамаржа.

Прежде всего, *он присоединяется к славянской идее от имени поляков*, которые будут неизбежно ее защищать и работать совместно с остальными. Целью является добиться для славянства надлежащего места среди культурных народов. Поляки уже сотрудничают и впредь будут сотрудничать с русскими, среди которых есть политики, понимающие поляков и смотрящие на польско - русский спор, как на вопрос, касающийся, как польского, так и русского народа. Принимая во внимание предшествующую политику поляков, подобные слова были чрезвычайно важны. Впервые услышали такие слова из уст выдающегося польского политика.

Еще более значительным с политической точки зрения является то, что Дмовский заявил в своей заключительной речи. Он выразил радость по поводу хода с'езда, который не объявил никому войны; поляки хотят лишь добиться возможности мирной культурной работы. "Борьба польского народа, разделенного на три части, не направлена против государства, как такового, но лишь против политической системы, подламывающей польское развитие." "В австрийском государстве... нас не преследовали. Также в русском государстве, где мы напрягаем все силы, чтобы добиться условий нормального развития, наш народ стоит на точке зрения государственной принадлежности к этому государству и признает общие государственные потребности, будучи глубоко убежден, что обновленная и опирающаяся на права и признающая права остальных народов Россия будет государством, необходимым не только русскому, но и польскому народу и всему человечеству."

Ни д-р Крамарж, ни Дмовский не могли более ясно выразить свою принадлежность один к России, другой к Австро - Венгрии. Они оба, как, впрочем, и остальные ораторы, старательно избегали говорить о политическом сотрудничестве; всюду слышны лишь слова: культурное и экономическое сотрудничество, культурное единство или объединение. Политическая международная ориентация, господствующая на с'езде, может быть выражена в убеждении или, по крайней мере, в надежде, что Россия и Австро - Венгрия под влиянием событий преобразятся в конституционные и парламентские государства с автономией для поляков и большинством для славян в Австрии; кро-

ме того, есть надежды, что именно благодаря этому произойдет еще большее сближение обоих государств на поприще международной совместной деятельности на Балканах и приостановка пемецкого размаха. Все это должно быть шагом к улучшению положения славян вообще.

В общем в этом и заключалась вся программа позитивной политики Крамаржа для нас в Австрии и для поляков в России, политики, опирающейся на международное положение и на мысль, как в связи со всем этим можно осуществлять славянскую политику. Таким образом, балканский вопрос является отодвинутым. Австро - Венгрии предоставляется возможность широкого распространения на Балканах без всякой войны. Пражский съезд удовлетворяя ориентацию Крамаржа и Дмовского, не мог, однако, удовлетворить потребностей юго - славян, а последние или не сознали этого в тот момент или же не показывали этого не желая нарушать наплыв всеобщего дружелюбия. Каждое соглашение между Россией и Австро - Венгрией могло тогда осуществиться лишь за счет конечных целей балканских славян, делая из них предмет споров и договоров обоих государств и могло означать оттягивание вопроса, но отнюдь не его решение.

Кроме того, скоро стало ясно, что и ориентация Крамаржа, созданная для чехов, и Дмовского — для поляков (они оба были вполне откровенны и честны) были ошибочны, как вообще вся политика Крамаржа была ошибочна уже просто потому, что означала искание квадратуры круга: *желание создать хотя бы сколько нибудь последовательную и ясную концепцию для передовых людей и в то же время приемлемую для славянской политики не было возможно примирить с существованием Австро-Венгрии и России в их довоенных формах.* Д-р Крамарж был на съезде вполне прямолинеен, но он, очевидно, этого не сознавал; что касается Дмовского, то я полагаю, что он этого если и не знал, то, по крайней мере, чувствовал и что его позиция была ничем иным, как тактикой момента. В конце концов, у Дмовского были иные цели; политика съезда была для него этапом на пути к позднему полному освобождению Польши. Говорил ли он за Россию, признавал ли русское государство, он видел во всем этом лишь ступень к конечной цели своей национальной политики. Однако, было прямо смешно говорить о

культурном и экономическом сотрудничестве и стараться создать впечатление, что все это не касается самых важных и прямо жизненных вопросов раз'единенных и несамостоятельных славянских народов. Я уже сказал в главе о панславизме, что культурные и экономические вопросы нельзя отделять от политических.

Споры, которые вскоре после с'езда начались вокруг него, а также и дальнейшие его судьбы достаточно это доказали. Русские участники пражского с'езда не знали хорватско - австро - венгерского и балканского вопроса и, принимали их с польско - русской точки зрения и соображаясь лишь с Германией с данным международным положением России. Сущность дела, конечно, понимал Сватковский, который хорошо знал эти вопросы. Но он именно потому, что додумывал вопросы до конца, доходил в своем неославянофильстве, когда должен был формулировать его не в виде лозунгов, но в виде практических политических требований, долженствующих удовлетворить все славянские народы, прежде всего до экономической и таможенной унии обоих государств, а потом до разложения Австрии и Венгрии на национальные единицы, а, наконец, до панславянской империи, доходившей до Триеста и Солуни.

В политическом и международном отношении с'езд был недодуман; будучи принужден внешними условиями показывать внешне свою лояльность к обоим государствам, он не мог даже приблизительно ясно формулировать политические вопросы. Он просто отложил большинство жгучих, спорных и еще не разрешенных славянских вопросов. Положительным политическим результатом данного момента было достигнутое соглашение относительно дальнейшей деятельности и манифестации во имя отстранения всех споров между славянами. Но и это не могло быть длительным, так как всякое нарушение международной политической ориентации с'езда, взявшей за основу русско - австро - венгерский договор, который, между прочим, далеко еще не был реальностью, но лишь нащупывался обоими государствами означало полное уничтожение всех результатов пражского конгресса. После 5-го октября 1908 г. (аннексия Боснии и Герцеговины) нельзя было уже и думать о каком бы то ни было договоре.

25. Теоретически и идеологически неославянофильство пражского съезда не внесло ничего нового в славянский вопрос. Это осветит лишь всего сравнение пражского конгресса 1908 г. с пражским съездом 1848 г. и съездом в Москве в 1867 году.

Съезд 1848 г. был гораздо более революционен по своим тенденциям; точно также или еще больше, чем съезд 1908 г., он подчеркивал принципы французской революции — равенство, свободу, братство и равноправие всех славянских народов. К Германии он относился открыто и решительно отрицательно, к реакционной России более, чем сдержанно, по отношению к Австрии защищал австрославизм. У неославянофильского съезда 1908 г. была новая международная политическая ориентация; он относится по-прежнему отрицательно к Германии и внешне ставит с политической точки зрения Россию и Австрию на одну линию, но что касается чувств, то у России оказываются огромные выгоды.

Еще более характерным является сравнение с московским съездом 1867 г. На московском съезде говорили почти той же терминологией о единении и взаимности славян, как и на пражском съезде. Он также выработал конкретную программу сотрудничества, взаимных сношений и изучения в области культуры; эта программа сильно походила на пражскую. Пражская программа была до известной степени более конкретно разработана и шире. В Москве, как и в Праге, был составлен для дальнейших работ славянский комитет, в Москве и в Праге были вынесены одинаковые резолюции относительно дальнейших съездов.

Другой интересной чертой для сравнения обоих съездов были заявления Палацкого и особенно Ригра о равенстве и равноправии всех славянских народов, о поляках, отрицание традиционного славянофильства и выступления за неославянофильскую, нерусскую, демократическую, современную программу славянской политики. Я уже говорил выше, что Ригр и Палацкий выступили в Москве, как революционеры 1848 г. и идеологи, вышедшие из понимания либерализма французской революции и индивидуализма первой половины 18-го столетия. В этом отношении Ригр и Палацкий говорили точно так же, как члены пражского съезда 1908 года. Если неославянофильство означает новое славянское движение, отличающееся от русских кон-

цепций националистических, славянофильских, мессианистических или вообще панславянских (Хомяков, Мицкевич, Коллар), то Палацкий и Ригр были неославянофилами уже в 1848 и 1867, неославянофилами более чистой воды, чем участники пражского с'езда, ибо они не были настолько связаны политическим оппортунизмом, как пражский конгресс.

Как я уже сказал, неославянофильство не принесло ничего нового в области идеологии. Неославянофильство вообще ничто иное, как позднее проявление австро-венгерского и русского либерализма; в нем находились уже с самого начала зародыши смерти потому, что он вырос в то время, когда либерализм в Европе доживал свою роль, а во вторых либерализм в этой форме, как и всюду в конце 19-го столетия проявил себя половинчатым, непоследовательным и поверхностным. Либерализм 1848 г., как и еще в шестидесятых годах, является революционным элементом; либерализм 1908 г. — это явление уже упадочное. как для России, так и для Австро - Венгрии. Уже по этой одной причине у неославянофильства не могло быть длительного будущего. Правильное понимание европейских условий жизни и развитие философского мышления начала 20-го столетия требовало бы иначе воспринятое, более глубокое, революционное, демократическое славянство. Из всех участников пражского с'езда это чувствовал и понимал, кажется, один профессор Масарик, поэтому он не верил в неославянофильство и, не ожидая от него ничего, сейчас же после с'езда от него отделился.

Конечно, пражский с'езд нужно обвинить в той же половинчатости, в какой мы обвиняли и московский. В Москве в 1867 г. тоже подчеркивали, что дело идет лишь о культурном сближении без всяких политических умыслов и планов, без опасности для иных народов. В действительности, это было тогда, как я уже излагал, у одних тактика, у других же недомыслие или незрелость; все повторилось точно так же в Праге в 1908 г. В 1867 г. берлинское, австрийское и русское правительства вели себя чрезвычайно сдержанно; в 1908 г. русское и венское правительства, под влиянием событий внутри страны, были внешне более благосклонны, внутренне же очень мало доверяли, стремясь, правда, использовать для себя движение, но и стараясь одновременно его или дискредитировать или отодвинуть при помощи своей

политики. По архивным документам становится ясной двуличная политика Эренгала в этом вопросе.

На съезде в Праге не раздалось ни одного панславянского слова, если не считать разговоры о единении славян, которое никто не старался точно определить; также не проявило себя и традиционное славянофильство и тенденция к панруссизму. Все это может считаться за несомненное движение вперед по сравнению со старым славянофильством, несмотря на то, что в Берлине, в Вене и в Будапеште неославянофильство называли единодушно *неопанславизмом*. Если заявление Ригра в Москве в 1867 г. было новостью и даже сюрпризом для некоторых русских, то съезд в Праге уже означал прямое принятие славянской либеральной идеологии, защищаемой Ригром и Палацким в 1848 и 1867 г. г. Если первый съезд в Праге означал для чехов автрославизм, съезд в Москве попытку сближения с Россией, съезд в Праге в 1908 году означает сводку счетов с принятой славянской идеологией и политически оппортунистическое выравнивание с Россией и Австро - Венгрией. Как я уже сказал, это была идеологическая паловинчатость; в политическом отношении это означало отодвигание наиболее жгучих вопросов славянской, особенно балканской политики.

Никакая славянская политика не была возможна без додумывания практических последствий ее, а они для всякой настоящей славянской политики должны были быть одни и те же: уничтожение существующего территориального *Status quo* и создание или великой панславянской империи или же уничтожение существующих границ и создание отдельных объединенных национальных славянских государств. Иного выхода никогда не было для славянской политики.

Иными словами, это означает: *Так называемая славянская политика могла быть или реакционной, то есть мессианистически - славянофильской, политически чисто панславянской, или же политически революционной, то есть строгой в национальных вопросах, требующей безусловно независимости объединения каждого славянского народа, ищущей точки соприкосновения этих свободных славянских народов, которые могли бы позднее договориться об осуществлении совместной международной политики по отношению к остальному миру. А*

так как панславянская концепция была наперед исключена, принадлежала окончательно прошлому, оставалась и остается лишь второй план.

Каждая иная программа должна была разбиться о непродуманность, половинчатость, неосуществимый компромисс, внутренние противоречия и неконкретную туманность взглядов, планов нового славянства и так называемой славянской политики.

Эдуард Бенеш.

С чешского перевела Н. Мельникова — Папоушек.

Война, разоружение и милиционная система.

На последнем заседании Исполнительного Комитета Социалистического Интернационала в Цюрихе (апрель 1920 года) было решено образовать специальную комиссию для выработки общей точки зрения на разоружение.

Во время предварительного обмена мнений выяснилось, что один из пунктов социалистической программы, считавшийся общепринятым до войны—замена постоянной армии народной милицией — подвергается теперь сомнению и оспаривается некоторыми влиятельными партиями.

Статья Рудольфа Гильфердинга посвящена этому важному вопросу и излагает точку зрения весьма распространенную в среде германской социал - демократии.

С большой медлительностью приступают представленные в Лиге Наций правительства к проблеме разоружения. Но и участие самих народов не столь велико и не столь горячо, как этого требовало бы колоссальное значение проблемы.

Это имеет, быть может, психологические основания. План Дауса и Локарнские договоры создали, после непрерывных угроз и тревог послевоенного времени, известное успокоение и чувство относительной безопасности. Во время мартовской сессии Лиги Наций, при обсуждении вопроса, который сам по себе не являлся чрезмерно трудным, возникли однако, затруднения, вызвавшие в широких кругах чувство скептической покорности. Оно может стать опасным для всей политики Лиги Наций. Ибо

политика Лиги Наций возможна лишь в том случае, если широкие народные массы, исполненные демократических чувств и воли, сами являются носителями этой политики и во все большем масштабе влияют на направление ее. Ибо политика Лиги Наций есть лишь равнодействующая политики отдельных государств, и судьба самой Лиги зависит в конечном итоге от того, какое влияние приобретут на политику этих государств демократия и социализм. "Демократизация Лиги Наций", это — особый вопрос, но характер ее политики зависит от напора сил демократии, особенно же, от давления рабочего движения в странах, образующих Лигу Наций.

Психологические препятствия могут быть устранены вместе с временной политической ситуацией, из которой они возникли. Опаснее то, что на конкретные вопросы, касающиеся разоружения и в настоящее время развернутые подготовительной конференцией Лиги Наций, Рабочим Социалистическим Интернационалом не дано однородного, проработанного, программного ответа, — а речь идет об основной международной проблеме. Поэтому мы приветствуем решение Исполкома РСИ, который на своем апрельском заседании постановил образовать особую комиссию по разоружению. Интернационал уже и до настоящего времени требовал с большой настойчивостью всеобщего разоружения*) Те перь он переходит к выработке конкретной политической программы действия для работ Лиги Наций по разоружению, к проверке методов, при помощи которых может быть осуществлено разоружение, конечно, путем трудной и долгой борьбы.

Если это не произошло и не могло произойти раньше, то главным образом потому, что и в этом вопросе мировая война и созданная ею внутренняя и внешняя политическая ситуация означают новый резкий перелом и побуждают, по моему мнению к новой проверке и новому отношению.

В основном имеются два ряда вопросов, о которых идет речь: во - первых, отношение к войне, во - вторых, отношение к военной организации.

*

**

Представление о том, что война и капитализм неразделимы, что только с преодолением капитализма могут быть устранены

---

*)Смотри в чрезвычайно интересных Протоколах Марсельского Конгресса Социалистического Интернационала главу "Борьба против войны" (67 стр.), а также заключительное слово Хиллквита, возражавшего мне (279 стр.) (Примечание переводчика: Страницы указаны по немецкому изданию Протоколов).

войны, это представление может быть обосновано сильными доводами. Экономический анализ выявляет значительные возможности конфликтов, которые вновь и вновь создаются капитализмом и приводят к военным столкновениям. Исторический опыт находит капиталистическую эпоху насыщенную военными решениями, неизменно вновь возникающими, все более распространяющимися и получающими все большее значение для политических и социальных судеб народов. Неудивительно поэтому, что устранение войны, как политического средства, должно было представляться рабочим партиям в меньшей мере, как самостоятельная задача в непосредственной политической борьбе сегодняшнего дня, чем, как результат победы социалистической революции. И это тем более, что влияние рабочего движения на внешнюю политику было ничтожно: она составляла заповедную собственность господствующих групп. Но если это настроение было вполне объяснимо и даже неизбежно предопределено всем политическим положением рабочих партий, то столь же неблагоприятно было оно для развертывания самостоятельного, с желательной энергией идущего вперед пролетарского движения борьбы за мир. Отношение, например, к Гаагским мирным конференциям было недостаточно однородным и скорее критическим чем положительным. И только в самые последние годы перед военным взрывом эта пассивность уступила место более активной политике отдельных партий и Социалистического Интернационала — благодаря сознанию растущей военной опасности и, в значительной мере, благодаря страстным усилиям прозорливого Жореса.

Война привела к дальнейшему прояснению положения. Старый тезис: "Капитализм, это — война, социализм, это — мир", оказался ошибочным в обеих своих частях.

"Социализм, это — мир". Но не противоречат ли этому утверждению самым решительным образом те опыты, которые мы имели и имеем с внешней политикой большевизма? Конечно, на это можно возразить, что большевикам стал чужд дух социализма, что объективные условия, при которых они захватили власть принудили и их занять воинственную позицию. Но покорение Грузии, политика большевиков в Азии могут, сколько угодно, обосновываться мнимой революционной необходимостью, объективно в них осуществляется русская экспансия, которая, как показала история с Восточно - Китайской жел. - дорогой, не задумывается перед угрозой войны, чтобы закрепить за собой колониальные сферы влияния. Не показали ли, с другой стороны, военные испытания, как сильно охватываются массы идеями государственного могущества? Можем ли мы, после 1914 года, питать на этот счет какие - либо иллюзии? К тому же, раз возникнув, война развивается по своим собственным законам. Фран-

русские революционные войны начались, как вынужденная оборонительная борьба против феодально - абсолютистской реакции. Затем к ним присоединилась иллюзия о возможности принести политическую свободу угнетенным народам на остриях штыков. Наконец, они закончились завоевательными войнами Наполеона и борьбой Франции с Англией за гегемонию.

И еще одно важное соображение. Для каждой социалистической партии в высшей степени важно, чтобы, захватив власть она могла приступить непосредственно к делу социального переустройства, не находясь при этом под угрозой внешних воздействий, которые бы ее заставили обратить всю энергию на отражение внешнего враждебного напора. Именно под этим углом зрения устранение войн становится непосредственной задачей рабочей политики. Верно, конечно, что только социализм, коренным образом изменив хозяйственные отношения, совершенно уничтожит антагонизмы и причины конфликтов. Но чтобы осуществить свою задачу, он нуждается в мире, и поэтому борьба против войны остается *самостоятельной* задачей рабочего движения.

А как обстоит дело с первой частью старого тезиса: "Капитализм, это война?" Я пытался доказать в своей статье "Реалистический пацифизм (см. журнал „ Die Gesellschaft “ — № 8, ноябрь 1924 г.), что вследствие коренным образом изменившихся в послевоенное время экономических и государственных отношений, укрепилось стремление заменить военное разрешение споров международными соглашениями. Сейчас я должен ограничиться лишь кратким и по необходимости неполным резюме.

Все сильнее организующийся национальный капитализм вел политику по возможности монопольного завладения новыми рынками сбыта и сферами приложения капитала. Государственная мощь была предоставлена для осуществления этих стремлений. Целью их было новое распределение эксплуатируемого капитализмом мира путем новой пробы сил. Эта политика должна была вести к войне, так как политическое противодействие ей было крайне слабым. Война миновала, и в первое время новая проба сил между руководящими капиталистическими державами и экономически, и политически невозможна.

Присущее капиталу стремление к экспансии и повышению нормы прибыли заставляет его искать новых методов. Отсюда стремление, которое и без того свойственно организующемуся в государственных границах капитализму, обеспечивать свою экспансию путем интернациональной организации и, раньше всего, интернационального картелирования источников энергии и сырья. Не случайно при этом, что германский капитализм является как-бы вождем в этом стремлении к созданию межгосудар-

ственных капиталистических образований. Послевоенная Германия остается одним из крупнейших центров экономической энергии. Но в военном отношении она обессилена, и поэтому, быть может, германские капиталисты чувствуют сильнее, чем капиталисты других стран, необходимость разрешать столкновения капиталистических интересов не насилем, но при помощи хозяйственных соглашений. Поэтому то именно в кругах германской промышленности большое внимание находят "паневропейские" идеологии и предложения о создании "Европейского таможенного союза", и поэтому то заговорили уже о "капиталистическом пацифизме".

При анализе капиталистической политики делают ошибки в двух направлениях (часто этим грешат и марксисты). С одной стороны, благодаря стремлению рассматривать капитализм черезчур статически и слишком мало динамически, в его постоянных изменениях, очень легко впадают в ошибку рассматривать явления капитализма, происходящие во время определенной фазы его развития, как присущие ему, неизменные законы. С другой стороны, очень легко забывают, что законы и тенденции капиталистической экономики, которые первоначально являются только тенденциями капиталистов или их господствующей группы, вовсе не обязательно должны воплотиться в политическую действительность. Капитализм развивается в совершенно разнобразной политической обстановке: в порах феодального общества, на широкой крестьянской основе азиатских деспотий, при королевском абсолютизме, в конституционных монархиях, при царизме и в советской республике, наконец, в современных демократических республиках. Конечно, для научного анализа необходимо изобразить экономические законы и тенденции в их чистом виде. Но столь же ложным было бы, если бы политик просмотрел неразрывную связь между экономикой и политикой, их единство в реальной жизни. Ибо все экономические отношения между людьми или общественные отношения, экономические законы суть законы отношений между людьми, поэтому экономика непрерывно изменяется под воздействием человека, под сознательным регулированием общественных отношений политикой. От этого зависят постоянные изменения капитализма в его историческом, конкретном проявлении, хотя его основа, присвоение общественного прибавочного труда собственниками орудий производства, остается постоянной.

Однако, класс капиталистов ни в какой мере не является единственным носителем политики капиталистических государств. Ибо государственная воля есть равнодействующая различных волевых устремлений разных классов или политических партий, и в этой равнодействующей решающая сила рабочей партии становится все значительнее и в

этом отношении война представляет решительный поворот. До войны политика рабочего класса была главным образом направлена на проведение своих социально - политических требований и на завоевание политических прав. Это была трудная борьба, которая поглощала всю политическую энергию рабочего движения, и плоды этой борьбы созревали лишь постепенно. Теперь, благодаря победе демократии, эта скрытая энергия превратилась в энергию кинетическую, которая стремится направить всю государственную политику в желательном направлении. Если бы даже было верно, что капитализм создает только конфликтные тенденции без противоположных тенденций, если бы было верно, что капиталисты всюду и всегда исполнены воинственных стремлений, — а это, безусловно, неверно, — даже и в этом случае, конфликтные возможности не должны были бы в действительности вылиться в военные столкновения. Ибо это зависит от политического влияния других классов и, раньше всего, от влияния рабочего движения.

Из изложенного следует углубление и конкретизация нашего отношения к вопросу о разоружении, которое обусловливается и делается возможным благодаря изменению экономической и политической ситуации. Неправильно объявлять невозможным устранение войн при господстве капитализма, рассматривать, как иллюзию, проведение разоружения до окончательной победы социализма и ограничиваться указанием на недостаточность или лицемерие буржуазных предложений о разоружении, подобно тому, как это делают коммунисты, которые способны только твердить давно нами оставленные зады. При этом мы, конечно, не забываем, что капитализм создает неизменно все новые и новые возможности конфликтов: иначе не было бы необходимости в борьбе против военных опасностей. Но именно это делает борьбу против войны необходимой составной частью пролетарской классовой борьбы против капитализма.

Речь идет, следовательно, о развитии *нового метода* в борьбе против войны или, говоря положительно, о развитии методов партий для создания мира. Ибо речь идет об организационной Социалистического Интернационала и всех отдельных рабочих проблеме колоссальных размеров, одновременно экономической, политической, военной и идеологической*).

---

*) Я говорил по этому поводу на Марсельском Конгрессе Протоколы, стр. 261): "Дух, в котором мы должны вести эту борьбу за мир, есть дух преодоления межгосударственной анархии. Надо буржуазной концепции, представлению буржуазии о постоянном соперничестве, о вечной взаимной борьбе народов за могущество, противопоставить пролетарскую идеологию, дух

Мы должны дать конкретные, реалистические ответы на все эти вопросы, решение которых одновременно определит, может ли Лига Наций превратиться в то подходящее орудие социалистической внешней политики, в какое мы хотим ее обратиться. Вопросы преобразования международного права, экономического сотрудничества и контроля Лигой Наций, согласования хозяйственного права, интернационализации управления колониями и демократической внешней политики, все эти частичные вопросы стоят перед нами. И все они, в конечном итоге, упираются в задачу осуществления длительного мира между народами.

В настоящей статье нас занимает военная проблема, и для Социалистического Интернационала встает предварительный вопрос об *организации вооруженных сил*.

Воззрения социалистической военной политики в главном были обоснованы Энгельсом. Он видел в переходе ко всеобщей воинской повинности шаг вперед по пути к демократии. Но не в виде косвенных влияний, которые могли быть вызваны пребы-

солидарности, дух сотрудничества народов. Надо в значительной мере произвести тут грандиозную *идеологическую революцию*: поставить вместо буржуазного национального принципа — пролетарский национальный принцип. Мы хотим все сохранить все сбереж, все развить дальше, что создано народом в смысле культуры, духа, искусства и общечеловеческого достоинства. Но мы не желаем охранять и сохранять, мало того, мы самым решительным образом боремся против той сильной надстройки над народами, которая их гонит в окопы. Вместо принципа вражды, мы хотим поставить дух пролетарской солидарности, сотрудничество, которое положит конец всем тяжбам и всем антагонизмам, которые созданы капитализмом. Это преодоление буржуазного национального принципа означает политически ограничение суверенитета отдельных государств в пользу суверенной совокупности народов. Суверенитет отдельного государства должен быть включен в суверенитет совокупности наций и должен быть ей подчинен. Это заключает в себе мысль, что для отдельных государств не существует больше права объявлять войну. Это право должно быть отнято у отдельных государств — не может существовать суверенного права, которое в действительности является преступлением против человечества. Может быть только одно право обороны совокупности народов против того, кто является нарушителем всеобщего мира....

ванием в городских гарнизонах сельских жителей, тесным соприкосновением различных слоев населения или организационной выучкой. Энгельс в значительной большей мере рассчитывал на влияние на армию быстрого роста социал - демократии. В больших капиталистических государствах рабочие во все большей мере будут составлять кадры армии. Подобная армия все менее будет годиться для наступательной войны или для подавления внутренних революционных движений. Это развитие будет ускорено сокращением времени службы в армии, ибо это сокращение ослабит влияние офицерства на солдат и воспрепятствует созданию слепой дисциплины. Сокращение срока службы образует переходную ступень к милиционной системе, в которой демократические тенденции военной организации полуточно преобладают. Милиционная система исключает возможность наступательной войны и пригодна только для обороны. Эти мысли были изложены Бебелем и особенно подробно и систематически Жоресом в его книге „ L'Armée Nouvelle “ и составляли достояние континентального социализма.

Английское рабочее движение было далеко от этих вопросов. По совершенно понятным причинам, до войны милитаризм и военная организация не являлись для него проблемами требующими своего разрешения. Война ничего в этом отношении не изменила. Если именно английская рабочая партия горячо занимается проблемами социалистической международной политики, если особенно страстно она выступает на борьбу против войны, то она явно принимает существующую английскую военную организацию и, во всяком случае, далека от того, чтобы требовать перехода к милиционной системе. И однако многие континентальные социалисты считают английскую систему — маленькая, «чуждая народу» «наемная армия» самой скверной и опасной для демократии военной организацией.

Правы ли они? Исторический опыт Англии ни в какой мере не подтверждает правоты континентальных социалистов. В Англии милитаризм, главенство военной власти над гражданской или хотя бы сильное влияние на последнюю генералитета, не играла и скольконибудь существенной роли. Полную неудачу потерпела попытка некоторых групп консервативной партии восстановить, незадолго до войны, офицерство против политики гом - руля либерального правительства. Как орудие борьбы с внутренними политическими движениями, английская армия, уже вследствие своей малочисленности, не может иметь существенного значения, в особенности же она непригодна для наступательной войны. Напротив, совершенно бесспорно, что у английского народа, не воспитанного и не вышколенного военной службой, всякого рода милитаристская идеология слабее, чем в странах, имеющих всеобщую воинскую повинность.

Как же однако обстоит дело с милиционной системой? Можем ли мы в свете военного опыта сохранить те ожидания, которые мы имели раньше? В процессе войны армии континентальных держав все более принимали милиционный характер. Кадровый офицер уступал свое место офицеру запаса, и это явление происходило в австрийской и во французской армиях сильнее, чем даже в германской. Масса армии состояла из рабочих и крестьян, которые в кратчайший подготовительный срок научались самому необходимому. Английская и американская армии были почти с самого начала милициями. И все эти армии были прекрасными орудиями для ведения войны: не только в военном, но и в политическом отношении они оставались в руках командования. Правильно ли далее утверждение, что милиционная армия пригодна лишь для обороны, но не для нападения? Не вела ли американская армия, и в политическом, и в военном смысле, наступательной войны? И может ли быть применено временно к занимающей нас совокупности вопросов различие между наступательной и оборонительной войнами? Когда возникает большая война, все народы считают, что они обороняются, и это соответствует действительности, непосредственно же перед возникновением войны установление зачинщика возможно только при создании той международной организации, которую предусматривал женеvский протокол.

К этому присоединяются еще другие соображения. Развитие военной техники, которое решительно определяет развитие военной организации, имеет и без того уже тенденцию, если наши наблюдения правильны, уменьшать разницу между постоянной армией, основанной на всеобщей воинской повинности, и милицией. Техническое развитие увеличивает все больше, по сравнению с солдатами, значение больших военных машин, летательных машин, танков, тяжелой артиллерии и запасов материала. Выражаясь экономическим языком, можно сказать, что и в военном деле доля постоянного капитала все увеличивается за счет капитала переменного. Вместе с тем увеличивается значение военно-промышленного производства по сравнению с самой армией. Но применение машин и химических средств требует многочисленного, специально обученного персонала. Всякая современная военная организация, которая стремится достигнуть максимального военного эффекта, имеет поэтому тенденцию к созданию возможно большего числа кадровых офицеров и унтер-офицеров. Это относится в равной мере и к постоянной армии, и к милиции. Эта тенденция усиливается еще тем, что невероятное распространение поля сражения, как в ширину, так и в глубину, также требует многочисленных, профессионально-обученных, квалифицированных людей, для командования и маневрирования армейскими массами, для создания пополнений,

для службы связи и т. д. С другой стороны, и в старой военной организации имелась тенденция распространить всеобщую воинскую повинность, по возможности, на всех сколько -нибудь годных для ношения оружия лиц и укрепить ее при помощи военной подготовки юношества. Чтобы для этого привлечения в армию создать экономические и финансовые возможности, пришлось согласиться на сокращение срока действительной службы. Опыт военного времени к тому же показал, что, действительно, со значительно более коротким сроком службы можно достигнуть желательного результата. Но значительное сокращение срока действительной службы сильно сближает постоянную армию с милицией, имеющей многочисленные кадры. При этом остаются лишь вопросы состава, политического воспитания и пополнения офицерства из рядов солдат, вопросы, имеющие сами по себе значение для политического обсуждения, но разрешимые в каждом отдельном случае в зависимости от силы и влияния политических партий.

Не своей военной годностью будет отличаться милиционная армия от постоянного войска: в этом отношении опыт войны полностью подтвердил утверждения Бебеля и Жореса. Отличие может быть найдено исключительно в более коротком сроке, необходимом для мобилизации постоянной армии, в немедленной применимости находящихся под ружьем войск для нападения. Но и это различие уменьшается благодаря развитию современных способов передвижения. Оно теряет всякое значение при обобщении милиционной системы и особенно при установлении системы третейского разбирательства, которое заставит ожидать решения третейского суда.

С другой стороны, надо дать себе ясный отчет в том, что милиционная система скорее в большем, чем в меньшем размере, по сравнению с армией всеобщей повинности, будет вызывать и поддерживать в массах ту же милитаристскую идеологию и те же воинственные настроения. В большем размере, говорим мы, ибо чем народнее воинская организация, чем более прикрито принуждение, тем более армия есть дело каждого, тем легче найдут доступ в народную душу воинственные чувствования, и в этом отношении опыт 1914 года должен бы нас предостеречь от переоценки возможностей политического противодействия милитаристской идеологии.

Но является ли, действительно, требование милиции подходящей программой для отдельных рабочих партий и для Социалистического Интернационала? Партии маленьких стран, как например, датская социал - демократия, ответят на этот вопрос отрицательно. Для них разоружение, т. е. сокращение постоянной армии до размеров пограничной стражи, возможно и стоит затраченных на него усилий. Для Германии переход к ми-

лиционной системе, который вызвал бы усиление милитаристской идеологии, означал бы, с внутривнутриполитической точки зрения, столь же мало прогресс, как для Англии или Соединенных Штатов Северной Америки.

Длительный опыт с милиционной системой имеет лишь одна Швейцария. Здесь каждый гражданин имеет в своем распоряжении ружье. В стране с очень старыми демократическими традициями, с сильным перевесом демократического в политическом отношении, но социально - консервативного крестьянства, с не слишком острыми классовыми и политическими противоречиями, в Швейцарии опасность того, что внутривнутриполитические противоречия будут разрешаться оружием, со времени войны Зондербунда не была реальной. Иначе могут сложиться обстоятельства в странах с обостренными социальными и политическими противоречиями. В частности, развитие послевоенного времени показало, что благодаря усилению идеологии насилия возросла склонность разрешать внутривнутриполитические вопросы оружием. Милиционная система, при которой каждый гражданин получает оружие в руки, именно в этом многие социалисты видели основное демократическое основание всей системы, — таит в себе опасность непрерывной гражданской войны. Тот, кто хочет, чтобы политические решения принимались демократическим путем, и чтобы сила применялась лишь, как крайняя мера защиты против нападения на демократию, кто вмешательство во внутривнутриполитическую борьбу "добровольной милиции" не считает ни желательным, ни, в противоположность к Гаубаху*), неизбежным историческим явлением, тот вряд ли найдет что - либо в защиту милиционной системы и всеобщего народного вооружения.

С точки зрения внешней политики, вопрос разрешается не так просто. Конечно, одностороннее разоружение с течением времени становится невыносимым. Оно грозит обезоруженным народам опасностью превратиться в объекты завоевательной политики других стран. Оно, естественно, усиливает неприязнь к односторонне навязанной мере и поддерживает дух реванша. Оно усиливает напряжение между народами, ибо является для сильных в военном отношении государств соблазном и искушением поддерживать и отстаивать также несправедливые притязания. В военном отношении переход к милиционной системе означал бы для Германии полное восстановление ее бывшего могущества — это могут оспаривать разве только старые офицеры. Но приблизило бы это нас в международном отношении к разрешению проблемы — устранение войны?

---

*) См. статью HAUBACH, „Der Sozialismus und die Wehrfrage“. „Die Gesellschaft“ — 1926, Februarheft.

Так как милиционная система обеспечивает максимальную военную производительность, то распространение ее на все страны в основном восстановило бы те же военно - политические позиции, которые существовали до войны. Государства со значительным населением и развитой промышленностью снова заняли бы господствующее положение, а маленькие страны снова превратились бы в сателлитов великих держав или их политики *). Снова вернутся все беспокойства, которые возникают из различия соотношения военных сил, и международная политика вновь будет зависеть только от силы. Соперничество в вооружениях будет продолжаться. Так как человеческий материал будет полностью включен в военную организацию, то тем сильнее будет стремление увеличивать технические военные средства.

Итак, мы не можем найти в милиционной системе ни средства для внутреннего прогресса, ни способа для международно-го примирения. Мы не думаем поэтому, чтобы было возможным сохранить требование милиционной системы, как программный пункт, для рабочих партий или для Социалистического Интернационала. Но этот предварительный вопрос должен быть раньше всего выяснен, если Р. С. И. хочет добиться единства своей политики разоружения. Это выяснение тем более необходимо, что идеи милиционной системы сильно защищаются во многих социалистических партиях, раньше всего, во французской социалистической партии, все еще находящейся под большим влиянием воззрений Жюреса, которые определялись довоенной обстановкой и для своего времени имели прогрессивный характер. Следовательно, нахождение принципиального отношения к вопросам военной организации есть, в первую голову, задача отдельных рабочих партий.

Мы должны, таким образом, признать иллюзией представление о том, что всеобщая воинская повинность, а в особенности та ее форма, которая называется милиционной системой, является подлинной демократизацией военных сил народа. Раз признав это, мы приходим к другой альтернативе, которая

---

*) Характерно, что в настоящий момент, когда опасность военных осложнений в Европе менее велика, политическое влияние малых стран чувствуется сильнее и находит в Лиге Наций точку приложения своего влияния. Это — существенный результат политики Лиги Наций, который вместе с тем показывает значение усиления влияния пленума Лиги Наций в противоположность совету ее.

вместе с тем есть *политика настоящего антимилитаризма*. Ибо речь будет идти уже не о вопросах военной организации, но о непосредственном сокращении военных сил.

Цель может тогда быть лишь одна: уменьшение военных сил. С внутри-политической точки зрения, — превращение армии в отряды для поддержания порядка и безопасности; с точки зрения международной — ограничение армии размерами, установленными Лигой Наций, причем эти армии должны находиться в распоряжении Лиги для выступления против нарушителя мира. Конечно, эта конечная цель будет достигнута не скоро, достижение ее зависит от политической силы рабочих партий, раньше всего, в великих державах. Но надо добиться ясно относительной цели, — а изложенная нами противоположной той, к которой стремится милиционная система, — чтобы столковаться о методах социалистической политики разоружения.

Путь ведет через те мероприятия, которые при разнообразных обстоятельствах предлагались английскими политиками: ограничения в производстве определенных военных средств и сокращение военного бюджета. Сюда относится попытка лорда Холдена, предпринятая перед войной, устранить хотя бы самое опасное соперничество в вооружении. Он предлагал установить определенное соотношение сил английского и германского военных флотов и назначить годы, когда не должна была производиться постройка новых судов. Сюда же относится Вашингтонское соглашение, следующим образом установившее соотношение между крупными боевыми единицами флотов Соединенных Штатов, Англии, и Японии — 10:10:5. В том же направлении находятя предложения о запрещении известных родов оружия или определенных методов ведения войны, например, подводной войны, газовой войны и т. д. Наиболее действительным средством для устранения, в первую очередь, соперничества в вооружениях было бы ограничение военных расходов или всеобщее процентное сокращение нынешних военных бюджетов.

Пусть не возражают на это, что указанные мероприятия могут быть обойдены. Это опять таки зависит от бдительности и силы рабочих партий, а также от возможности предоставить руководимой большими демократами Лиге Наций действительные контрольные функции. Во всяком случае, эти методы имеют то преимущество, что, независимо от существующих военных организаций, позволяют предпринять энергичные меры к устранению соперничества в вооружениях и к подлинному сокращению вооружений.

Мы ограничимся этими указаниями, ибо мы раньше всего хотим указать на ту проблему, которая по нашему мнению, встанет в процессе работы перед интернациональной социалистической конференцией по разоружению. При этом мы отдаем се-

бе отчет в том, что проблема разоружения, хотя и имеет чрезвычайно важное значение, все же составляет лишь часть более общей проблемы международной социалистической политики мира. Для укрепления установлений Лиги Наций, для действительного создания международного третейского разбирательства, для наложения опалы на зачинщика необходимы раньше всего все те устремления, которые уменьшают возможность экономических конфликтов и ограничивают их политические последствия, создающие военные опасности и военные тенденции. Борьба против протекционизма, работа в пользу экономической политики Лиги Наций и в пользу международного экономического сотрудничества народов имеют для политики мира, по меньшей мере, столь же важное значение, как борьба за разоружение.

Решение всех этих вопросов находится в зависимости от успехов рабочего движения в отдельных странах. Ибо в настоящее время оно является главным носителем, как национальной, так и интернациональной, демократической политики. Нет ничего более ложного, как представление, будто империалистское решение экономических и политических вопросов есть единственно возможное и могущее быть осуществленным. Есть и *иная возможность*: тот ответ, который дается современным рабочим движением. Если рассмотреть международную политику послевоенного периода, мы найдем в ней неопределенность и колебания. Она все еще следует по путям насилия, частных союзов, тайной дипломатии. Но под давлением демократических масс, она вступает на новые пути, которые ведут к международному сотрудничеству народов. И подлинное противоречие, которое проявляется в настоящее время в международной политике, в меньшей мере вызывается непосредственными экономическими столкновениями между более или менее империалистскими правительствами. Угроза миру исходит, в первую голову, в настоящее время от тех стран, в которых демократия или временно разгромлена, или еще не развилась, и в которых политическое господство принадлежит более или менее скрытой военной диктатуре, в разных ее формах, от большевизма до фашизма. В конечном итоге лишь усиление демократии и прогресс рабочего движения, которое объединит в своей борьбе различные проблемы осуществления мира, приведут к устранению войны, как метода политической борьбы.

Рудольф Гильфердинг.

Перевел Бор. Скоморовский.

Социальный строй России.

XI. СОЦИАЛЬНОЕ СЛОЖЕНИЕ НОВОЙ РОССИИ

(Окончание)*)

До сих пор мы очерчивали отдельные слагаемые огромного социального целого. Теперь мы должны свести и сложить их воедино, указать их взаимозначение и взаимоотношение, начертить получающуюся *общую фигуру*, дать *общую формулу социального сложения новой России*.

Эту фигуру, эту формулу не приходится искать заново. Так как историческая дореформенная Россия не составляла ни пустого места, ни какой то социальной туманности, а была уже резко и своеобразно оформлена, то нам и приходится исходить из этого первоначального социального сложения России, чтобы затем проследить его дальнейшую трансформацию в пореформенный период.

Это исторически данное социальное сложение России уже было выше намечено. Оно состояло в том, что ее социальные силы представляли, если можно так выразиться, *не плюрализм, а дуализм*. Разные социальные группы не были расположены отдельно и раздельно, не являлись рядом независимых и более или менее равнозначных сил. Они складывались в два обширных и мощных *комплекса*, в каждом из которых была одна главная, определяющая сила, один организующий центр, вокруг которых ютились остальные вторичные силы. *Россия сложалась из*

---

*) Смотри №№ 3, 4, 5 "Воли России".

двух социальных интегралов чрезвычайной мощности на двух стержнях: самодержавия и крестьянства*).

И это были два в корне различных социальных мира.

Самодержавное государство было тем стволем, к которому тянулись, на который опирались все выплывавшие кверху социальные силы. Чиновничество прямо было его телом, его активным органом. Боярство — дворянство частью срослось с ним, частью тесно облегало его, как родственная авторитарная крепостническая стихия. Буржуазия тянулась к нему, вращалась вокруг него, как спутник, втянутый в его орбиту. Под его же сенью жили и возростали духовенство, зачатки интеллигенции и другие мелкие и отчасти безформенные или туманные группировки. И весь этот мощный социальный комплекс в *основных характеристных* его чертах можно определить, как *авторитарный и нетрудовой*. Самодержавие, стягивая под своим куполом нетрудовые верхи социальной пирамиды, представляло огромную авторитарную силу, которая принудительно формовала чужие целестремления по своим целестремлениям.

Крестьянство исторически явилось тем руслом, тем морем, в котором сосредоточилась основная трудовая масса населения России и которое притягивало к себе остальные родственные низовые социальные силы. Мещанство, ремесленничество, мелкая буржуазия, низшее духовенство и чиновничество и т. д. жили в неизбежном симбиозе с этой основной социальной стихией России. И этот социальный комплекс в основном был определен и скреплен двумя началами, прямо противоположными комплексу самодержавия: *началами труда и автономизма*. Это было царство трудового люда и трудового быта, которое стремилось *автономно осуществлять свои собственные целестремления и строило не через приказ, а через быт*, которое так или иначе *самоопределялось* чрез свою *самодеятельность*, чрез свои трудовые кооперативно - демократические организации.

Самодержавие и крестьянство вместе со своими спутниками и окружениями были в *существо* своем двумя прямо противоположными и враждебными социальными интегралами. Однако, пока они двигались в просторах России, пока вместе раздвигали эти просторы, существовал и между ними симбиоз и рядом с трениями и отталкиваниями, длилось известное сожительство и сот-

---

*) Самодержавие составляло чрезвычайно *сложную не только политическую, но и социальную силу*. Эту проблему особого рода я при данном масштабе исследования не мог включить в отдельное рассмотрение, а беру его здесь в самых *общих и общепринятых* чертах, причем преимущественно именно со стороны *социальной, а не политической*.

рудничество. Более того, в самом освобождении крестьян самодержавие, казалось, спустилось вниз, приблизилось к крестьянству. Но это было только случайным зигзагом. В теснинах великого открывшагося исторического поворота уже не могли пройти рядом две в корне враждебных социальных системы — авторитаризма и автономизма. На этом распутье эти два вида целестремлений, эти два социальных строя неизбежно раскалывались и сталкивались между собой. И этот раскол и это столкновение двух основных исторических сил России составили главное содержание всей пореформенной эволюции России.

Эта полувековая история новой пореформенной России, — с 1861 года и до наших дней, — переполнена массой событий, переживаний и изменений и представляет огромное содержание и огромный интерес, как по драматичности, так и по разительной закономерности свершавшейся и все ускорявшейся социальной эволюции. К сожалению она пока совершенно не осмыслена нами обобщающе, *синтетически*. Здесь я могу синтезировать ее лишь в форме голого *хронологического перечня событий и изменений*, в которых свершалось развитие и перегруппирование социальных сил и сложение нового социального строя России. Этого, впрочем, будет достаточно, чтобы ясно увидеть, как десятилетие за десятилетием раскрывались и как расходились пути двух великих исторических социальных систем, слагавшихся во круг самодержавия и крестьянства*).

1) *Шестидесятые годы. "Эпоха великих реформ"*. Освобождение крепостных крестьян, новое устройство крестьян государственных и т. д. Новые либеральные законы о печати, об университетах, о суде, о городском и земском самоуправлении, о воинской повинности. Первые революционные проявления: волнения студентов, польское восстание, первые социально - революционные кружки, выстрел Каракозова, кружок Нечаева и т. д. Первые акты правительственной реакции — в Польше и в России. Интеллигенция, — как идеологическая и отчасти как культурная и трудовая группа, — выступает в борьбу против самодержавия за демократию и социализм.

Семидесятые годы. Первые распутья. Поворот самодержавия от крестьянской к буржуазной политике. Насаждение и рост капитализма, индустрии, транспорта, городов, буржуазии. Быстрое оскудение дворянства. Упадок крестьянства под давлением налогов. Широкое развитие отхожих промыслов в крестьян-

---

*) В представляемом перечне я для логической ясности не держусь чисто погодного перечисления и иногда допускаю и неточности по десятилетиям (на 1-2-3 года), упоминая, например, военную реформу под 60-ми годами и т. п.

яньстве. Усиление городских влияний и отмирание патриархально - крепостных форм в крестьянском быту. Первые зачатки новых крестьянских инициатив в хозяйстве, в общине, в культуре. Народническое движение в интеллигенции: беллетристы - народники, передвижники, журналистика, начало земской статистики, культурническое и революционное "хождение в народ". Начало деятельности земства. "Бездействие власти". Репрессия самодержавия против революционной интеллигенции. Славянский вопрос, русско - турецкая война, после - военное похмелье. Начало революционного террора.

Восьмидесятые годы. Перелом: кризис самодержавия и начало "активности крестьянства". Народническая пропаганда сменяется террористической борьбой народovolьцев. 1 марта 1881 года Александр II, уже подготовлявший конституцию, убит. С 1881 года начинаются массовые первые самопроизвольные переделы земли в общинах и массовое "самовольное" (вопреки закону) переселение крестьян в Сибирь. Реакция Александра III. Законы против самовольных семейных разделов, самовольных переселений и самовольных общинных переделов и введение земских начальников. Продолжение и усиление вопреки этому "самовольной" самодеятельности крестьян, особенно в общине. Начало роста продуктивности и вообще прогресса в крестьянском хозяйстве. Продолжение дворянского оскудения. Развитие культурной деятельности земства. Рост городов и капиталистической индустрии. Начало пролетарского (стачечного) движения. Упадок разгромленной интеллигенции, толстовское "неделание" и культурнические "малые дела", рядом с первым пробужденным крестьянской активностью и началом раскола между крестьянством и самодержавием.

Девяностые годы. Назревание общего социального и политического кризиса. Продолжение реакции Александра III. Непроизвольное ее обесиление в руках Николая II. Дальнейшее развитие крестьянского "самовольства" и "крестьянской активности": расширение и углубление общинно - переделной самодеятельности, улучшение деятельности мирских сходо, появление на них молодого после - крепостного поколения и "вольнодумных" элементов. Начало энергичного массового прогресса крестьянского хозяйства (машинизация, травосеяния и т. д.). Продолжение отмирания дворянского и вообще крупного землевладения. Ускоряющееся развитие земством народного образования, агрономии и т. д. Дальнейший рост городов, индустрии, буржуазии. Быстрое развитие пролетарского движения и его революционизация. Поворот интеллигенции от народничества к марксизму (и отчасти к эстетическо - философско - религиозным "исканиям"). На рубеже 20-го века *фактически* самоопределились как трудовые группы и противопоставились самодержавию не толь-

ко трудовая интеллигенция, но и пролетариат и крестьянство, -- последние пока еще мало сознательно.

Первое десятилетие двадцатого века. Японская война и первая революция. На рубеже двадцатого века начинается общее революционное движение — интеллигентское, рабочее, крестьянское, организовано — партийное. Японская война резко ускоряет размах революции. Первые уступки самодержавия. Террористические удары, широкое крестьянское революционное движение, всеобщая забастовка приводят к учреждению полусовещательной государственной Думы. В крестьянских движениях, в выборах в Думу, в наказах депутатам крестьянство выявляет определенную классовую программу "Земля и Воля": демократизации государства и обобществления всей земли на уравнильно-трудовых основах. Контр — революция в лице Столыпина созывает власти — послушную Думу и делает "осью внутренней политики" борьбу против общины, как очага крестьянской классовой революционной демократии. Выходы из общины сначала сильны, но быстро сокращаются, а потом почти прекращаются. Несмотря на разрухи революции и контр — революции, крестьянское хозяйство в это десятилетие чрезвычайно развилось и покрылось мощною сетью меновой кооперации. Крестьянство прошло большой путь культурного и бытового самостоятельного развития. Большие шаги сделала земская культурная работа. Отмирание крупного землевладения резко ускорилось. Рост индустриально — городского капитализма продолжался. Пролетариат окончательно окрасился социалистическими тенденциями. Интеллигенция пережила яркое, но краткое возрождение, не успев духовно и материально связаться с крестьянством. Первая революция была не поражением, но частичной победой трудовой демократии, в частности крестьянства: самодержавие было так тяжело ранено, что дольше жить не могло.

Второе десятилетие 20-го века. Мировая война и вторая революция. Накануне мировой войны Россия стояла перед вторым — более успешным натиском трудовой демократии. Она переживала могучий экономический и культурный подъем. Часть интеллигенции и крестьянства — в контраст японской войне — первоначально горячо откликнулись на высшие целестремления — «самоопределения народов», — проявившиеся в демократиях в мировой войне. Крестьянство развило огромную общинно — кооперативно — мирскую самостоятельность и удержало хозяйство почти на прежнем уровне, несмотря на призыв в солдаты 15 миллионов работников. Самодержавие пришло к совершенному разложению и было свергнуто импровизованным напором народных масс (без участия партий) почти без сопротивления. Народные массы в 1917 году фактически предоставили интеллигенции мо-

ральную диктатуру. Она не организовала сильной власти и не создала немедленно учредительного собрания. Несмотря на это, почти все крестьянство и половина пролетариата продолжали стоять за демократию. Но большевицкая организация захватила власть с помощью деклассированной солдатчины. Она предоставила крестьянству произвести всеобщий передел земель, что крестьянство и сделало на основе вполне восстановившейся общины. Потом большевицкая социализация разгромила сначала индустрию и города, а затем деревню и крестьянство. Катастрофа закончилась гибелью миллионов крестьян от голода. С прекращением "военного коммунизма" началось физическое восстановление России. В момент, когда дописываются эти строки, большевицкая диктатура разлагается и перед ней лицом к лицу встает растущая «крестьянская активность», начинающая новую борьбу за демократию.

В начерченной обнаженной цепи событий с чрезвычайной выпуклостью и логичностью развертываются три нерасторжимо связанных процесса: 1) ослабление и отмирание самодержавия, 2) усиление и восхождение крестьянства, 3) расхождение, противопоставление и столкновение этих двух исторических социальных сил России.

Уже отмена крепостного строя предопределила отмирание самодержавия, ибо авторитаризм сверху, лишившись корней авторитаризма внизу, лишившись самой его психологической атмосферы, оказывался обессиленным и не мог долго держаться. Затем, самый авторитаризм самодержавия в пореформенный период роковым образом слабеет количественно и падает качественно. Введение некоторых гражданских вольностей заметно сузilo круг и силу его действия, а передача лучших созидательных социальных функций автономным общественным организациям, — суду присяжных, земству, крестьянскому бытовому самоуправлению и кооператизму, — сделало роль самодержавия преимущественно полицейской, вообще преимущественно отрицательной и однозной.

С другой стороны, глубоко ослабело и понизилось качественно и окружение самодержавия. От него отпала, против него восстала интеллигенция — цвет талантов и духовных сил страны. С ним связалась им же паразитически вскормленная plutократия, лишенная корней и поддержки в народе. И его — поистине, "как веревка повешенного" — поддерживала и тянула в пропасть отмиравшая реакционная часть дворянства. Под конец оставался голый скелет авторитаризма, неспособный даже и к первой и последней своей функции — к внешней военной борьбе — и он рухнул и рассыпался без сопротивления под ударами военного разгрома и народного восстания.

Рядом с этим легко видимым верховым процессом распада-

ния и падения купола самодержавия, шел с не меньшей правильностью, но пока нами почти не увиденный и не осознанный процесс внутренний, низовой — процесс материального и духовного взростания крестьянства. Оно с каждым десятилетием все быстрее, решительнее и сознательнее продвигалось к своему историческому целестремлению: к “земле и воле”. Быстро растущая масса крестьянства осваивала все новые земли, сначала далекие, пустые, потом соседние помещичья. Производительность и вообще прогресс крестьянского хозяйства поднимались, несмотря на огромные препятствия, все быстрее. Западная наука и техника разливались в крестьянстве все шире, все глубже, все быстрее, дух критико - активизма ферментировал его все сильнее. На духовных верхах крестьянства скоплялись сливки собственной крестьянской интеллигенции.

И вся эта “крестьянская активность”, все это социальное строительство совершалось “самовольно” и “скопом”. Иначе говоря, в самом его процессе разворачивались и укреплялись автономные бытовые организации крестьянства и постепенно создавалось мощное построение кооперативно - общинно - мирского автономизма. Крестьянский автономизм в пореформенный период настолько же сильно количественно и качественно рос, насколько быстро распадался авторитаризм самодержавия. И потенциальная сила крестьянства, как некоторой формирующей и стилизующей социальной среды, поднималась еще больше от возростания его спутников и союзников по материальным и духовным целестремлениям: трудовой интеллигенции и пролетариата.

Некогда связанные исторически, в пореформенный период самодержавие и крестьянство неминуемо должны были, — как сила отмирающая и как сила возростающая, расколотся и столкнуться. Этот исход был логически неизбежен. Он был чрезвычайно ускорен и обострен поведением самодержавия и действиями интеллигенции. Самодержавие, завершив “великие реформы”, отвернулось от деревни, увлеклось индустрией, городом, буржуазией и не давало крестьянству никаких положительных хозяйственных и культурных благ, — их либо давало земство, либо само добывало крестьянство. — и крестьянин перестал видеть что - либо положительное от власти. Интеллигенция в своем революционном натиске 70-х и 80-х годов сделала еще больше: не добившись от самодержавия уступок, поворота к демократии, она загнала его в глухой тупик общей и безвыходной реакции и тем самым — фактически не думая о том — “приблизила власть к народу” и повернула ее самой одиозной и нестерпимой стороной и прямо столкнула ее с крестьянством. Мужик на деле быстро и ясно увидел, что от царя ему не может быть ни земли, ни воли, что доживающий царский авторитаризм — главный враг разрывающегося крестьянского автономизма.

Когда же крестьянство встало против самодержавия, то исход был прост и скор: чрез полвека после крепостничества пало и самодержавие.

Таким образом в результате пореформенной эволюции и двух революций социальное сложение новой России представляется глубоко перерожденным.

Теперь, когда самодержавие ушло со сцены истории, а крестьянство выступило на самую ее авансцену, исчезает былой исторический "социальный дуализм" России. Пред нами уже нет двух великих противостоящих социальных интегралов. Один из них, организующим центром которого было самодержавие, распался. Исчез сам центр, исчез и главный спутник, повлекший его за собою в могилу — дворянство. На месте этого мощного, многовекового социального конгломерата осталась лишь один его вторичный позднейший элемент: осталась только что в пореформенный же период порожденная им же буржуазия, полу - разбитая, полу - искаженная большевизмом.

Конечно, нельзя сказать, чтобы от авторитарного нетрудового социального комплекса осталось совсем пустое место. Некоторые буржуазные элементы сохраняются, и вряд - ли буржуазия в России уже "отцвела, не успевши расцвести". Помимо государственного *авторитаризма* буржуазно - капиталистический строй выдвигается *автоматическими* социальными процессами, — *естественным отбором хозяйства, свободной конкуренцией*, — в которых он побеждает своими культурно - техническими достижениями. Но *выступает новый автоматический отбор, наступает вторая волна свободной конкуренции*, в которой — чрез кооперацию — овладевают культурно - техническими целесообразностями *труд и талант* и, которая ведет к перерождению буржуазного строя в трудовой.

И именно в России, в нашем крестьянском автономизме уже заложились эти трудовые организации чрезвычайной силы. Поэтому, можно допустить взростание буржуазии в России, как некоторого социального отростка, охватывающего некоторые социально - экономические области вне деревни, но уже вероятно в ином внутреннем сложении, в ином соотношении капитала, таланта и труда, чем раньше. И никак нельзя ожидать гегемонии буржуазии, нельзя ожидать, чтобы она — как бы взамен самодержавия — стала новым организующим центром новой социальной системы.

Во всяком случае, в данный момент, в результате пореформенной эволюции и двух революций, пред нами на поле истории оказывается вместо двух противопоставленных социальных систем, лишь одна система. Поле это занято крестьянством и двумя его естественными союзниками — трудовую интеллигенцией и пролетариатом. В момент, когда дописываются эти строки,

еще царствует нанесенный вихрем войны временный суррогат авторитаризма - большевизм — и механически раскалывает, разобщает эти три элемента трудового социального комплекса. Но эта случайная социальная накипь уже трещит и лопается напором мощно расступающейся "активности крестьянства".

И как только она распадется, на исторической арене России откроется — вместо прежнего "социального дуализма" — некоторый внутренне - единый социальный комплекс, некоторый *трудоустройственный интеграл с крестьянством, как формулирующим и стилизирующим ствол*. Конечно, роль двух других ответвлений, — пролетариата и трудовой интеллигенции — будет тоже весьма значительной, но вся социальная система получит социальный стиль, сложившийся в крестьянстве новой России: стиль *трудоустройственного - демократического автономизма*. И этим массивом автономизма, этим великим социально - трудовым континентом определяются и определяются главные основы всего социального новой России.

XII ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Если объединить, сопоставить и осмыслить цепь установленных выше фактов, то ими частью положительно устанавливаются, частью более или менее твердо намечаются многие и весьма важные положения, как теоретического, так и практического характера. Этот краткий, суммарный очерк я могу, однако, закончить лишь следующими самыми главными и притом преимущественно теоретическими тезисами.

1. *В существе своем социальный строй России является сравнительно однородным.* Однородность эта сложилась в особой географической среде и в своеобразной истории России. В ряде веков верхние социальные слои, — феодальные и буржуазные, — сдавливались и обесспивались другими социальными силами и процессами и составили сравнительно узкие и поверхностные наслойки. В пореформенный период социальная структура России осложнилась образованием буржуазии, пролетариата, трудовой интеллигенции, но, упростилась отмиранием дворянства и вообще крупного землевладения и экономической, и культурной "нивелировкой" основной массы населения — крестьянства. Вторая революция окончательно смела остатки феодальных и землевладельческих групп и глубоко подорвала едва слагавшиеся буржуазные новообразования. И социальный строй России кристаллизуется гораздо более однородным, чем социальный строй Запада.

2. *Социальный строй России является по преимуществу трудовым.* Россия социально сравнительно однородна потому, что в ней всегда были сокращены и слабы высшие феодально -

буржуазные слои. Теперь верхние нетрудовые этажи социальной пирамиды опустели еще более. Наоборот, трудовые низы велики и сильны, как нигде, ибо кроме пролетариата сложились два класса: огромный, самостоятельный класс крестьянства и весьма активная и творческая группа трудовой интеллигенции. Обладая, таким образом, резко «усеченным» нетрудовым верхом, социальная пирамида России имеет центр социального равновесия скорее в трудовых слоях, и исключает «гегемонию» нетрудовых верхов. В общем, социальный строй России должно охарактеризовать, скорее как «трудовой», чем как «буржуазный».

3. *Социальный строй России имеет характер «руральный».* Так как в России земледелие преобладает над индустрией, крестьянство — над остальными классами и деревня над городом, то в общем вся страна имеет «руральный» тип. Так как крестьянство всегда социально - экономически преобладало и в деревне, так как в пореформенной эволюции и в двух революциях оно быстро вытесняло из деревни и капиталистическое — крупное землевладельческое — производство, и капиталистический обмен — заменяя его меновой кооперацией, — то Россия является страной *сельско - трудовой*. В силу этого нетрудовые социальные силы сосредоточивались почти всецело на островах городов, и в город же переносилась, в городе локализовалась прямая классовая борьба между капиталом и трудом. Поэтому, в противовес Западу, где капитал и труд существуют и борются и в городе, и в деревне — в России произошла и происходит социальная поляризация: в городе — по преимуществу капитал и классовая борьба, в деревне — труд и трудовое сотрудничество. Поэтому основная социальная борьба, в России принимает преимущественно культурный характер и сосредоточивается в социально - культурном контрасте между городом и деревней, как между двумя сложными социально - культурными комплексами, как между двумя социально - бытовыми типами культуры.

4. *Социальный строй России существенно отличается от социальных структур западных стран.* Как сами страны Западной Европы значительно различаются между собой своими социальными структурами, как все они еще более отличаются от социального уклада Америки, так еще глубже отличия их от социального строя России. Социальная структура Западной Европы сложена из трех элементов: она буржуазная с сильными еще пережитками феодализма и с мощными уже проростаниями строя трудового. Социальное сложение Америки проще: оно двухэлементное: буржуазно - трудовое, причем капитал гегемонирует над трудом. Также двух - элементен и социальный строй России, но в ней трудовые силы преобладают над буржуазными. Близкий русскому типу социального уклада мы находим на Востоке: в Китае, который также является страной крестьянства.

Россия своеобразным образом соединяет в себе характерные социальные черты Америки и Китая. Это, конечно, не случайное совпадение, а закономерный результат того, что Россия и географически, и исторически сочетает в себе различные элементы Европы и Азии.

5. *Социальный строй России преобразуется в том же направлении, как Западный, но идет иными путями.* Социальный уклад России эволюционирует, как и строй Запада, в направлении к "трудовой демократии": к все большей власти труда, — а также таланта, — к установлению не только политической, но и социально - экономической и культурно - бытовой демократии. Но феодальной - буржуазный Запад движется в этом направлении чрез глубокую и трагическую борьбу социальных контрастов, преимущественно чрез единоборство между капиталом и трудом. Эта борьба в своем социальном существе революционна и может идти и пройти эволюционно только благодаря уже завоеванному руслу политической демократии. Россия, имея в прошлом сравнительно слабые социальные контрасты и уже во многом преодолев их, будучи уже теперь в основной своей структуре однородной и трудовой, совершает дальнейшую "лаборизацию" не столько чрез негативную борьбу враждебных классов, сколько чрез сотрудничество, чрез *прямое, положительное социальное строительство* тройственного трудового союза, особенно трудовой интеллигенции и крестьянства. Таким образом, в противоположность Западу *социально Россия эволюционна*. В России, именно потому, что в ней существо демократии сложилось раньше формы, что экономическая — кооперативная — демократия выросла раньше политической, — *революция — по крайней мере отныне — является не социальной, а политической*, ее центр не в борьбе между трудом и капиталом, а в единоборстве между деспотией и народовластием. С окончанием этой последней борьбы, с победой демократии, Россия всецело и во всех смыслах вступит из фазиса революции в фазис эволюции.

К. Кочаровский.

„Переделка“ России.

На XIV съезде РКП были торжественно провозглашены два догмата, легшие в основу новейшего вероучения нэповского большевизма. Они гласили, что можно строить социализм в одной стране, независимо от того, придет ли или нет желанная невеста коммунизма — мировая революция и что путем для его осуществления является индустриализация.

Эта программа обозначает не что иное, как коренную “переделку” России, превращение ее мерами большевистской власти из страны сугубо - аграрной в страну сугубо индустриальную, через расширение госпромышленности, получающей перевес над всеми остальными отраслями национального производства. Как еще раз совсем недавно разъяснил Сталин: “Промышленность есть начало, основа и конец социализма”. И раз люди берутся строить социализм в земледельческой России, то, следовательно, надо ее индустриализировать, переделать в корне всю ее хозяйственную структуру. Программа индустриализации, как компетентно разъяснили еще на съезде ее авторы, предполагает употребление главной массы добываемых советским государством из страны ресурсов на развитие промышленности, причем земледелие, из которого эти ресурсы то как раз и должны выкачиваться, предоставляется собственной судьбе. Она предполагает также строгое ограничение иностранного ввоза только тем, что необходимо для промышленного строительства, и безжалостное игнорирование самых неотложных потребностей и нужды населения: словом, “вместо ориентации на с.х. хозяйство, курс на индустриализацию”.

Еще до XIV съезда, в предвидении его заранее обеспеченных решений, были выработаны планы широкого приступа к осуществлению этой программы и даже начали уже проводиться в жизнь. В них входило широкое и быстрым темпом совершающееся развертывание промышленности, постройка большого числа новых заводов и фабрик, переоборудование старых, ввоз из-за границы громадного количества машин и орудий, вспомогательных материалов и промыслового сырья. Уже закипела работа в стране, уже начались строительные работы в ожидании должествующего прибыть из-за границы оборудования, уже были привлечены в города массы новых рабочих. Казалось, что индустриализация России начинается всерьез и как будто уже слышались удары молотов, кующих железо и сталь для замены дерева и соломы в убогом - деревенском российском хозяйстве. Но едва кончился столь шумевший съезд компартии, как уже начался в стране экономический кризис, быстро принявший жестокий характер. Заводы не получили обещанных машин, создались неимоверные трудности для оплаты увеличившейся массы рабочих; рядом с этим обнаружился совершенно непредвиденный "планами" острый недостаток сырья и топлива для работающей в еще "неразвернутом" виде промышленности и червонец быстро полетел вниз, создав угрозу краха над всей системой советской экономики.

Капитану советского корабля, столь легкомысленно приказавшему довести пары до высшего давления, не справившись о количестве имеющихся запасов угля, пришлось торопливо просигнализировать в машину "ход назад". "Взяв неверный темп экономического развития, дипломатично пишет советский экономист В. Милютин в "Правде", мы чуть было не наскочили на всех парях на экономический кризис".

И вместо широкого "развертывания" началось быстрое свертывание. Планы строительные и иные были немедленно сокращены, капитальные работы, на которые зря ухлопали средства, взятые из оборотных фондов, приостановлены, вызвав новый рост безработицы, а ряд отделов или даже фабрик и заводов, благополучно работавших до "развертывания", пришлось закрыть. План импорта, на котором базировались все индустриализаторские мероприятия с миллиарда был "свер-

нут“ до 500, а потом и вовсе до 280 мил. руб. Но и из этой суммы лишь часть пойдет для промышленности, ибо товарный голод в стране еще более обострился и, в нарушение основного принципа большевистской индустриализации, власть оказалась вынужденной разрешить ввоз из за границы предметов широкого потребления.

Так неожиданно кончился первый шаг на пути индустриализации России, велеречиво возвещенного Сталиным среди всеобщего коммунистического ликования на XIV съезде. Вместо движения вперед получилась откатка назад, вместо расширения новое сокращение.

А пленум большевистского Ц.К., созванный для того, чтобы “дать развернутое объяснение решению XIV-го съезда об индустриализации,“ в своей резолюции настолько это объяснение «развернул», что решения съезда оказались как бы перевернутыми. Из нее мы узнаем, в полном противоречии с оптимизмом съездовских ораторов, что — “страна вступила в длительный период несоответствия продукции промышленности производственному и потребительскому спросу,..... результатом чего явился обостренный товарный голод на промышленные изделия“.

Мы узнаем также, что “индустриализация страны и увеличение товарной массы промышленных изделий при достигнутом уровне развития промышленности наталкивается в настоящий период на специфические трудности“. Мы узнаем еще, что «сокращение импортного и кредитного планов привело к необходимости пересмотра и планов развертывания промышленности для приведения их в соответствие с государственными ресурсами“.

И на ряду с этими запоздало открытыми истинами, которые почему-то “проницательным“, на аршин под землей все видящим “вождям республики“ не были известны раньше, два тезиса, две “ереси“ с точки зрения той теории неукоснительной индустриализации, которую Сталин с таким пафосом развивал на съезде. А именно, что необходимо ввозить из за-границы, помимо оборудования, сырья и полуфабрикатов, еще и сельско - хозяйственные орудия для земледелия и что промышленность сможет преодолеть трудности своего дальнейшего развития, если будет обеспечено и дальнейшее развитие сельского хозяйства.

Значит, нельзя уже посвящать все добываемые из страны ресурсы только на расширение промышленности, как этого требовал Сталин в своей съездовской речи, и, значит, нельзя представлять земледелия своей собственной судьбе в расчете на то, что в виду его "низкого органического строения" оно может в течение еще длительного периода развивать свои производительные силы без повышения своего нынешнего технического уровня.

Большевики умеют быстро забывать свои вчерашние утверждения, когда жизнь дает им наглядный урок. Но иного обучения, кроме как наглядного, их ум, увы, не воспринимает.

Что же, однако, случилось? Почему всего несколько месяцев назад выработывались и *проводились* широкие планы развертывания, а теперь приходится уже объяснить отказ от них причинами, которые существовали и тогда, когда планы составлялись? Случилось то, что всегда случается с большевиками: очередное прозрение находит на них лишь после очередного удара лбом о стену.

Большевицкая пресса и патентованные ораторы компартии на перебой стараются объяснить случившееся "недоразумение". Конечно, и на этот раз во всем виноват "просчет".

"Затраты средств, которые не отвечали имеющимся у нас запасам, пишет, например, Милютин, планы которые превышали действительность, именно эти причины чуть было не привели к экономическому кризису и только во время принятые меры во втором квартале по приведению наших затрат наших планов к реальным отношениям и ресурсам дали возможность избежать этого кризиса".

Милютин не объясняет только, однако, почему затраты и планы не были приведены к реальным отношениям и ресурсам до попытки, чуть ли не кончившейся катастрофой, их применения. Но еще более откровенное объяснение мы находим в речи самого председателя совнаркома Рыкова, произнесенной на собрании коммунистов - хозяйственников.

"Помнится Владимир Ильич, развязно разоблачал себя и своих коллег сановный оратор, при анализе одного из острейших топливных кризисов начала нэпа, прямо говорил о том, что суть наших ошибок тогда заключалась в том, что мы хотели

прыгнуть на две ступеньки, имея возможность прыгнуть на одну. Мы ту же ошибку допустили и в настоящее время при составлении преувеличенного экспортно - импортного плана, хлебозаготовительного, переоценив наши эмиссионные возможности... Сделали ту самую ошибку, о которой в свое время, при других обстоятельствах говорил Ильич“.

Эта ”ошибка“ вызвана, однако, той же роковой причиной, которая определила неудачу всех прежних большевистских прыжков по ступенькам: они и на этот раз, как и всегда, ослепленные мнимым всемогуществом своей диктаторской власти, решали без настоящего хозяина.

Все их планы широкого развертывания промышленности основывались на расчете ввести из за-границы почти на миллиард машин и полуфабрикатов, путем реализации на мировом рынке предназначенных на бумаге для вывоза громадных количеств русского хлеба. С этим связана была также и усиленная денежная эмиссия, чуть не приведшая к краху червонца. Но упрямое крестьянство, ”не понимающее своей выгоды“, снова — в который уже раз — разрушило хлебозаготовительные планы большевиков. Преувеличение экспортных перспектив — надежда, что мужик на этот раз хлеб даст и привело к преувеличению импортного плана и к ”переоценке наших эмиссионных возможностей“. Крестьянское хозяйство, как поздно догадался Рыков, обнаруживает способность, «то выбрасывать хлеб на рынок, то задерживать его предложение», совершенно не считаясь с экспортно - импортными намерениями большевистских диктаторов. Вот эта способность крестьянского хозяйства, понял теперь также Рыков, ”способность замыкаться в своей скорлупе, в случае невыгодной для него рыночной конъюнктуры в значительной мере предопределяла до сих пор многие наши неудачи“.

Крестьянство способно замыкаться в своей скорлупе в случае невыгодной для него рыночной конъюнктуры, а большевики *не способны* выгодную рыночную конъюнктуру для него создать. В этом ключ ко всей загадке. Ларчик открывается до нельзя просто.

Редактор “Экономической Жизни“, Крумин, пытающийся доказать ”рассудку вопреки“, что сокращение промышленных

планов как раз то и диктуется интересами индустриализации, в конце концов, все же вынужден признать факт отступления. "Мы отступаем потому, что в результате переоценки ресурсов основа экономики — смычка с деревней — понесла ущерб". Далее тот же Крумин меланхолически заявляет: "Гвоздь заключается в том, чтобы сочетать курс на индустриализацию с крестьянской лошадкой". Да, все дело именно в этой самой крестьянской лошадке и все дело также в том, что большевикам никак не удается сочетать с ней своих "курсов". И это вовсе не потому, что "лошадка" слабосильна и вести не может, — сил надо полагать у нее еще хватит. Она лишь подчиняется своему глубокому жизненному инстинкту, упорно сворачивая с тех путей, диктуемых бессмысленными утопиями, по которым стремятся гнать ее большевистские властители. В этом секрет несочетания курсов с лошадкой с самого начала коммунистических экспериментов в России, в этом и секрет их провала.

Крах первого опыта приступа к индустриализации поэтому высоко знаменателен и является симптомом большого политического значения.

Не надо забывать, что индустриализация сейчас последняя ставка большевиков, в игре которых уже не осталось козырей.

Все несчастье большевиков и все трагические нелепости их властвования проистекают от того, что они вознамерились создать социализм в сплошь почти крестьянской стране, рассматривая в то же время крестьянство — неистребимое влияние ортодоксально - марксистского происхождения — как класс по природе своей антисоциалистический. Если бы они смотрели на крестьянство иначе, то и это, конечно, не оправдывало бы замыслов немедленного социалистического строительства; но тогда отпала бы диктатура и мог бы стоять лишь вопрос о создании переходного трудового строя. Ленин же, провозглашая своей немедленный социализм, исходил не из исторических возможностей России и не из учета соотношения ее внутренних социальных сил, а исключительно основываясь на своей вере в неизбежность мирового революционного взрыва.

В этом с самого начала уже было глубочайшее и непримиримое противоречие, чреватое роковыми последствиями для судьбы революции и народных масс.

В первый период непосредственно после "Октября", когда ожидалось пришествие мировой революции чуть ли не в ближайшие месяцы, оно разрешалось большевиками просто: осуществлять немедленный социализм пока крестьянство занято своей земельной революцией, а затем придет помощь "революционных рабочих армий" с Запада.

Но когда надежды на "западных братьев" не оправдались, а большевики, коммунизируя города — острова среди крестьянского океана, — очутились лицом к лицу с стомиллионным "мелко - буржуазным" крестьянством, уже покончившим с помещиками и с нетрудовым землевладением, пришлось придумать иной выход.

Тогда то Ленин и выдвинул свою знаменитую теорию *переделки* крестьянства, которая до сих пор, несмотря на меняющиеся формы большевистской политики и при всей глубокой смене условий и обстоятельств, остается ее путеводной нитью.

Особенно ярко и с совершенно циничной откровенностью, без каких либо прикрас, эта теория "переделки" мужика сформулирована была Лениным в его книге "Детские болезни левизны" (он формулировал ее и раньше в речах и статьях).

"Уничтожить классы, писал Ленин, значит — не просто прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали, — это значит также — *уничтожить мелких производителей* (т. е. крестьянство. Е. С.). А их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно и должно *переделать*, перевоспитать.... Они окружают пролетариат со всех сторон мелко - буржуазной стихией, пропитывают его ею, *развращают его* ею, вызывая постоянно внутри пролетариата рецидивы мелко - буржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма.

Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а в этом его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно."

В этой цитате органическая ненависть к крестьянству ос-

повоположника большевизма, (а это не просто индивидуальное настроение Ленина) дает себе полную волю.

В другом месте все же по тому же вопросу Ленин писал в тонах, пожалуй, еще более откровенных. "Надо долго и с большим трудом и *большими лишениями* его (крестьянство) переделывать... От нас, от руководящей партии, зависит, *сколько бедствий падет на пролетариат и сколько на крестьянство.*"

Ленин вовсе не скрывал, что переделка крестьянства сопряжена с бедствиями не только для переделываемого, но и для пролетариата. Вся задача для него была только в том, чтобы сумма этих неизбежных бедствий пала в большей мере на первого и в меньшей на второго. Известно, как большевики "переделывали" крестьянство. Сначала это были насильственные реквизиции, комбеды и "бедняцкая диктатура в деревне" для "насильственного разрушения хозяйственной мощи деревенских верхов и принудительного отчуждения хлебных излишков", — как изящно выражается пресловутый Ларин в своей книге "Советская деревня". Затем, когда крестьянство было уже достаточно разорено реквизициями и "бедняцкой диктатурой" и никаких излишков из нее выкачивать уже нельзя было по причине их отсутствия "реквизиционное изъятие" заменяется системой, не менее знаменитой, продрозверстки, что на большевистском языке называлось "союзом с крестьянским середняком".

Этот союз выражался, однако, реально в паразитическом существовании разоренных коммунистическими опытами городов за счет закабаленного крестьянского труда. "Союз", вылившийся в такую форму, грозил неизбежно кончиться колоссальным взрывом и взлетом на воздух "всей системы", о чем во время напомнила кронштадтская канонада.

Система продрозверстки, объясняет теперь уже упомянутый Ларин, могла бы держаться лишь в богатом социалистическом строе, «который был бы в силах широко снабжать деревню всем необходимым, путем организованного распределения. *Но у нас было достаточно планов, но весьма недостаточное предметов распределения...*» «Нашу бедность, почти в тоне щедринского персонажа поветствует автор, мы рассчитывали восполнить помощью имевшей победить (!) в Европе рабочей ре-

волюции. Но высоко поднявшаяся в 1918-20 г. г. в Европе волна рабочего движения к началу 1921 г. была разбита буржуазией».

И вот тогда наступил нэп. Нэп ослабил коммунистические цепи, сковывавшие мужика и в силу своей внутренней логики неизбежно должен был предопределить дальнейшее развитие в направлении их еще большего ослабления. Обретшее в значительной мере экономическую свободу, русское крестьянство вышло из пассивного состояния и стало все сильнее напирать на большевиков, заставляя их своим тяжким напором сдавать одну за другой коммунистические позиции и отступать все дальше и дальше от первоначальной "линии огня".

Таким образом, крестьянская стихия одним лишь давлением своего огромного хозяйственного удельного веса в стране перевернула вверх ногами пресловутую большевистскую диалектику. Вместо переделки крестьянства большевизмом совершенно неожиданно для коммунистических провидцев получилась *переделка большевизма крестьянством*.

Но отказались ли большевики, несмотря на все это,, от своей теории переделки крестьянства?

Нет, отнюдь не отказались и отказаться, конечно, не могут. Именно теперь, когда так сильно расшпрен нэп, когда сельское хозяйство восстанавливается, увеличивая силу экономического давления деревни на власть, а надежды на мировую революцию оставлены; им более чем когда либо необходимо тем или иным способом переделывать мужика, во имя спасения своего властвования. Иначе мужик, оставшись тем, чем он есть, их самих окончательно "переделает".

Вся разница теперешней позиции большевиков в крестьянском вопросе от прежней их позиции определяется только тем, что в результате испытанных ими "неприятностей" в предыдущих опытах "переделки" мужика и в виду изменения всей экономической обстановки в Советской России, они теперь уже не могут переделывать своего "союзника", такими способами, как раньше. Главной придуманной ими теперь для этого панацеей и является индустриализация. Раз начало, основа и конец социализма промышленность, — а Россия страна земледельческая, раз мелких "производителей" крестьян нельзя ни истре-

бить, ни прогнать, то надо превратить ее в страну индустриальную. Ясно и просто до гениальности.

В индустриализированной по шучьему велению России создастся многочисленный пролетариат, госпромышленность расширится до гигантских размеров, превратится в остов всей хозяйственной жизни, каким является теперь земледелие, она тем самым и будет предопределять все направление ее развития, вынуждая равняться по себе все прочие отрасли производства.

Вокруг нее, как вокруг своего рода центрального светила российской экономической системы станут вращаться втягиваемые в ее орбиту планеты этой системы. И в ее лице большевистская диктатура, опираясь к тому же на огромные выросшие пролетарские города, обретет могучий рычаг, которым она повернет крестьянство, хочет ли оно того или нет — на желательный ей путь и *заставит* его идти по этому пути.

В этом основная, направляющая идея новой папацеи — индустриализации, долженствующей на этот раз уже "без ошибки" основательно в корень переделать мужика и исторически оправдать властвование московского коммунизма, создавая вместе с тем для него более прочный базис.

Большевики, так много разглагольствующие теперь о своем крестьянофильстве и прославляющие "средняка", фактически вернулись к старому ортодоксально - марксистскому взгляду на крестьянство. Но в то время, как допотопные ортодоксы марксизма возлагали надежды на стихийную капитализацию, которая должна была переделать крестьянские массы — выварка в фабричном котле и т. п. — они — и в этом единственное их отличие — уверены, что *сами смогут вызвать и направлять* необходимые для такой переделки экономические процессы.

Вместо капитализации, определяемой хозяйственной стихией и развивающейся без плана, согласно своим внутренним законам, — вызываемая большевистскими заклинаниями и ими самодержавно регулируемая индустриализация. Разница только в этом. Но в отношении к крестьянству здесь разницы нет. Большевики от своей индустриализации ожидают того - же самого "благовторного" воздействия на него, какого ожидали от своей капитализации прежние марксисты.

Вот почему индустриализация получает для большевиков такое исключительное значение. И для них здесь важность вопроса, конечно, не в социализме самом по себе. Она в том, что *большевизму не может быть места в чисто крестьянской стране, уже проделавшей свою земельную революцию и где экономическому возрождению будет сопутствовать раньше всего возрастание хозяйственной мощи земледельческого населения.*

Индустриализация — последняя надежда большевиков разрешить грозящее им гибелью противоречие: прикрывающаяся пролетарским флагом деспотическая диктатура в необъятном мужицком царстве. Чтобы избежать грозных последствий этого противоречия, теперь, когда уже не приходится ждать скорой помощи социальной революции, а нэп развязал крестьянству руки и усиливает его экономический удельный вес, остается последнее средство — попытаться индустриализировать Россию, искусственно обходным путем взять в переделку упрямого мужика и одолеть его, если не мытьем, так катаньем.

Против индустриализации вообще, индустриализации нормальной возражать не приходится ни с какой точки зрения. Создание собственной городской индустрии в любой стране является делом полезным и выгодным для народа. Будучи результатом развития производительных сил, оно вместе с тем служит залогом более быстрого их роста, как и свидетельством возрастающей экономической зрелости. Целый ряд стран, ранее исключительно аграрных, теперь индустриализируются и это явление приняло особенно большие размеры как раз после войны.

Но всюду, где оно имеет место, оно совершается в формах естественных и нормальных. Промышленность создается в аграрных странах по мере того, как в результате сельскохозяйственного прогресса там накапливаются ресурсы для ее создания и ее рост зависит в общем от количества этих накапливаемых ресурсов.

И только тогда, когда земледелие достигает известного вы-

сокого уровня становится возможным на этой базе промышленное развитие с темпом более быстрым, чем в сельском хозяйстве. Но в начале же земледелие, в начале надо укреплять его, чтобы создалась возможность строительства промышленности. Это закон, которого не преjdeши и рассуждать иначе, значит, ставить плуг впереди быков. Но именно так и рассуждают большевики. Ибо для них необходимость индустриализации диктуется соображениями не экономики, а политики, которая должна влиять на первую и переделывать ее точно воск, согласно видам и интересам последней. Большевики не считаютя с нормами экономического развития, в уверенности своей, что неограниченная диктатура над страной достаточно сильное орудие, чтобы их изменять.

Для них речь идет не о расширении русской индустрии по мере прогресса русского земледелия и в соответствии с темп накоплениями, которые им нормально будут создаваться. Они пмеют в виду колоссальное развертывание госпромышленности, опережающее рост сельского хозяйства и подчиняющее его себе. Только такая индустриализация, предполагающая искусственные меры осуществления, насилие политики над экономикой и перевертывание тех начал, на которых построена здоровая хозяйственная жизнь, может их удовлетворить. Для них речь идет даже не о таком расширении, да и то возможное лишь при помощи иностранных займов, которое могло бы отвечать данным нуждам страны в промышленных изделиях. И они сами не скрывают того, что в этих планах играют роль мотивы, ничего общего не имеющие с интересами экономической целесообразности и народного хозяйства, как такового.

Развивая известные взгляды Сталина, А. Стецкий в «Правде» объясняет, с точки зрения каких задач необходимы именно такой, а не обычный темп индустриализации.

”Не всякое развитие промышленности и за пределы довоенного уровня является индустриализацией и достаточной с точки зрения задач социалистического строительства.

Не надо забывать, что на ряду с развитием промышленности у нас будет идти *рост сельского хозяйства*, — в котором господствует мелкое товарное производство, выделяющее элементы капитализма. Если при одновременном росте и сельского

хозяйства и промышленности первое будет расти быстрее, это будет означать не индустриализацию страны, а дальнейшую ее *аграризацию, усиление веса и значения сельского хозяйства*“. Но последнее, означающее усиление веса и значения крестьянства для большевизма самое страшное, оно для него — смерть, его, поэтому, и только поэтому, ни за что нельзя допустить. Значит необходима такая индустриализация, при которой устранялась бы возможность соответственного роста и сельского хозяйства, а вес и значение последнего в общей экономике страны *понижались бы*.

Тот же Стецкий формулирует программу так: "Индустриализация представляет собою такой тип хозяйственного развития, когда удельный вес промышленности в экономике страны повышается, когда расширяется сфера промышленного производства и все новые отрасли народного хозяйства в том числе и сельское хозяйство переводятся на рельсы машинной индустрии.»

Программа, что и говорить, — головокружительная. Весь вопрос только в том, как ее осуществить, "опираясь только на наши внутренние ресурсы", и как при попытке ее осуществления избежать противодействия крестьянства. Сами большевики, выученные греческим опытом, говорят, ведь, теперь, что индустриализацию нужно проводить «вместе с крестьянством», а не против него.

То, о чем мечтают большевики, есть превращение России в одну из самых передовых промышленных стран современности и превращение с темпом, независимым от ее данного хозяйственного состояния. Таких примеров, увы, история не знает.

Гигантская американская промышленность выросла на почве бурного развития американского же земледельца, — там ее рост не опередил сразу роста сельского хозяйства, а стал возможным только тогда, когда последнее достигло достаточно высокого уровня развития. Но такой порядок индустриализации большевистским планам не соответствует.

Великие индустриальные страны Европы тоже развивали свою промышленную мощь не по той схеме, которые чертят мо-

сковские архитекторы. Это, между прочим, знает и Сталин. Он знает, (смотри его речь активу Ленинградской организации), что Англия индустриализовалась благодаря захвату огромных колоний, откуда она выкачивала веками колоссальные капиталы, вкладывала их в свою промышленность, оплодотворяла ее ими и тем ускоряла темп своей индустриализации.

Сталину известно, также, что Германия ускорила свою индустриализацию благодаря пяти миллиардам контрибуции, взятой с французов после франко-прусской войны 1870 года. Сталин, наконец, понимает, что такие пути индустриализации для России закрыты. Но Сталин еще кой чего из этой области не знает.

И Англия и Германия могли создать и развивать мощную промышленность с огромным перевесом ее удельного веса над сельским хозяйством не только потому, что нашли во вне громадные ресурсы для вложения в нее, но еще и главным образом по той причине, что в смысле сбыта не зависели от своего внутреннего рынка. И английская и германская промышленность преимущественно расширялись благодаря экспорту, захвату важнейших торговых позиций в мире, находя покупателей для своих изделий под всеми долготами и широтами. Именно это позволило роскошь свести на второстепенное место земледелие, как в Германии, или вовсе свести его почти на нет, как в Англии. Но для этого нужны были не только капиталы и промышленный гений, который декретами тоже не создается, а еще кое что. Нужны были огромные торговые и военные флоты, а также и мировое могущество, опираясь на которое можно было захватить сферы влияния, делить земной шар на зоны, бороться за рынки и за свое "место под солнцем".

Россия, как бы ее не индустриализировать, еще долго не сможет рассчитывать на такое положение и развитие ее промышленности, независимо от капиталов, долго будет еще зависеть от внутреннего рынка, от покупательной способности ее населения, и, следовательно, в первую голову от роста ее сельского хозяйства. И перепрыгнуть через него значило бы просто прыгнуть в пропасть. Если бы даже каким нибудь чудом большевикам удалось добыть громадные ресурсы и употребить их на расширение индустриализации до пределов превышающих данный

уровень сельского хозяйства, то вместо индустриализации получился бы огромный крах, по той простой причине, что страна не могла бы поглотить несоответствующее ее платежным силам количество промышленных изделий.

В свое время самодержавие проделало такой опыт. В 90-х годах царское правительство принялось лихорадочно насаждать в России промышленность, употребляя на это иностранные займы и внутренние ресурсы и оставляя втуне сельское хозяйство, не заботясь о повышении покупательной способности деревни. Известно, каким тяжелым кризисом кончился этот опыт.

Проф Озеров, выдающийся экономист довоенного времени, очень красочно описал его в своей книге "Экономическая Россия и ее финансовая политика".

"Да, писал он, мы думали — возьмем из Европы пышную промышленную флору, перевезем ее к нам, насадим и все будет хорошо. Посадили а она плохо растет: колеса у машины не вертятся, домны не горят, раздувают их, колеса смазывают, дают субсидии на это — дорого все это стоит, но не идет заморская штука и остановил ее хитрый мужпчек, остановил, не выходя из своей избенки, оостановил эти громадные фабрики с десятками тысяч рабочих; не зимние вьюги остановили колеса и машины, не осенние дожди залили домны, нет — *малая емкость нашего внутреннего рынка*".

Но во всяком случае производить такого опыта большевикам не дано. Они не могут достать во вне крупных капиталов для проведения какой бы то ни было индустриализации, как не могут и рассчитывать на внешний рынок, если бы им удалось значительно расширить свою госпромышленность. При таких условиях последняя вдвойне приковывается к судьбе сельского хозяйства. Она, если даже отвлечься от специфических условий большевистского хозяйствования, способна развиваться лишь в меру роста первого, и уж никак не опережать его и тем менее перевесить его значение в экономике страны. Обратное было бы чудом, а чудес, к сожалению, теперь не бывает.

Все разглагольствования об индустриализации, о расширении промышленности до пределов, подчиняющих ей земледелие, втягиваемое в ее орбиту, по истине звучат каким то нестерпимым бахвальством, когда нельзя создать даже такой индуст-

стрии, которая в состоянии была бы удовлетворять данные нужды страны, когда царит все более обостряющийся товарный голод и нет возможности в соответствующей необходимости размерах обновить изношенное оборудование заводов и фабрик.

Наличные ресурсы страны не позволяют даже произвести неотложное переоборудование промышленности, — откуда же возьмутся миллиарды для проведения небывалой, неслыханной Сталинской индустриализации? Какой алхимик создаст из невесомого свинца большевистских фантазий нужные груды настоящего весомого золота?

По подсчетам самого госплана за пятилетие с 1925 - 26 по 1930 г. по одной госпромышленности необходимо произвести капитальных вложений на сумму почти в 5 миллиардов рублей, что обеспечит средний годовой прирост продукции за пятилетие в 15%, причем начиная с 1927 - 28 г. этот прирост будет составлять лишь 11%. Всего же капитальных затрат во всех отраслях народного хозяйства по тем же подсчетам необходимо произвести на 13,5 миллиардов рублей, а все вложения с пополнением оборотных фондов должны составить свыше 16 миллиардов.

Даже при затрате такой колоссальной суммы до той индустриализации, о которой мечтают большевики, будет еще весьма далеко. Но откуда возьмутся в течение одного пятилетия даже эти 16 миллиардов?

Московские индустриализаторы, как две капли воды похожие на бюрократических утопистов царского режима, утешают себя подобно своим предшественникам все той же надеждой на легендарную крепость мужицкой шкуры, — "ен достанет". Они носятся с "гениальным" открытием о том, что низкое органическое строение русского земледелия позволит ему в течение еще долгого периода развиваться без повышения его нынешнего технического уровня. Обходясь без притока капиталов, оно вместе с тем, согласно этим замечательным предположениям, будет давать все увеличивающийся доход, отчуждаемый для нужд индустриализации. Таким образом, ресурсы государства можно будет посвящать исключительно промышленности, в то время, как база ее — сельское хозяйство, — не получая от государства помощи и отдавая все свои излишки и накопления, тоже будет расти и процветать. Большевики, хотя

и живут в просвещенном XX веке и считают себя самыми передовыми людьми своего времени, как видим, твердо верят в чудеса или, в какое - то экономическое колдовство, могущее изменить естественные законы хозяйственного бытия. Если бы они в это не верили, то вероятно они стали бы вопреки очевидности, утверждать, что русское земледелие способно при данном его состоянии увеличивать свои производительные силы без вложения в него огромных капиталов, без улучшения его совершенно примитивной — более низкой чем в царское время — техники, без оплодотворения иссохшей почвы его могучей живой волной орудий и промышленных изделий.

Русское крестьянство поистине героическими усилиями, и, несмотря, на препоны большевизма, сумело в годы нэпа восстановить в значительной мере разрушенное земледельческое производство. Но сейчас оно дошло до предела, дальше которого двигаться собственными средствами ему уже чрезвычайно трудно. По официальным советским данным, сельское хозяйство в России довело свою продукцию до 90% довоенного уровня. Но, как выяснил никто иной, как сам Куйбышев на пленуме большевистского Ц. К., истинная картина земледельческой действительности отнюдь не такая розовая. Так, оказывается, что если взять отдельные отрасли сельского хозяйства, имеющие важное экспортное значение, то процент развития сельского хозяйства окажется гораздо ниже. Некоторые зерновые культуры, особенно яровая пшеница отстали от общего уровня значительно больше. А такие виды сельско - хозяйственной продукции, как яйца, кожевенное сырье и другое сырье животного происхождения достигают гораздо меньшего развития: 53½ от довоенного дает сырье животного происхождения, 78% кожевенное сырье и т. п.

”Мы имеем, заявил Куйбышев, определенное отставание отдельных отраслей сельского хозяйства“.

Но этого мало и основная суть проблемы в ином.

Если земледельческое производство в последние годы довольно быстро восстанавливалось, то главным образом потому, что сельское хозяйство развивалось экстенсивно, то есть за счет расширения посевной площади. Между тем, в настоящему времени, как это заявляет и Рыков, большая часть годных зе-

мель уже обрабатывается крестьянами и столь быстрого, как раньше, развития сельского хозяйства за счет расширения посевных площадей ждать уже не приходится. Теперь для дальнейшего роста земледелия необходима его *интенсификация*: в эту необходимость оно и упирается. Но о какой же интенсификации может быть сейчас речь, когда крестьянство насчитывает 40% безлошадных и очень незначительный процент хозяйств с двумя лошадьми? Как можно о ней даже говорить при преобладающем натуральном характере русского земледелия, получающем всего на всего — и какая это поистине страшная цифра — 25% всей нынешней промышленной продукция, еще весьма отстающей от довоенной. Не надо ведь еще забывать, что, до войны крестьянское хозяйство было менее разорено и оно получало гораздо большую долю более высокой довоенной промышленной продукции. Мало того, в Россию лился тогда громадный поток фабрикатов из за-границы, из которого часть тоже попадала в деревню.

Достаточно сопоставить хотя бы следующие цифры. До войны иностранный привоз достигал (в 1913 г.) суммы в 1374 миллиона рублей, а в 1924 году в Россию было привезено из за-границы всего на 208 миллионов рублей товаров, из которых только 3% предназначалось для сельского хозяйства.

В нынешних условиях интенсификация земледельческого производства в России возможна лишь при вложении в сельское хозяйство больших капиталов. Отмахнуться от этого обстоятельства никак невозможно. Но тогда вместо курса на индустриализацию, как постановил XIV съезд компартии, надо, наоборот, ориентироваться на развитие *в первую очередь* сельского хозяйства. Если же оно не будет интенсифицировано, оно не сможет создавать ресурсов, необходимых для расширения промышленности и не в состоянии будет поглощать промышленной продукции если бы ее удалось каким нибудь чудом значительно расширить. И это тоже обстоятельство, которое ни устранить ни замазать невозможно. Таков рог дилеммы и разбить его никакими фокусами большевикам не удастся. Во имя своих политических интересов им необходимо изменить назначаемую велениями жизни очередь — сначала с.хозяйство, а потом — промышленность.

Но простые законы экономического развития определяются иными причинами, чем интересы коммунистической диктатуры и досужие "вымыслы" ее идеологов.

Большевистская индустриализация в свете российской экономической действительности вырисовывается как очередная утопия, как попытка с негодными средствами нового очередного опасного *эксперимента* над страной.

Большевики, как мы видели, ставят себе задачей не только индустриализовать в корне Россию, но и произвести эту операцию вместе с крестьянством, которое индустриализация как раз то и должна переделать. Рост политического сознания крестьянских масс вынуждает московских диктаторов быть с ними теперь сугубо осторожными. Крестьянство определено не склонно более позволять стречь себя как овцу и жизнь преподала в этом отношении большевистской власти ряд довольно жестоких уроков. Передают, что в близких кругах Лев Троцкий, превратившийся, вопреки своей воле, в тихого ягненка, объясняет свое "нахождение не у дел" тем, что "у него нет желания нянчиться с мужиком". Благо Троцкому, не он несет теперь ответственность за судьбы диктатуры, но тем, кто управляет, приходится так или иначе считаться с "капризами" мужицкого дитяти. Вот почему "правители" опасаются черезчур "топорных" приемов осуществления своего плана, а если и считают, что "железная рука" для этого необходима, то, однако, при условии, чтобы на нее натянута была "бархатная перчатка".

Некоторые крайние фанатики индустриализации, во главе которых стоит Преображенский и у которых крестьянофобство доходит до геркулесовых столбов, предлагают очень простое, хотя и сильное средство для разрешения вопроса. Оно сводится к тому, чтобы путем увеличения налогов и максимального повышения цен на промышленные изделия брать с крестьянства столько, сколько брали с него царь и помещики и вливать добываемые таким путем ресурсы в промышленность. Если выразить эту идею в цифрах, то речь идет о том, чтобы выкачивать из деревни на миллиард с лишком больше рублей, чем вы-

качивается из нее сейчас, помпой большевистского государства. По адресу «одержимых пафосом индустриализации» Сталин уже авторитетно кинул: «Это опасные люди, товарищи!» А его комментатор Стецкий разъяснил в "Правде", что это значит не только пытаться проводить индустриализацию против крестьянства. "Это значит пустить в ход средства, которые быстро, но верно, на радость врагам, должны отбросить крестьянство от революции и привести к крушению пролетарскую диктатуру."

"Одержимые" легко, однако, могли бы возразить, что и "мягкие" методы Сталина по существу сводятся к тому же.

Крестьянству, в конце концов, безразлично, каким путем большевистская власть будет извлекать из его кармана ресурсы для своей индустриализации, а на этот карман одинаково нацеливаются, как «одержимые», так и трезвые индустриализаторы, ибо иного источника нет. Преображенский советует взять у крестьянства лишний миллиард через налоги и цены на фабрикаты. Сталин тот же самый миллиард рассчитывает получить снижением хлебных цен и жестокой дисциплиной хлебозаготовительных органов. "Не умер Данило, а болячка его задавила."

Сталинцы свои надежды на получение ресурсов для промышленности возлагают на хлебный экспорт. Но для того, чтобы он мог дать такие ресурсы, необходимо брать у крестьян хлеб по ценам на много ниже цен, стоящих на мировом рынке. Только в этом случае из реализуемой разницы и получатся в распоряжении соввласти капиталы, которые она ждет от экспорта. А это для крестьян означает дешевый хлеб, а тем самым и фактически, без всякого повышения, дорогие промышленные изделия, все равно будь то русские или привозимые из за-границы. Это означает "продавать дешево, покупать дорого".

В прошлом году — именно при помощи такого способа большевики рассчитывали вырвать у крестьянства миллиард на промышленность. Из этого тогда получился лишь конфуз вместо миллиарда, и мужик, по выражению Каменева, "схватил нас за руки".

Но допустим, что крестьянство под напором "единого фронта" и "жестокой дисциплины" хлебозаготовительных орга-

нов, а также и экономической необходимости вынуждено будет тут отступать. Во всяком случае это будет сопряжено с жестокой борьбой на хозяйственном фронте, которая вряд ли усилит чувство преданности крестьян к большевистской власти. И никакой индустриализации "вместе с крестьянством" не получится.

Повидимому, и Сталин и его единомышленники начинают себе отдавать в этом отчет.

Не поэтому ли "коронованный наследник Ленина" выдвигает теперь новую теорию об образовании ресурсов на индустриализацию путем правильного использования накопления?

"Я мог бы сослаться на такой факт, говорил Сталин в своей уже цитированной выше речи, как экспроприация помещиков и капиталистов в нашей стране в результате октябрьской революции, уничтожение собственности на землю, фабрики, заводы и т. д. и передача их в общественную собственность. Едва ли нужно доказывать, что этот факт представляет довольно солидный источник накопления."

Мысль Сталина заключалась в том, что благодаря уничтожению нетрудовых классов, все доходы, получавшиеся ими от землевладения, промышленности банков, торговли — внутренней и внешней, остаются теперь в значительной мере, в руках государства. Как же при таких условиях не накапливать самым естественным путем, не творя никакого экономического насилия над крестьянским населением, а, наоборот, благодетельствуя ему, созданием за счет нормальных ресурсов, промышленности, необходимой для развития самого сельского хозяйства. Теоретически мысль Сталина как будто и правильна, но от теории до действительности в советской России существует дистанция громадного размера.

Сталин упускает из виду лишь то обстоятельство, что в большевистском строе ряд отраслей народного хозяйства стали убыточными, что основной и оборотный капиталы, размеры которых определяли их доходность, в значительной части своей были развеяны по ветру и что во всяком случае общий доход их во всей их совокупности гораздо ниже теперь, чем в до-октябрьские времена.

Сталин упускает из виду еще другое не менее важное

обстоятельство. Да, верно, что прежние нетрудовые классы уничтожены и на их содержание не отчуждается более, как раньше, часть плодов народного труда. Но зато советское государство должно содержать новое господствующее сословие, новое, жадное и дорого стоящее "дворянство", — *один миллион коммунистов*, заменивших в значительной мере экспроприированных помещиков и капиталистов. Вот если бы Сталину удалось снять с российского бюджета этот "производительный" расход, тогда, пожалуй, во всех смыслах открылся бы некий источник "солидного накопления". Но для этого надо было бы раньше всего проделать небольшую операцию, называющуюся ликвидацией большевистской диктатуры.

Правда, в арсенале Сталина есть еще одно последнее средство добывания ресурсов для индустриализации. Почему в самом деле не пойти по стопам буржуазии, которая собирает излишки накопления в своих странах через широко развитую сеть кредитных учреждений и употребляет собираемые таким путем суммы на промышленное строительство. Это тоже не плохое средство. Но для применения его в России не хватает всего только двух вещей: излишков накопления у населения и доверия к советским кредитным учреждениям.

Большевики не устают кричать что в процессе "бурного" экономического восстановления Россия уже почти достигла довоенного уровня. Значит, у населения должно быть денежные излишки, тем более, что помещиков и капиталистов, перекачивавших в свой карман часть национального дохода, уже не существует. Но вот на 1-ое апреля текущего года во всех советских сберегательных кассах вкладов числилось на 60 миллионов рублей, в то время, как в 1913 году общая сумма их доходила до 2 миллиардов.

Значит, одно из двух: или у населения нет излишков накопления, несмотря на "наши громадные хозяйственные достижения". или население считает более верным хранить их в кубышках, чем доверять их советскому государству. В том и другом случае результат для индустриализации одинаковый.

Если подойти к вопросам хозяйственного строительства в России с точки зрения интересов не большевистской диктату-

ры, а страны и народа, то даже слепому будет видно, что путь экономического возрождения и развития нашей родины лежит через сельское хозяйство. Россия страна аграрная и одним взмахом магической палочки коммунистических кудесников не превратить ее в страну высоко индустриальную. Чтобы поднять ее производительные силы, необходимо все усилия направить на восстановление основы ее хозяйства — земледелия: расширяя, насколько возможно, и промышленность, но в меру, не нарушающую интересов этого восстановления и ими определяемую.

Только тогда, когда русское сельское хозяйство станет на ноги, когда оно сможет перейти к интенсификации, начнут создаваться в стране ресурсы, могущие быть использованными для широкого индустриального строительства и только тогда расширенная отечественная индустрия обретет прочную базу в лице емкого внутреннего рынка и высоко платежеспособного населения. И только тогда на почве роста сельского хозяйства окажутся в наличии все данные для бурного развития и расцвета промышленности, для которой громадные естественные богатства России составят неисчислимый резервный фонд топлива, сырья и металлов.

Россия не может индустриализироваться теми способами, что Англия и Германия, — путь ее промышленного развития американский. И определяется это тем, что, как и Америка, она обладает беспредельными земельными пространствами, многочисленным земледельческим населением и как она же отличается богатством земельных недр и весьма отдалена от иностранных рынков. Это означает, что интересы хозяйственного строительства России требуют не курса на мифическую индустриализацию, а как раз отвергаемую большевиками ориентацию на сельское хозяйство.

Русское земледелие для своего восстановления нуждается в больших капиталах, — их большевистская власть во вне достать не в состоянии. Но нужно, по крайней мере, дать ему возможность получать из за границы в обмен на сельско-хозяйственные продукты необходимые промышленные изделия, которые советская индустрия дать ему неспособна. Нужно, чтобы внешторг не отделял высокой стеной русского земледелия

от мирового рынка во имя охраны интересов индустриализации, все равно немогущей быть осуществленной.

Только на этом пути, который большевистская диктатура упорно заграждает, Россия сумеет использовать громадные возможности экономического развития, открытые ей революцией, точно так же, как американская революция, разбив иго английского владычества, открыла их для Северной Америки.

И для того, чтобы экономический прогресс послужил почвой для передового социального творчества в направлении истинных идеалов труда и расдвинул проложенные для него историей грани, необходимо раскрепостить страну, снять ярмо диктатуры с шеи основной трудовой массы населения и дать ей вольно творить новую жизнь в соответствии с духом и содержанием великой русской революции, которую она совершила и через огонь которой она прошла. Только вступив на этот двойной путь— ориентация на сельское хозяйство, и раскрепощение народа — можно действительно обеспечить и прочное строительство социалистического хозяйства в городе, совершающееся не вопреки, а согласно экономической целесообразности и получающей добровольную опору в лице свободно шагающей вперед трудовой деревни.

Замечательное знамение времени. Голоса жизни начинают звучать и в рядах самой большевистской партии, несмотря на толстую китайскую стену утопизма и извращенной психологии, которой она себя окружила.

Среди видных даже большевиков уже находятся люди, сдающиеся перед очевидностью, отстаивающие на страницах казенных органов необходимость переменить "порядок очереди" допускающие индустриализацию лишь постольку, поскольку будет возрастать внешняя торговля, "условием роста которой является форсированный подъем сельского хозяйства". А из речи Сталина мы узнаем совсем уже интересную новость. Оказывается, что находятся коммунисты еретики, которые вполне одобряют союз с крестьянством, но *находят излишним диктатуру над ними*. "Мы защищаем не всякий союз рабочего класса и крестьянства, изрекал Сталин, мы стоим за такой союз, где руководство принадлежит рабочему классу. Я знаю, что некоторые товарищи *не согласны с этим*. Они говорят: союз дело

хорошее, но зачем же еще руководство“? Пусть эти голоса звучат одиноко в компартиц, но то, что они звучат уже там, показывает, что от требований жизни никуда не уйдешь...

Официальная большевистская теория гласит, что залогом движения к социализму в России является коммунистическая диктатура и командные высоты. Между тем, в России, стране, где против мужика ничего сделать нельзя, действительно прочным залогом прогрессивного социального развития является раньше всего трудовой характер русского крестьянства — основной массы населения, совершившего свою земельную революцию против всех прежних имущих классов, вместе с пролетариатом, его трудовая идеология, особенности его земельного строя. Здесь именно, но не в чем либо ином, тот рычаг которым можно двинуть Россию по ее своеобразным путям в сторону социализма. Но чтобы привести его в действие необходимо могучее веяние свободы.

Скованные своим диктаторством, большевики признать этого никак не могут, ибо диктатура их, ведь, против этого самого крестьянства в первую очередь направлена, ибо, сделав такое признание, они дали бы самое блестящее оправдание народовластию и вынесли бы приговор самим себе.

Но тем самым, их утверждения о строительстве социализма в крестьянской России, наряду с непризнанием за крестьянством способности самостоятельно в нем участвовать, образуют логическую прореху, которую никакими «индустриализациями» замазать невозможно. Основы социального прогресса историей, и действительно заложены в России в деревне. Большевики, же, упорно стараясь игнорировать это обстоятельство, пытаются искусственно создать их в городе. В этих постоянно возобновляющихся попытках искусственного перенесения центра тяжести, причина великих потрясений и бед, пережитых Россией за последние восемь лет, причина глубокого искажения русской революции.

Когда им так или иначе будет положен конец, новая Россия выйдет на свою настоящую дорогу, а русская революция получит завершение, соответствующее ее истинному содержанию.

Политические заметки.

Кускова и Дан об едином фронте. — Теория рукопожатия и поцелуя.
— Коалиция у меньшевиков. — С крестьянством или с буржуазией?
— Непримируемость и тактика. — Разговаривать ли с большевиками?
— Задачи социалистического движения в России. —

Парижский доклад Е. Д. Кусковой и вызванная им газетная полемика поставили ряд вопросов, над которыми полезно задуматься не только так называемой «эмигрантской общественности».

Конечно, они приобретают особенную остроту в этой совершенно своеобразной, оторванной от России общественной среде, состоящей, главным образом, из остатков «белых армий» и *белых тылов*. Значительная часть эмиграции не только проникнута до сих пор психологией гражданской войны, но и склонна противопоставлять себя, как некое фантастическое государственно - образное целое — без территории и без правительства, но с партиями, печатью, общественным мнением — живому, реальному политическому организму современной России с ее пусть нелепым, но действующим государственным укладом, с новыми, возникшими и растущими в ней общественными слоями, с новой народной и классовой психологией, с новыми отношениями между классами, одним словом — с *новыми, совершенно невиданными условиями политического развития и политической борьбы*.

Перед эмиграцией в целом — два пути:

или превратиться в «историческую окаменелость», в дореволюционный «потонувший мир», доживающий свое подводное существование на дне чужих морей;

или же *перестать быть эмиграцией* — в только что указанном смысле этого слова, то есть, отказаться от какой-то *обще-эмигрантской* политической миссии, разбить вое противоестественное и нереальное *единство*..

Это не значит, конечно, что не могут и не должны существовать русские политические организации за границей. Но отношения между ними не могут быть иными, чем те, которые складываются между соответствующими общественными и политическими группами в России.

Самое их существование имеет какой либо смысл лишь поскольку они являются, так сказать, *заграничным продолжением* существующих в России партий, организаций или идейных течений.

Внешнее, случайное обстоятельство «общего» пребывания в эмиграции не имеет — *не должно* для них иметь — ровно никакого значения.

Наоборот, громадное, основное, определяющее значение имеют те изменения общественной среды, которые происходят в России, и те объективные условия, в которых развивается там политическая борьба и культурно-общественная работа.

Доклад Е. Д. Кусковой показал, что до сих пор далеко не все в этом отношении благополучно.

Прежде всего выяснилось, что автор «новой тактики», «приявший» в 1921 году революцию и положивший начало «республиканско - демократическому объединению» в эмиграции, на самом деле несколько не сдвинулся с «ростовских» (на Дону) психологических позиций. «Непримиримость», заявил П. Н. Милюков во время прений, для нас не только тактическая директива, но категорический императив. Это — принципиальное и моральное требование; мы не можем мириться с властью, разрушившей Россию (шумные аплодисменты). Е. Д. Кускова говорит, что мы только пересадили сюда московскую оппозицию. Нет; мы привезли нашу «непреклонность» не из Москвы, а из Ростова. Происхождение нашего «пафоса» — в прямой связи с белой борьбой (продолжительные аплодисменты). Лгут те, кто говорит, что, отвергнув старые методы, мы восстали против армии. Если бы нам пришлось вернуться в 1918 году и пережить все сначала, мы повторили бы то, что сделали!»

А в статье в ответ Кусковой он прибавляет: участия в белой борьбе стыдиться не приходится. Скорее приходится стыдиться «неучастия».

Это показывает, насколько права была партия социалистов - революционеров, осудившая всякий политический союз («коалицию») с эмигрантской группой П. Н. Милюкова.

Разбивая монархическую идеологию, содействуя окончательному разрыву с до-революционным прошлым известной части эмигрантских «деловых» кругов, офицерства, молодежи и «обывателей», П. Н. Милюков делает, разумеется, полезное дело.

Возможно, что при большем политическом искусстве и при меньшей зависимости от эмиграции, он сумел бы отражать настроения некоторых российских мелко-буржуазных и буржуазных слоев.

Но бело - армейские воспоминания и насыщенная ими эмигрантская среда тяготеют над ним и мешают его группе стать *российской* политической организацией.

Прения по докладу Кусковой дали кроме того повод — как ей самой, так и некоторым органам печати («Возрождение» и «Социалистический Вестник») — говорить о каком-то «едином фронте от правых до левых» в вопросе о «непримиримости».

«Это был, пишет г-жа Кускова («Непримиримость или целесообразность?» «Дни» 30 марта), апофеоз непримиримости от правого Юкшинского до социалиста Авксентьева... Хотя Н. Д. Авксентьев и говорил о «свободе и праве» народа, а г. Юкшинский не говорил, все же впечатление единого фронта осталось... недаром монархист Пиленко так крепко пожал руку социалисту Авксентьеву».

**

На этом «рукопожатии» Ф. Дан немедленно построил в «Социалистическом Вестнике» целую теорию, которая правда, не делает чести ни остроумию, ни глубокомыслию почтенного с. д. лидера.

«Еще более тревожным симптомом настроения некоторых кругов демократической эмиграции является то демонстративное рукопожатие, которым обменялись в заключение прений заведомый монархист, хуже того — нововременец *Пиленко* и правый с. - р. *Н. Д. Авксентьев*. «Дни» заявляют, правда, что указание Кусковой на это рукопожатие — «неудачная демагогия»: оно так же мало смущает редакцию «Дней», как «самое Е. Д. Кускову правильно не смущают жирные поцелуи,

которыми награждают ее разного рода Лукьяновы из казенного «Парижского Вестника». Но в этом рассуждении «Дней» есть очевидная логическая ошибочка: «поделуи» Лукьянова есть акт односторонний, за который Е. Д. Кускова не отвечает. «Рукопожатие» же есть во всяком случае акт *двухсторонний*, в котором Авксентьев никак не мог играть лишь роль пассивной жертвы. Не правда-ли?» («Соц. Вест.» №7—8, 25 апреля 26 г. «Демократическая эмиграция и демократия в России». Курсив и кавычки везде подлинника).

Не будем спорить с Даном относительно тонких политико—юридических различий между поделуями и рукопожатиями и их значения в истории революции.

Послушаем его дальнейшее рассуждение. Оно великолепно.

Рукопожатие, говорит он, имело «характер политической демонстрации» и свидетельствует о «чудовищной общности настроений» «эсеров, хотя бы и правых» с нововременцами.

«Действительно, ни в чем так наглядно не проявился действительный политический смысл того «пафоса» мнимо-революционной «непримиримости», который с таким гордым видом проповедают Керенские, Степаны Иваловичи и пр., — как в маленьком, но столь *символичном* «рукопожатии». Далекая от того, чтобы свидетельствовать демократическую нестигаемость, эта «непримиримость» сама себя разоблачила, как внутреннее ослабление антагонизма к силам антидемократическим и даже реакционным во имя — «борьбы с большевизмом», как внутренняя подготовленность к компромису с этими силами и — к неизбежной капитуляции перед ними». («Соц. Вест.» там же, курсив подлинника).

Итак, за рукопожатие Авксентьев—Пилленко отвечает уже Керенский и все «правые эсеры» и напридачу правый меньшевик Ст. Иванович.

Дан «не заподозривает искренности демократических убеждений Н. Д. Авксентьева или кого либо другого из названных лиц», он «только констатирует» — на основании рукопожатия, — что их «мнимо-революционная непримиримость» прикрывает «внутреннее стояние на белых позициях 1918 г.»

Оттуда следует, что Авксентьев и «другия названна лица» совсем не революционеры («мнимые») — в противоположность Дану — и ничем не отличаются от Милокова, который, как известно, до сих пор оправдывает не только Ростов, но и «кошпозицию Его Величества».

Все это, оказывается, можно вывести из рукопожатия.

Однако, как это не пришло в голову Дану, что в данном случае оратор, сошедший с трибуны, просто без всякой политики мог пожалть протянутую ему руку совершенно неизвестного ему человека, оказавшегося Пиленко?

Вѣдь, это опрокинуло бы все талантливое построение меньшевистского теоретика, или заставило бы его, по крайней мере, искать доказательств не в жестах, а *в словах и в писаниях* «названных лиц».

В этих словах и писаниях многое подлежит критике и с нашей точки зрения.

Но критиковать их следует *по существу*, а не на основании того, что в них вздумается увидеть Пиленко или «Возрождению».

И уж ни в каком случае не следует воскрешать полемические приемы «Искры» (мы думали, что они монополизированы большевиками) и на основании произвольного толкования индивидуального и случайного жеста вопиять о «чудовищном» поведении «эсеров» вообще, «хотя бы и правых».

Тем более, что при разборе *по существу* различных выступлений «названных лиц» может оказаться, что разница между Авксентьевым и Даном не так уж велика, а в некоторых вопросах первостепенной политической важности «правые всеры» ближе к Дану, чем к центральному течению партии с. р. к которому принадлежит, в частности, и «Воля России».

*
**

В чем, в самом деле, усмотрела Е. Д. Кускова «единый фронт?»

В непримиримом отношении к коммунистической диктатуре.

Кускова поставила два вопроса:

1) — возможно ли, целесообразно ли *сотрудничество с властью, в интересах государства* по примеру Кутлера и Брусилова;

2) — как отнеслись бы социалисты типа Авксентьева к попыткам большевиков заключить с ними соглашение, если бы оказалось правильным сообщение, появившееся в английских газетах, будто большевики намерены начать переговоры «на основании уничтожения диктатуры ЦК ВКП?»

Социалист Авксентьев заявил, что он не может отказаться

от борьбы (т. е. от *своей политики*) и ограничиться деловым сотрудничеством с большевицкой диктатурой хотя бы во имя национальных интересов и патриотизма.

Ответ Авксентьева показался Е. Д. Кусковой «не ясным».

Но каков отвѣт Ф. Дана?

«Рекомендуя каждому на своем месте быть маленьким Кутлером и Брусиловым, говорит он, Е. Д. Кускова не направляет ту небольшую дозу демократической политической активности, какая еще имеется в эмиграции, с ложного пути на правильный, а по-просту убивает ее. Санкционирование *отказа от политики* и погружение в культурничество («преображение лика русского народа» — по выражению Кусковой) есть ни что иное, как *санкционирование пассивного отношения к той политике*, которую творит большевицкое правительство и которая прямым путем ведет к торжеству бонапартизма».

И Дан объявляет проповедь Кусковой «пассивным сменевховством», превосходя резкостью этого определения «непримиримого» Авксентьева.

Отвечая на второй вопрос, Дан говорит.

«Представим себе, что подобное обращение действительно последовало бы. Боимся, что и в этом случае позиция Е. Д. Кусковой, если бы она хотела быть последовательной, и наша были бы совершенно различны. *Ибо наш ответ предрешен нашей платформой*, вполне точно формулирующей те *политические требования*, на почве которых, с нашей точки зрения, отвечающей, по нашему мнению, интересам рабочего класса, *только и возможно соглашение* всех групп, партий и их частей, способных в ходе развития твердо стать на почву революции и защиты интересов трудящихся и признать необходимость *образования власти, готовой работать над демократическим преобразованием государства* и предотвращением бонапартистского вырождения революции».

Напомним, что меньшевистская «платформа» (февраль 1924 года) выдвигает следующие *политические требования*: 1) политические свободы, 2) свободные перевыборы всех советов, 3) отмена смертной казни, 4) немедленное уничтожение ГПУ и всех других органов террора, 5) отмена исключительных трибуналов и обеспечение независимости суда, 6) полная амнистия всем политическим ссыльным и заключенным, пересмотр приговоров по уголовным и религиозным делам, уничтожение всех видов административной расправы, 7) уничтожение привилегий РКП и Коминтерна и прекращение вся-

ких денежных выдач им из средств государства, 8) раскрепощение профессионального и кооперативного движения, свобода стачек, свободные перевыборы фабзавкомов.

Каков смысл всех этих политических требований?

На это отвечает сама платформа: они означают *ликвидацию диктатуры* и первый шаг по пути к *демократической республике*.

«Для нас, заявляет Дана, вне этой платформы, никаких разговоров о каком либо «соглашении» с кем бы то ни было быть не может».

Это ли не «непримиримость»?

Но и это не все.

Боимся, что впечатлительный г. Пиленко прямо расцеловал бы Ф. Дана, если бы он изложил на парижском собрании не только *политические*, но и *экономические* требования своей платформы.

Ведь, они сводятся ни более и ни менее, как к безоговорочному *восстановлению капитализма* (с оставлением частью временным, частью окончательным некоторых казенных предприятий, но без всякого плана социализации: ведь «платформа» не говорит даже о необходимости коренной *реорганизации* бюрократической государственной промышленности), к уничтожению общественной собственности на землю, к замене ее буржуазным институтом личной поземельной собственности и даже к поощрению сельско-хозяйственного капитализма — путем сельско-хозяйственных концессий.

Читатели «Воли России» знают, что направление, господствующее в партии с. р., не считает возможным идти на *столь большие уступки буржуазии* и видит в некоторых из экономических требований меньшевиков прямую угрозу будущему социалистическому движению в России.

На оборот, многие «правые» эсеры ничем в этом отношении не отличаются от меньшевиков.

**

Что же остается от «единого фронта», открытого Е. Д. Кусковой и подхваченного Ф. Даном?

В чем заключается *здоровое ядро ее* — и отчасти Ф. Дана — критики существующих в эмиграции (а может быть и в России) настроений?

И в чем ее — и Дана — ошибка?

Есть прежде всего в выступлении Н. Д. Авксентьева один момент, который может, действительно, дать повод к недоразумениям. Судя по газетным отчетам, он говорил о роли *эмиграции вообще*. Он защищал ее от обвинений в «гордыне» и говорил об ее «долге».

«Эмиграция не презирает свой народ. Когда мы протестуем против того, что делают большевики, унижая Россию, то мы во имя этой России защищаем ее честь и достоинство». (Отчет газеты «Дни»).

Я уже указывал выше на ошибочность подобных оценок.

Конечно, *самый факт* политической эмиграции — и даже обывательского «исхода» — из ряда стран является живым наглядным свидетельством против различных режимов диктатуры и подавлений политических свобод, и в этом смысле эмиграция может оказывать известное влияние на иностранное общественное мнение.

Но отсюда — далеко до той «миссии», о которой, повидимому, говорил Авксентьев.

И что, собственно, значит — «защищать честь и достоинство?»

Против кого и как?

Если речь идет об угрозах *извне*, то их нельзя отражать словесными выступлениями.

Если имеется в виду «унизительная» для России (или для российских трудовых масс) политика большевиков, то *единственный способ «защиты»* — такое изменение соотношения сил в России, при котором эта политика была бы невозможна.

Единственное реальное дело за границей — это осведомление дружественных иностранных общественных слоев (для нас — осведомления рабочего класса) о положении в России и создание вольной печати для пропаганды в России.

А так как большевизм пытается выступать от имени международного рабочего класса и ведет «революционную» международную политику, заграничная работа русских социалистических партий имеет, конечно, и самостоятельное значение, ибо она мешает коммунистам ввести в заблуждение европейских рабочих.

Но сама по себе эмиграция никогда не была здоровой политической средой.

Даже в бурные годы роста революционного движения, когда за границу были вынесены руководящие центры, точнее,

руководящие литературные органы нелегальных партий, эмиграция *как таковая*, то есть, основная масса бежавших за границу и там осевших людей, отличалась преобладанием отрицательных сторон над положительными.

Отрицательные стороны давали себя особенно сильно чувствовать в годы реакции, упадка политического движения в стране, проявляясь — в эти периоды — и в деятельности «вождей» (вспомним хотя бы меньшевистско—большевистскую склоку).

В прошлом мы понимали это, и роль эмиграции, в собственном смысле этого слова, расценивали скромнее.

Теперь же, говоря об эмиграции, необходимо всякий раз указывать *о какой эмиграции идет речь*.

Никакого единого фронта эмиграции не может и не должно быть.

«Непримиримость» социалистов не может иметь ничего общего с непримиримостью Маркова 2-го или с той, какую г. Милюков вывез «из Ростова».

Для того, чтобы доказать подобную общность, Е. Д. Кускова и Ф. Дан должны привести более серьезные аргументы, чем «рукопожатие».

**

*

Но оставим в покое эмиграцию и подойдем к тем же проблемам с точки зрения *тактики русских социалистических партий*.

Возможен ли какой либо политический «единый фронт» и с кем?

Как нужно понимать «непримиримость» и как в частности отнестись к выдвинутой Е. Д. Кусковой гипотезе «переговоров о сотрудничестве?»

Мы думали, что первый из этих двух вопросов давно уже разрешен жизнью и практического, злободневного интереса не имеет.

Оказывается, это не совсем так, но на этот раз не по вине «правых эсеров».

Сторонники коалиции с левыми буржуазными группировками появились в безгрешной и «революционно - марксистской» меньшевистской партии. Как сообщает Д. Далин в «Социалистическом Вестнике», некоторые социал - демократы меньшевики, убежденные в том, что русское крестьянство представляет собой «громадную консервативную массу», стремя-

щуюся к «откровенно-буржуазной диктатуре крестьянского вождя», предлагают «союз с радикальной буржуазией».

«Если бонапартизм неизбежен, пишет Далин, то вместе с тем и ориентация на крестьянство уступает место ориентации на буржуазный радикализм. Те люди, которые считают, что демократические возможности в нашей деревне уже исчерпаны, с логической неизбежностью вынуждаются искать союзников в буржуазном лагерь».

«Въ этом, поспешим прибавить тут же, *нет ничего позорного или недопустимого*.

«Этим путем шло рабочее движение всех стран Западной Европы на протяжении почти целого столетия, и никого нельзя упрекнуть, если он считает такую комбинацию и для России неизбежной. Больше того, ни один человек (!) не сможет отрицать возможности такого развития.

«В самом деле, своими собственными силами слабый и малочисленный пролетариат России, разумеется, не в силах создать прочный и устойчивый демократический режим». («Крестьянство и диктатура». «С. В.» 25 апреля 1926 г.).

В примечании Далин поясняет: «В этой форме находит себе выражение новое «правое течение» в нашей партии. Во всю историю революции внутри—партийные разногласия вращались вокруг вопроса о том, с какими классами возможно сотрудничество, на кого можно ориентироваться в борьбе: на крестьянство или буржуазию. Неверие в крестьянство было характерной чертой «правых течений»».

Судить об этом новом течении мы можем пока лишь по нескольким беглым замечаниям в процитированной выше статье. *)

Но и их нам достаточно для того, чтобы посоветовать Ф. Далину более равномерно распределять в дальнейшем свой огонь

---

*) Судя по некоторым намекам Далина, можно предположить, что сторонники ориентации на буржуазию собираются **осуществить** ее в будущем, когда окончательно установится бонапартизм.

Право-эсеровские «коалиционеры», отстаивавшие эту идею лет пять тому назад, тоже имели в виду будущее и тоже исходили из пессимистического прогноза, утверждая, что Россия уже вступила «в фарватер реакции».

Но они считали нужным уже теперь установить дружественные отношения с «радикальной» буржуазией.

Как на это смотрят правые меньшевики — не ясно.

по различным «правым уклонам» и вспомнить притчу о сучке и о бревне.

Правда, и тут Д. Далин находит возможным заявить:

«Конечно, это новое течение, хотя бы и правое, стоит много, много (!) выше тех «правых уклонов», которые еще и сейчас не могут расстаться с «вооруженным свержением», лозунгом Учредительного Собрания и прочей исторической нереальностью».

Здесь очевидное недоразумение.

Можно считать неизбежной новую революцию и быть против Учредительного Собрания и наоборот.

Можно считать неизбежной новую революцию и быть против коалиции и против Учредительного Собрания.

Непонятно, кроме того, почему лозунг *Учредительного Собрания* хуже (или «ниже» по терминологии Далина) лозунга *демократической республики*, выдвинутого меньшевистской «платформой».

Ведь всякое *первое* представительное собрание этой республики неизбежно будет *учредительным*.

Мы понимаем, что одобренная «марксистской» фразеологией коалиция все же приятнее для слуха некоторых ее противников, чем та же самая коалиция, иначе обоснованная.

Но мы отказываемся все же видеть *принципиальную разницу* между право-мешевистской «ориентацией на буржуазию» и авксентьевским «сложением сил».

А с точки зрения социализма и демократии нам представляется даже более оправдываемой коалиция, *включающая крестьянство*, которую предлагали правые эсеры, чем *антикрестьянский* союз пролетариата и буржуазии, сторонниками которого являются некоторые товарищи Дана.

Наша точка зрения на этот вопрос известна.

Мы не считаем политически целесообразными какие либо соглашения с буржуазными партиями и группами, в России или за границей, как бы они ни были «радикальны», в период борьбы за ликвидацию диктатуры РКП и за переход к демократическому режиму на основе удовлетворения и защиты интересов трудовых масс.

«Воля России» держится этого мнения с самого своего основания.

Оно вытекает из оценки той реакционной роли, которую русская буржуазия играла во время революции и гражданской

войны и из скептического отношения к тем попыткам ее «радикализации», которые связаны с именем П. Н. Милюкова.

Наша тактика *после ликвидации диктатуры*, будет, естественно, зависеть от того, как тогда сложится соотношение сил.

Но можно, я думаю, уже теперь утверждать, что она не будет грешить иллюзиями «всенародного единения», по той простой причине, что такого единения не будет в стране, прошедшей через столь ожесточенные классовые и сословные битвы.

Надежды на возвращение «февральских» или «мартовских» настроений, на «общенациональную революцию» и т. д. нужно признать ошибочными, тем более, что можно сомневаться в реальности даже *февральского* (1917-го года) «единодушия».

Наша задача *теперь* — восстановление единодушия в рядах трудящихся, пробуждение политического сознания и политической активности в крестьянстве и пролетариате.

*

**

Теперь, может быть, и Дан согласится с нами, что проблема «единого фронта несколько» сложнее, чем он это представил, и не исчерпывается «рукопожатием».

Перейдем к вопросу о «непримиримости».

Он тоже не так прост.

Разберем прежде всего гипотетический случай Е. Д. Кусковой, хотя, собственно говоря, у нее не было ровно никаких оснований ставить его на обсуждение.

Я думаю, что действительно, если бы большевики выразили желание вступить в переговоры, ни один *ответственный* орган русских социалистических партий не мог бы ограничиться гордым отказом. *)

---

*) Если, разумеется, соотношение сил в стране к этому моменту не изменилось бы настолько, что политически выгоднее было бы потребовать простой капитуляции.

Но это возможно лишь в случае **революции**. Е. Д. Кускова предполагает, по видимому, что большевики под давлением хозяйственных затруднений будут вынуждены искать примирения с демократическими общественными силами и с той частью пролетариата и крестьянства, которая сочувствует социалистическим партиям.

Судя по всему, что мы о них знаем, они на это неспособны.

Рабочие и крестьяне не поняли бы такой тактики.

Ответ должен был бы точно сформулировать *условия* без притягивания которых никакие переговоры невозможны.

Политическая платформа Ф. Дана (изложенная выше), кажется мне, вполне приемлемой в качестве такой «основы». Что касается экономической, то я думаю, что Ф. Дан не будет упрямитесь и согласится не настаивать на восстановлении частной собственности на землю.

Ц. К. партии с. р. выдвигал однажды точно такую же платформу в самый разгар гражданской войны, когда Деникин подходил к Орлу.

Ясно, что для большевиков она сможет стать приемлемой лишь в тот момент, когда они вынуждены будут признать свое полное банкротство и отказаться от диктатуры.

Мне неизвестно, как на это смотрит Н. Д. Авксентьев, мнением которого особенно интересовалась Е. Д. Кускова.

Но думаю, что серьезная политическая партия не может стать на «лубочную» точку зрения г-на Мельгунова: «никаких мол разговоров с убийцами, предателями, никогда и ни при каких условиях».

Точно также не может стать партия на точку зрения «Кутлер—Брусилова» и отказаться от «своей политики» — ибо это означало бы для нее попросту распустить свои кадры, *перестать существовать*.

Меньше всего при этом нужно думать о «настроениях» той или иной группы эмиграции.

В политике нельзя давать волю чувствам и нужно рассчитывать свои действия так, чтобы они были *понятны народу*—и в первую голову тем слоям населения, интересы которых мы хотим отстаивать.

Один реальный шаг по пути сплочения рабочих и крестьян вокруг наших политических и социальных требований важнее, чем тысяча эмигрантских выстрелов в воздух.

*
**

Это правило должно быть вообще положено в основу *тактики социалистических партий в России*.

Оставим, в самом деле, гипотетический, весьма мало-вероятный случай Кусковой и обратимся к гораздо более интересному и более практическому вопросу о том, *что делать теперь*.

Нужно оговориться, что здесь мы входим в область *открытых вопросов* нашего движения.

Политическая стратегия и тактика, как известно, не есть нечто неизблемое. Она должна меняться в зависимости от меняющейся обстановки. Ее необходимо каждый раз приспособлять к новым условиям. Поэтому, нашим правилом должен быть постоянный пересмотр, постоянная проверка, на основе изучения *действительности*, понимания психологии данных *конкретных* рабочих и крестьянских масс, учета *всех* действующих в стране хозяйственных и политических факторов, положительных и отрицательных.

Все это — азбука, но, к сожалению, ее иногда забывают и в социалистической эмиграции (к эмиграции «вообще» мы больше возвращаться не будем), где тоже можно часто встретить вастывание на старых позициях, вместе с отрицанием своих собственных прошлых ошибок.

Никогда, пожалуй, политическая мысль эмиграции не была так неподвижна в области *тактики*, как за последние восемь лет. В период борьбы с самодержавием было больше гибкости и, главное, была большая связанность с реальными процессами, происходившими в стране — в деревне, на фабриках, среди интеллигенции.

Теперь сплошь и рядом ограничиваются общими формулами и подыскиванием в советской прессе агитационного, разоблачительного материала.

Если бы в стране быстро и непрерывно нарастало революционное движение, руководимое сильными, хорошо организованными партиями, то подобное упрощение политической борьбы было бы, пожалуй, не вредным.

Не трудно, однако, вспомнить, что в прошлом наша партия поступала иначе, даже в самые бурные времена.

Политическая литература того времени и постановления партийных совещаний свидетельствуют как о богатстве и разнообразии тактического оружия, так и о напряженности коллективной партийной мысли, стремившейся удовлетворить *все запросы* трудящихся масс и интеллигенции, находить везде твердые опорные пункты для деятельности, вмешиваться во все проявления общественной жизни.

Обычно на это отвечают, что при самодержавии все же было больше «возможностей», что большевики ввели такой полицейский режим, какого никогда не было, что сами они при самодержавии пользовались большими свободами, чем всеры или меньшевики при их диктатуре.

Я думаю, что это не ответ, а уклонение от ответа.

В самом деле, если бы самодержавие несколько усовершенствовало свой полицейский и цензурный аппарат, если бы оно, подобно большевикам или Муссолини, сделало невозможным появление каких бы то ни было «вольномысленных» изданий — что же, мы не искали бы и *не находили бы* самых разнообразных путей к общественной работе и к политическому воспитанию масс *на почве их повседневных интересов?*

Нельзя, кроме того, преувеличивать теперь, задним числом, «законные возможности» при самодержавии по сравнению с теперешними.

Они были весьма и весьма ограничены и в значительной степени — если не исключительно — *зависели от силы общественного и народного напора* на правительство и государство.

Большевики, пожалуй, не так уж не правы, когда в ответ на упреки и обличения (вот еще бесплодный в политике метод борьбы!) отвечают, что они *сильнее* самодержавия и *поэтому* могут позволить себе больше.

А при более внимательном изучении современной действительности — изучении не книжном только, а живом, непосредственном — несомненно окажется, что «возможности» существуют и теперь, не меньшие, *но только совершенно другие.*

Здесь то и заключается основная тактическая проблема: *нащупать в новом общественном и государственном строе, на почве, созданной революцией, живые и здоровые общественные процессы, с которыми должно связаться и которые должно использовать русское социалистическое движение — в интересах демократического и социалистического развития страны.*

Для этого нужно понять, что большевистский период русской революции не есть простое недоразумение, более или менее длительный *перерыв*, после которого политическое и социальное развитие народов России возобновится с той самой точки, где его прервал октябрьский переворот.

В России создан *новый* строй общественных отношений, *по новому*, как совершенно правильно говорит Ф. Дан, «*расставились классы, совершенно по новому мыслят они, чувствуют, действуют, совершенно по новому нужно поэтому подходить к ним.*»

К этому новому — не только политическому режиму, но и общественному строю — возможны два принципиально различных отношения.

Можно копировать отношение большевиков к капитализму и стремиться до тла разрушить его, «разбить в дребезги» для того, чтобы начать строить «на чистом месте».

Но и для этого нужно найти (и «развязать») в самом этом обществе такую ил порожденную стихийную силу, которая могла бы его взорвать.

Можно, с другой стороны, поставить своей целью ликвидацию диктатуры и замену ее демократической республикой, искать в данном обществе опорных пунктов борьбы за демократию, укреплять и развивать те социально - экономические и публично - правовые *завязи*, которые могут стать основой демократического и *социалистического* строительства, вести работу по политическому, общественному и культурному воспитанию *того общественного класса*, который может и должен стать центральной силой демократии в ее движении к социализму.

*
**

Кроме того, нельзя упускать из виду, что социализм, социалистическое движение не исчерпывается *политикой*.

Как бы то ни было громадно в тот или другой момент значение ближайшей политической проблемы (свержение самодержавия, ликвидация большевистской диктатуры, фашизма, бра-тиановского режима в Румынии или цанковского в Болгарии и т. д.) она не упраздняет ни борьбы за непосредственные экономические интересы трудящихся, ни задач их хозяйственного и социального строительства, ни культурного творчества.

Уклоняться от работы в этих областях социалисты не вправе тем более, что здесь именно и создается *материальная основа* трудовой демократии.

Так партия с. р. поступала в эпоху борьбы с самодержавием.

Она не ограничивалась политической агитацией и проповедью революции *) и не только создавала нелегальные организации для руководства политической и экономической борь-

---

*) Кстати не мешает напомнить подлинное отношение партии к восстанию и вооруженному свержению самодержавия. Резолюция 1-го съезда партии (1905 г.) говорит: «По вопросу о вооруженном восстании держаться прежней тактики: не призывать к нему, но готовиться на случай его стихийного возникновения в техническом, стратегическом и иных отношениях».

бой, но принимала также участие во всех легальных и полупо-легальных экономических организациях трудовых масс, как бы они ни были сдавлены полицейскими условиями и как бы ни была узка сфера их деятельности.

Приведу для примера ее отношение к кооперации в деревне.

Вот резолюция 4-го совета партии.

«Не сосредотачивая искусственно в данный момент внимания крестьянства на кооперации, не преувеличивая значения кооперации в смысле удовлетворения крестьянских нужд в условиях современного строя, наши сельские организации должны обращать внимание на кооперативное движение, *не давая захватывать и эксплуатировать его партиям и элементам, враждебным социализму.* По отношению к кооперативному движению сельским организациям следует поставить такие задачи:

а) Вступать в существующие уже кооперации и *вытеснять из них элементы, враждебные трудовому крестьянству и пролетариату, или по крайней мере лишать их всякого влияния на ход дела в кооперациях.*

б) Проводить в кооперациях *общие социалистические принципы*, борясь против всяких попыток пропитать их духом капитализма и заставить служить капиталу.

в) Основывать *новые кооперации на трудовых и демократических началах*, когда для этого имеется достаточно подготовленная почва и силы для правильного ведения дела.

Кроме того следует обратить особенное внимание на образование сельско—хозяйственных обществ малого района, дающих возможность трудовому населению собираться и обсуждать свои нужды и интересы, и полезных как непосредственными услугами, которые они могут оказывать трудовому крестьянству, так и косвенными, но не менее ценными услугами, сплачивая его и помогая ему спланироваться и организовываться».

*
**

Тот же 4-ый и 5-ый Советы партии давали нашим работникам в деревне подробные практические указания относительно повседневной борьбы с землевладельцами и с аграрной политикой правительства.

Борьба эта тоже вовсе не сводилась к проповеди аграрно-

го бунта, а пыталась также оказать влияние на эволюцию земельного строя в духе эсеровской программы.

Так, например, резолюция 5-го Совета гласит:

1) V-ый совет П. С. - Р. полагает, что насущной задачей нашей Партии в деревне должно быть: 1. создание прочных ядер вполне сознательных социалистов—революционеров, 2. широкое вмешательство их в местную жизнь сельских обществ, как политическую (выборы должностных лиц, выборы в земство, борьба с помещичьей политикой современных земств и т. п.), так и экономическую, и, наконец, 3. организация на почве повседневной борьбы за классовые интересы крестьянства, в особенности против аграрного законодательства правительства и против местных землевладельцев.

2) Деревенская тактика, как крестьянских партийных, так и руководимых Партией беспартийных организаций должна направляться следующими соображениями:

а) При решении вопросов, выдвигаемых перед местным крестьянством аграрной политикой правительства, упорное отстаивание непримиримых лозунгов («земли не покупать», «не арендовать» и т. д.), где оно практически безнадежно, должно уступить место выработке таких решений этих вопросов которые в условиях данного места и времени наилучшим образом сохраняли бы солидарность трудового крестьянства, не давали ему раскалываться на враждующие группы и в то же время были бы в наибольшем согласии с принципами нашей программы (напр., покупка земли обществами в общинную собственность, аренда обществами и т. п.).

б) При выделах из общины их заботой должно быть сохранение в распоряжении общества земель выделяющихся из общины переселенцев и пролетаризированных элементов деревни путем выдачи им пособий на известных условиях и других соглашений, наиболее соответствующих принципам социализации земли и не лишающих окончательно выделяющихся права и возможности вернуться к земледелию в своем обществе».

В резолюции 4-го Совета Партии мы читаем:

«Переходя в частности к борьбе с выделами из общины, представляется целесообразным: а) усовершенствование общинных распоряжений в духе принципов, положенных в основу нашего аграрного законопроекта, в целях большей их справедливости и согласованности с требованиями хозяйственного прогресса (переделы, лучшая разверстка платежей, уменьшение

чересполосицы и т. д.); б) борьба путем общественных приговоров с требованием выдела; в) *бойкот кулаков и тех членов общины, которые стремятся выделиться с целью захвата большего количества земли, чем какое пришлось бы на их семьи в случае нового передела*; и г) соглашение с переселенцами и пролетаризованными элементами деревни, стремящимся развязаться с наделной землей, потому что не могут или не хотят вести на ней собственное хозяйство (например, выдача им пособий на известных условиях и т. п.)».

Я привел эти, довольно длинные выдержки для того, чтобы показать, что нелегальная, подвергающаяся жесточайшим преследованиям партия может и должна всетаки находить пути для участия в общественной жизни того класса, интересы которого она защищает, должна не только готовиться к политической революции, но и деятельно участвовать в *социальной эволюции*. Кроме того указания, содержащиеся в этих постановлениях четвертого и пятого советов, в известной части сохранили свое значение и для настоящего времени, как мы увидим, когда будем ближе рассматривать план работы *теперь*.

**
*

Каковы же должны быть основные черты тактики нашей партии в настоящее время?

Каковы ближайшие задачи российского социалистического движения?

Я не имею в виду в этой статье дать исчерпывающий ответ на оба эти вопроса.

Мы к ним не раз еще будем возвращаться, ибо они связаны с изучением тех условий, в которых нам приходится работать.

Но из того, что сказано выше ясно, каков должен быть *метод* выработки нашей тактики и каковы могут быть ее общие черты.

Политическая мысль многих эмигрантов — без различия партий — ограничивается несложным противопоставлением «революционной непримиримости» — «примиренчеству».

Но при этом, чем дальше, тем больше их «революционность» теряет всякое конкретное содержание, превращаясь в отвлеченную формулу, выражающую скорее известное состояние духа, чем реальный план политической борьбы.

Не говорю уже о том, что каждый «сектор» эмиграции понимает ее по своему.

Как же этот вопрос должна разрешить социалистическая партия?

Следует по этому поводу вспомнить совершенно правильное изречение Ленина, который был недурным революционным тактиком:

«Революционный лозунг при изменившейся об'ективной обстановке превращается в революционную фразу».

Нельзя, например, выдвигать лозунг вооруженного восстания (теперь говорят: «вооруженное свержение») и безнадежно пытаться вокруг него мобилизовать массы, если нет того, что называется «революционной ситуацией», если изменилось (или стало устойчивым) соотношение сил в стране, если вся совокупность об'ективных условий не делает неизбежным в ближайшее время стихийный взрыв.

Нельзя, кроме того, увлекаться поверхностными аналогиями с самодержавием.

Если я привел и буду еще приводить примеры из нашей прошлой борьбы, то вовсе не потому, что ликвидация большевизма пойдет, по моему мнению, обязательно тем же путем, что и ликвидация самодержавия.

Недостаточно установить некоторые общие признаки — полицейский режим, отсутствие свобод и т. д. — для того, чтобы вывести неизбежность новой революции.

Одного превосходства демократии перед диктатурой не достаточно для того, чтобы вызвать стихийное народное движение — и даже для того, чтобы обеспечить возможность государственного переворота.

Неизбежность русской революции вытекала не только из противоречий *отжившего* политического строя потребностям хозяйственного и культурного развития, но также из стремления крестьянства освободиться *от социального гнета* и завладеть помещичьей землей, из движения рабочих против нестерпимого и унижительного гнета хозяев.

Народ восставал против *враждебных ему социальных классов*.

И все же потребовалась колоссальная военная катастрофа, чтобы сделать возможным «вооруженное свержение».

Теперь положение сложнее.

Необходимо считаться с революционным происхождением власти, с ее социальными устремлениями, с ее влиянием на

известную часть рабочих и крестьян (одно время она отражала их утопические стремления, а затем и вполне реальные интересы — в борьбе с реставрацией), а также с тем, что она старается разжечь, раздуть, довести до пароксизма вековую, историческую *сословно — классовую* ненависть угнетенных к угнетателям, бывшую главной взрывчатой силой *всей русской революции*.

Нужно принять во внимание теперешнюю политическую пассивность рабочих и отыскать в данных условиях пути к их политическому пробуждению.

Все это входит в изучение той об'ективной обстановки, о котором я говорил выше.

Ясно, что *революционная* партия не может скинуть со счетов возможность насильственного переворота до тех пор, пока в стране продолжается бурный революционный процесс (хотя это вовсе не значит, что она обязана заниматься «вспышкопускательством»), и этим об'яснялись в прошлом окончившиеся неудачей попытки «сбросить» большевиков силой.

Ясно также, что она и в «мирное» время должна уметь предвидеть возможность или неизбежность стихийных движений, поскольку новый общественный и государственный строй, полный новых противоречий и пережитков старого, создает для них почву и готовит взрывчатый материал.

Но ближайшей, конкретной политической задачей *в данных условиях* (о которых подробнее в другой раз) является медленное накопление *политической силы*, способной *действовать*, пробуждение активности рабочих и крестьянских масс.

Если будет преувеличенно сказано, что *все* в политике решается в последнем счете *силой*, то несомненно, во всяком случае, что *без реальной силы* ничего, кроме фразеологии (национальной, классовой, революционной или примиренческой — безразлично) получить не может.

Прежде всего нужно создать силу, *стать силой*.

Какое будет ее применение в дальнейшем — будет зависеть от тысячи обстоятельств.

Но ни «эволюция», ни «революция» в желательном нам направлении невозможна без накопления политической энергии в непрерывном («текущем») действии.

В этом вопросе, я думаю, не может быть никакой принципиальной разницы между нашей и меньшевистской тактикой.

Участие в повседневной борьбе рабочих и крестьян *за*

право, отстаивание их интересов во всех столкновениях с властью и с «государством—хозяином», прояснение их политического сознания, борьба с утопическими заблуждениями и сплочение на почве демократически—социалистической платформы — такова основная задача сегодняшнего дня.

Но на ряду с этой политической задачей — и в интересах ее разрешения — необходимо, как мы видели выше, деятельное участие во всех попытках рабочих и крестьян строить свою экономику и поднимать свою культуру.

Участие в кооперативном строительстве, *не смотря на большевистские мудрствования*, работа над укреплением, развитием, усовершенствованием рабочей и крестьянской кооперации, проведение в ней принципов, отчасти изложенных в приведенных выше резолюциях 4-го и 5-го совета, выработка квалифицированных практиков кооперативного хозяйства и стойких идейных вождей социалистического — кооперативного движения — в настоящее время задача не менее важная и не менее ответственная.

Политическая борьба не должна исключать культурной работы. Последняя должна быть восстановлена в своих правах не только у «непримиримых», к которым обращена проповедь Е. Д. Кусковой, но и у Ф. Дана, в статье которого, (как и у Далина), тоже сквозит презрение профессионала «политика» к культурническим «малым делам».

Но эта тема слишком обширна, а мои «заметки» на этот раз и без того затянулись.

К «задачам социалистического движения в России» подробнее вернемся в следующий раз.

В. В. Сухомлин.

Иностранная жизнь.

Политические партии в Эстонии.

БУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ:

а) правые

Вследствие уничтожения крупного землевладения и при наличии всеобщего избирательного права, дворянство, этот естественный носитель консервативного духа, сброшен со счетов: *балтийско—немецкая партия*, законная представительница консерватизма, из ста мандатов *Rugikogri* смогла завоевать всего лишь три мандата! Правая образовалась, таким образом, из представителей крестьянства. — Правда, эта партия не охватывает всех крестьянских депутатов, но лишь одну часть, организовавшуюся в так называемую *крестьянскую партию*. Вожди этой партии, не подлинные крестьяне, ведущие хозяйство, — а в большинстве случаев лишь сыновья крестьян—горожане; это, главным образом, консервативно—мыслящие адвокаты, директора банков, крупные торговцы, промышленники, высшие военные командиры и аграрные литераторы.

Частью — это господа, занимавшие с начала создания государственной независимости видное положение; к ним затем присоединились предпринимательские и грюндерские элементы в ту пору грюндерского периода, когда они друг—друга взаимно дополняли и поддерживали.

Образование этой группировки объясняется также своеобразным переплетением интересов сельского хозяйства и экс-

портной торговли... Определенные круги сосредоточивают в своих руках экспорт продуктов сельского и лесного хозяйства, составляющих большую часть всего экспорта и в их же руках находится и импорт. По скольку же, для прикрытия своего политического тыла, им были необходимы избиратели, они искали их и нашли в крестьянской массе. — При сходности образа мыслей и еще не вскрывшегося противоречия интересов, не трудно было создать с нею некоторую политическую общность. — Правда, эта общность не вполне ясная и весьма возможно, что связи порвутся, пока же они все таки держатся.

Эта партия, верная опора консервативной лютеранской церкви, она против светской школы и очень была бы рада видеть также сохраненным церковный брак. Естественно, конечно, что она за систему косвенных налогов и против всякого обложения имуществ. И само собой разумеется, что государственные финансы Эстонии строятся ею на основе именно этой системы плюс алкогольная монополия! Так же, само собой разумеется, что эти элементы противники всякого социального законодательства, защиты труда и социального страхования.

Это крестьянский консерватизм в комбинации с невежеством и неразумием. — Консервативно настроенное крестьянство лишь инстинктивно приходит к познанию своих интересов, становясь, однако, немедленно революционным, как только дело заходит о защите этих интересов против феодального дворянства.

Во главе этой партии находятся сейчас: Константин Пяст, прежний редактор «Театая», — присяжный поверенный, уже три раза стоявший во главе правительства; генерал Лайдонер, командовавший эстонской армией против большевиков в 1918—20 году и вновь занявший пост главнокомандующего после 1-го декабря 1924 года; генерал Яан Соотс, военный министр; присяжный поверенный Яан Темант, теперешний премьер-мин.; профессор Юрий Улюотс, аграрные литераторы Юрман, Хюнерсон, редактор Тупитс и т. д. — Органом этой партии служит газета «Кая» в Ревеле. Только недавно им удалось приобрести самую большую буржуазную газету «Пявалехт».

Крестьянская народная партия колеблется между крестьянской партией и народной партией. Такая же сугубо консервативная, как только что упомянутая, она хотела бы лишь того, чтобы «христианское» было подчеркнуто еще отчетливее, чем это делается остальными двумя партиями. В парламенте она представлена лютеранскими пасторами, кистер-

ми и другими благочестивыми состоятельными людьми. Министерство Народного Просвещения большею частью находится в руках именно этой партии. — В данное время этот пост занят пастором Яаном Латтиком. С особым упорством стремится эта партия к тому, чтобы религиозному обучению в школе было отведено возможно большее место.

Избиратели этой партии рекрутируются из разных кругов, религиозно верующих. Во главе этой партии находится в данное время: инженер Амборг, нынешний министр путей сообщения, пастор Латтик, кистер Аннико, директор гимназии Рауткеши и другие.

б) центр

Центр образуют: народная партия, группа поселенцев, национал—либералы и национальные меньшинства. В период второй *Rugikogn* народная партия, крестьянская народная партия и национал—либералы образовывали, так называемый, «демократический союз». — Однако, летом 1925 года он развалился.

Народная партия или партия Яана Теннисона, по сколь-ку дело идет о политическом направлении и избирателях, на которых она опирается, очень мало отличается от правых. Разве только в том, что круги этой партии принимали меньшее участие в грюндерстве. И эта партия, так же, как и упомянутые, стоит на строго религиозной основе... — В числе вождей этой партии (рядом с Теннисоном) можно назвать Антопа Юргенштейна, принадлежавшего в свое время, вместе с Теннисоном, к кадетской фракции Государственной Думы. Затем, присяжный поверенный Юрий Яаксон, премьер—министр (1925 г.) и прежний министр юстиции, Кэрем — министр земледелия (1923 по 1925 г.) Органом этой партии служит «Постимеес» в Юрьеве.

Группа поселенцев — образец политической раздробленности. Она насчитывает трех членов, в качестве четвертого в нее вступил представитель «партии демобилизованных военных» Ляретей, получивший пост министра земледелия в декабре 1925 года, в то время, когда Теманту были решительно необходимы четыре голоса этой группы. — Группа поселенцев не имеет никакой политической физиономии, будучи вызвана к жизни лишь специфическими интересами поселенцев. Делте-

лями, имеющими какую либо политическую физиономию, она не располагает.

Таким же выкидышем в этом смысле является *национал—либеральная партия*. В свое время адмиралом Иог Питкой была вызвана к жизни своеобразная организация, ставившая своей целью борьбу с коррупцией. Несмотря на благую цель, успех ее деятельности был незначителен. Из этой организации выросла национально—либеральная партия. Сам Питка, провалившись на выборах, уехал от огорчения в Канаду. Четыре же его единомышленника прошли в парламент. Один из них, пастор Таллместер, стал известен, как либеральничалущий проповедник, который в качестве «истинного протестанта» хочет оживить новым духом страдающую от косности национальную лютеранскую церковь. Трое остальных, Веберман, Тамм и Уйбопуу готовы были бы ввести в буржуазный строй побольше искренности, если бы на путях к этому не стояло мирское злонаравие. Перспективы этой партии мало обещающие.

Рабочая группа это чисто буржуазная партия, основатели которой, очевидно, мечтали о чем то аналогичном социализму русских трудовиков или французских радикалов. — Впрочем, от «радикализма» кое-что они пока удержали. Так, например, требования отделения церкви от государства, светской школы, гражданского брака и т. д. ими еще не вполне оставлены и уже сейчас они готовы обсуждать эти темы. Они были также и за радикальное упразднение помещичьего землевладения, за полный и окончательный раздел крупной земельной собственности. Что же касается экономической, налоговой и социальной политики, — то здесь они идут рука об руку с правыми.

В числе вождей этой партии можно назвать присяжных поверенных Отто Страндмана и Луи Олеска, редактора «Адду» Андеркоппа и др. В нынешнем правительстве эта партия представлена тремя министрами: Каарна, министр труда и общественного благоустройства, Кавбус, юстиции и профессор Антс Пииц, министр иностранных дел. — Органом этой партии служит ревельский «Ваба Маа».

Относительно представительства национальных меньшинств сказать можно очень мало. Благодаря их незначительному числу, они политически стоят на заднем плане. Немцы почти всегда голосуют с правыми, в то время как русские колеблются между теми и другими.

Во всяком случае, законом об автономии национальные меньшинства ни в каком случае не обязаны своим политическим представителям.

Что разделяет эти партии?

Если принять во внимание хозяйственную структуру страны, то такая многочисленность буржуазных партийных группировок покажется не имеющей основания. В стране преимущественно аграрной — около 75% всего населения живет в деревне и около 59% живет сельским хозяйством — крестьянская масса образует главный контингент избирателей для этих партий! Торговля же в Эстонии большей частью мелкая, — крупная мало развита. Мелко—буржуазная масса, основывающая свое благосостояние на торговле, едва ли связана прочно с какой либо из этих партий. Стоящая весьма слабо на ногах, крупная индустрия тоже не смогла примкнуть определенно ни к одной из них. Вообще, национальная крупная буржуазия еще далеко не настолько ушла вперед, чтобы породить свое особое политическое объединение (крупная буржуазия немецкой национальности вверяет представительство своих интересов балтийско—немецкой партии).

И если мы проследим политику различных правительств, стоявших во главе государства с момента его основания, то мы не найдем ничего, что бы отличало их друг-от-друга в более или менее основном и важном, хотя все большие буржуазные партии перебивали у власти в качестве правительственных партий. — Как уже было упомянуто, Пяст был долгое время премьер—министром; стояли также во главе государства и Теннисон и Страндман; в 1924 году мы имеем правительство д-ра Ф. Акеля — христианская народная партия, в 1925 году Юрия Яксона — народная партия, и с 15 декабря правит кабинет Яана Теманта — крестьянская партия. Все были едины в основном: все держались взгляда, что сельское хозяйство важно со всех точек зрения и должно пользоваться государственной поддержкой. — Пясту делают упрек, что его правительство слишком поощряло грюндерство и давало большие кредиты индустриальным предприятиям. Однако, и к этому необходимо подойти, учитывая особые обстоятельства того времени.

Приняв же это к сведению, мы принуждены сказать, что дело идет совсем не о каких либо основных различиях. — Все

буржуазные круги, например, в равной мере за «частную инициативу» и против «государственного социализма», именем которого неодобрительно называются государственные предприятия; все одинаково разделяют мнение, что необходимо дать возможность роста национальному капиталу и т. д. Так же единодушно трактуется военный вопрос, система косвенных налогов, алкогольная монополия и пр. Ни одна из буржуазных партий не находит нужным бороться с жилищной нуждой, содействовать социальному законодательству или промолвить хотя бы слово в пользу социального страхования. Правда, Теннисон любит особенным образом подчеркивать национальный момент в то время, как ораторы рабочей группы не прочь блеснуть либеральным духом. Хотя и они в нужную минуту, однако, умеряют свой либеральный пыл, изъявляя готовность «поторговаться».

Эти противоречия в вопросах второстепенной важности должны были бы сглаживаться, если бы только партийные руководители проявляли больше уступчивости в вопросах личного свойства... Несмотря, однако, на личный и второстепенно деловой характер разногласий, кажется, что уже прокладывает себе дорогу и некоторая дифференциация. А именно: в имевших до сих пор место выборах мы наблюдаем следующую эволюцию трех главных буржуазных группировок.

	1919 г.	1920 г.	1923 г.
Рабочая группа	30	22	12
Народная партия	23	10	8
Крестьянская партия	8	21	23
	<hr/> 63	<hr/> 53	<hr/> 43

Из вышеприведенного следует, что сосредоточивание избирателей происходит вокруг крестьянской партии. Вместе с тем, по видимому, в пределах самой крестьянской партии назревает процесс внутреннего брожения, подготавливая раскол между городскими вождями и подлинными землепашцами.

Социалистические партии

Как зарождение, так и развитие политических партий в Эстонии шло под сильным русским влиянием. — Влияние западно-европейское может быть принято во внимание лишь во вторую очередь.

Вследствие тесной спаянности страны с Россией, значительное число эстонских рабочих работало в России в то время, как большое число русских рабочих работало в крупной индустрии Эстонии; социалистическая интеллигенция эстонской национальности воспитывалась в руссофицированной местной школе или в имперских учебных заведениях — здесь и там подвергаясь влиянию русских социалистов и русской литературы. Эстляндия не проделала никакой собственной революции — революционный взрыв помимо ее воли превратил страну в филиал русской революции, со всеми болями рождения нового, идущего на смену старому.

Это, естественно, отразилось и на политических партиях, в особенности на социалистических.

Под влиянием мировой войны русские армии и широкие народные массы были пропитаны революционным духом. Этот дух, в особенности радикальные лозунги большевиков и социалистов—революционеров, нашли в Эстляндии хороший отзвук. Менее благоприятный прием нашли социал—демократы, с их более умеренными требованиями и обещаниями.

Эстония — аграрная страна, с плохую пашней и неблагоприятным климатом. Повторяю: 74,3 % всего населения живет в деревне, 59% всего населения землепашцы. Городского и занятого в индустрии населения около 25%, число индустриальных рабочих около 40 тысяч, в то время как число сельскохозяйственных наемных рабочих колеблется от 60 до 70 тысяч. Наемные рабочие распределены тонким слоем по всей стране. Больших фабрик с числом рабочих 500 и более человек имеется весьма небольшое число.

Организация рабочих сопряжена поэтому с необычайными трудностями, в особенности, по сколько дело идет о сельских рабочих. Со времени уничтожения больших имений (1919—26 г.) приходится иметь дело с одиночными наемниками крестьянских хозяйств, работающими вместе с хозяином и его семьей и чрезвычайно трудно поэтому уловимыми организационно.

В российские времена речь могла быть лишь о нелегальном рабочем движении: ни политические, ни профессиональные организации терпимы не были. Понятно поэтому, что революция нашла неорганизованные, политически невоспитанные массы, без широкого кругозора, без понимания вопросов, которые предстояло решать. Позиция рабочего класса определялась скорее инстинктом. Оказываясь, в большинстве случа-

ев, верным, он не мог, однако, заменить собою знание. Наихудшим следствием этого было слишком большое легковерие рабочих коммунистам и их друзьям и недостаточно сильное сопротивление проникновению такого рода элементов в ещё слабой организации, ведшее их к быстрой гибели.

Итак, из вышеизложенного следует, что социалистическая рабочая партия не имеет за собой сильной организации. — Весной 1925 года состоялось объединение независимых социалистов и эс—дэ под именем «социалистической рабочей партии». Нужно признать, что это объединение содействовало укреплению партийных сил.

Коммунистическая партия, после попытки путча 1 декабря 1924 г., на основе особого закона о защите государства, распущена. Коммунистическая пропаганда после этого, конечно, не прекращена вполне, но стала нелегальной.

Социалистическая рабочая партия находится в состоянии роста: ее нельзя ставить на одну доску с социалистическими партиями развитых стран. Своих избирателей она рекрутирует, главным образом, не из индустриальных рабочих, но, наоборот, в большинстве из различнейших слоев пролетарского и полупролетарского сельского населения страны, среди которых много элементов, которых в других странах рассматривают как «митлейферов» (попутчиков). Так будет длиться еще долго, ибо индустрия находится в крайне трудном положении: потеряв свой прежний русский рынок, она принуждена в полном смысле этого слова, перестраиваться. Безработица, с сопутствующей ей низкой заработной платой, тяжело давит на рабочий класс. Успешная организационная работа поэтому очень трудна, и трудности ее создают почву для коммунистического подкопа, что еще более усугубляет тяжесть этой задачи.

Вместе с государственной самостоятельностью перед социалистическим рабочим движением встают и новые задачи. Они были и раньше известны социал—демократии, которая высоко ценит, с точки зрения интересов рабочего класса, политическую самостоятельность и принимает участие в ее укреплении, непрестанно имея в виду и прямые интересы рабочего класса. И если, к сожалению, хозяйственное положение страны оставляет желать много лучшего, то нужно не забывать и того, что народы, даже богатейших стран, тоже находятся сейчас в состоянии неустойчивости и ищут почву для будущего. Не приходится поэтому удивляться тяжелому положению молодых капиталистических государств; вполне естественно, что

и рабочему классу этих государств приходится страдать сильнее всех.

Социал—революционеры, позднейшие *независимые социалисты*, стояли было в начале в стороне от этих стремлений, пропагандируя государственное объединение с Россией. Теперь, однако, они отошли от этой позиции, и сомкнули свои ряды с социал—демократией. Принуждены были примкнуть к социалистам и коммунистические делегаты парламента, образуя в данное время единую фракцию.

В числе вождей этой партии можно назвать Августа Рея (председателя парламента), Карла Аста, Леопольда Йогансона, Ян Пейскера, Эрика Ионоса, Оскара Густавсона и до сих пор в числе их называют также и пишущего эти строки.

Социалистическая рабочая партия стоит на демократической платформе, полагая, что на почве демократии лучше всего может развить свою силу и рабочий класс. Это образует водораздел между социалистами и коммунистами. Последние стремятся к включению Эстонии в пределы Советской России.

Могут сказать, что эстонская социалистическая партия в сравнении с аналогичными партиями других стран далеко еще не может быть названа сформировавшейся.

Пожалуй, в таком виде, как она есть она образует скорее оппозицию против правых, но ищет, по крайней мере, инстинктивно верную водораздельную линию.

М. Мартна.

Среди книг и журналов.

Оргия пошлости.

Некто, упорно скрывающий свое имя под не очень грамотным псевдонимом—Сэр Галахад (англичанине, как известно, употребляют сэр только перед крестным именем), выпустил злобный памфлет против русской культуры "Idioten - führer durch die Russische Literatur" — "Путеводитель по идиотам в русской литературе". Книгу, как, вероятно, согласится читатель, правильнее было бы назвать "путеводителем для идиотов", нет — даже "идиотским путеводителем" и обойти ее молчанием. Но, увы, у «сэра» (говорят, дамы - писательницы, проживающей в Вене), издающего свои книги в главном центре немецкой литературы — в Мюнхене, имеется очень большая аудитория. Его книги расходятся в десятках тысяч, его "Путеводитель" не сходит с прилавков. Отозвались на "Путеводитель" и в русской прессе, а в Берлине было посвящено обсуждению книги два собрания и при этом, судя по отчетам, относились к "сэру" более чем сдержанно: патриотизм — патриотизмом, литература — литературой, а фашист фашиста видит издалика.....

Между тем, вопреки поговорке "бумага все терпит", уважающие печатное слово и охраняющие его достоинство, не могут, прочтя "Путеводитель", спокойно разговаривать с его автором. Чтобы заклеить его в России, нужно было бы перевести и издать полный перевод "Путеводителя". Книга сама говорит против себя. Но в ней 164 страницы, мы же живем в эпоху экономии. Попробуем поэтому сначала

дать основные мысли "сэра", передавая их возможно ближе оригиналу. А затем не удержаться все же от хотя бы краткой ему отповеди.

I.

Вот что говорит сэра Галахад:

Уже с Каменного века — за десять тысяч лет назад — селились славяне по берегам Дуная. Но свою историю Россия ведет лишь с IX века по Рождеству Христову. Русская история начинается с призыва норманов, а последняя ее глава открывается импортом марксизма (1) в пломбированных вагонах. Святая Москва получила свои церкви из Византии, свои дворцы из Болоньи, Кремль — точная копия Феррарских крепостных стен, а Феррара — самый отвратительный город Италии. Петр Великий пытался из скотов, как он называл подданных, сделать людей по западным образцам....

Клевета на татар, что они задержали развитие России. Хань сидели в Самарканде и требовали себе только дани. Под таким же «игмом» Персия творила, насаждала розы, строительствовала; под «великими монголами» — теми же татарами — столица Бенгал — Агра выросла в чудо света. Память о Джингис - хане чтится до сих пор, во всей Сибири (как в Австрии память об императоре Иосифе втором).... Как биологический закон, установлено, что расы высшего ранга у зверей и у людей выявляют существо своей творческой силы в самом начале их бытия. У России никогда не было ничего своего. Не было даже религии. Какие то зародыши понятия о боге погоды, подмененном богом, привезенным из Византии, где его сумели показать окруженным роскошным убранством, челядью, драгоценностями, ангелами... Азбука (кириллица) была привезена в Россию двумя греческими монахами. Только гордыни у русских было всегда в избытке: славяне одни владеют *словом*, остальные — немцы, *немые*.

Русский народ, по свидетельству Ибн - Фосдлана, самые нечистоплотные люди, когда либо созданные Господом. Совершив естественное отправление они не очищают себя, —

и если ночью замараются, не станут мыться, как если бы они были дикими ослами. Покрытые калом и грязью, появляются они без признаков чистоплотности на многолюдных собраниях, писал о русских еще Прокопий... Такой Россия остается и поныне.

И эта Россия пытается говорить миру свое вещее слово. Так как вежливость требует, чтобы новопришельца, как бы ничтожен он не был, сажали на первое место — она была принята, как равная, высшими народами. Россия облевала из своей мертвой глотки звездные дома прочих, сделав их необитаемыми... А гостей — встречают процессиями экстаза, эстеты с своих высот плют свое высоко - благородное одобрение, прячут дальше Гомера, Шекспира, Гете, чтобы расчистить место гостям.

Кто же эти гости?

ДОСТОЕВСКИЙ

заставляет своих героев непрерывно заниматься духовным онанизмом. Головные мазохисты с садистками в паре. Время от времени его герои восклицают:

”Есть бог или нет?“

С чисто восточной бессмысленностью и татарской хитростью подмешиваются сюда славянские мотивы: Россия обожествляется, ее царь должен венчаться на престол в Риме, папа — антихрист — должен быть уничтожен. Царьград станет столицей Мира. Народы должны распростереться в прах перед Россией, их мечом заставят идти под попов, под кнут, под крест — заставят прийти к мужицкой вере, ибо только последняя совершенна. Человечество — на колени! Оно слишком плохо даже на то, чтобы идти на одобрение для России.

Так учил Достоевский, который на Западе изучал только... рудетку. Жалкий эпилептик, глубоко развратный, он возвел идногов в идеал в русской литературе: отпущенные из дома для умалишенных (Мышкин), прыгнувшие в келью после уклонения от дуэли (Зосима), рассудочные убийцы (Раскольников), фригидные анемички (Соня) и просто никудышные юноши (Алеша).

Секрет психологизма Достоевского в удушливой атмосфере его романов: раскройте окно и две трети «психологии» исчезнут. Сам автор всегда крепостной своей тяжелой раздвоенности. От атеизма к догматам, от ненависти к смирению, от слепого "да" к немому "нет", он расплывается в противоречиях и визжит: я ненавижу гармонию.

С возвеличением идиотов началась мировая травля знати и знатности, как качества.

Чистейшее воплощение нашел Иванушка - Дурачек у

ТОЛСТОГО.

Здесь уже начинается кретинизм с двумя сопутствующими эрзатцами оргазма: эксхибионизмом, влечением к самообнажению и копрофилией, наслаждением нечистотами.

Но если говорить откровенно, то следует всех русских людей отпести к области незрелой (инфантильной) порнографии.

Только реклама могла сделать из Толстого пророка: все творения его беспросветно плоски, не согреты внутренним огнем.

Толстой невежественен, как кавалерийский офицер, он не понимает ни музыки, ни истории, ни религии.

Толстовский материализм в подходе к искусству вне России можно встретить только у детей моложе 12 лет и у слабоумных. Это типично для страны, не давшей ни одного значительного философа.

Только русские "философы", как Михайловский, могли думать:

"Кто выше, деревенский парнишка Федька или Фауст? — Федька — выше, так как его с детства влечет к полезной работе, Фауста же лишь на склоне дней"....

Толстому, как и русской литературе вообще, чужд эрос. Почитание эроса, этого безжалостного начала эволюции, подчиняющего, гонящего каждую тварь на вершины вида, отличает каждого человека, что либо об этом предмете знающего, живет ли он аскетом или нет... Ни один индус не будет как Хела (ученик), принят в Рая-Йога, царственный путь мистического совершенства, если до того не отличен в

совершенстве эротическом. Ибо только оно требует целостного жизненного совершенства тела и души, как его орудия. Требуется: экстаз, фантазия, интуиция, гений во всех порах, такт в каждом мускуле, искусство выше искусств: совершенная ночь любви.... Дон Жуан (не Моцарта) мог бы стать Хела; эротически никогда не отклоняющийся плебей, как и св. Антоний — никогда....

За одно с Толстым и вся Россия не знает эроса, не имеет она молодости (нигилист Базаров!): без творческих грез, без направлений, без стержня, без звезд....

Смешно говорить, что Россия еще может подрасти: недоразвитому уроду с длинной бородой можно ли предрекать лучшее будущее только потому, что он не смог кончить двух классов народной школы? Россию сравнивают с средневековой Европой. Но кто теперь выдвигает в России такие вопросы, как проблему о номинализме и реализме? Средневековый человек сумел подчинить, преодолеть, а после Возрождения и изжить христианство.

Россия не имеет ничего своего. Нет у нее и науки, а только Академия Наук. — имеются ведь, и негритянские университеты. Во всем бесплодная влечется Россия к хаосу. Теперь Россия стала избранным народом для евреев. Евреи любят работать чужими руками, чужим капиталом, чужими идеями. И евреи берут центральную идею русской литературы: от образности назад к хаосу. Соединяя эту идею с марксизмом, коммунизмом, учением о коллективном сознании, евреи убивают теплоту в человечестве.

С русским Христом, с эксхибиционизмом, с самооплеванием, всепокорностью, мужикоманией, искусственным инфантилизмом, втаптыванием в грязь, всепримирением и идеалом Иванушки ведут евреи мировую травлю знати. Все, что противостоит хаосу, образность, воля к качеству, создается не обыкновенными людьми, а знатью.

Имея свою аристократию (сефардимы), свои тайные мистические учения, евреи навязывают другим народам культ Иванушки, одобренный марксизмом.

Развитие личности и марксизм исключают друг друга.

ибо для личности требуется твердая опора в частной собственности....

Нужно отбросить идеалы Иванушки и понять, что Россия — необъятная масса негодных зародышей, перезрелый зародыш расы, давно уже ставшей зачумленной гнилью, ибо был слишком косен и труслив, чтобы во время принять образ, раздаться под солнцем.

Поэтому Россия — враг, а не цель.

Навсегда останется Россия такой, какой описал ее Гомер.

Там Климмериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там птица лучезарного Гелнос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильными, сходит к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

II.

В предыдущей главе мы дали выборку наиболее существенного из книги сэра Галахада, не изменяя его мыслей и выражений и абсолютно воздерживаясь от реплики. Теперь попробуем ему ответить. Это не так то легко, так как несмотря на то, что сердцевина его мыслей до банальности пошла, а темный язык вульгарно непстов, оп, со свойственной мелким немецким журналистам дурной развязностью, проявляет универсальную энциклопедичность и покушается на широкий подход к теме. На нескольких страничках он пытается дать характеристику исторического развития русского народа, не зная хорошо нашего прошлого и не пытаясь обратиться к исторической науке. Не будем подражать ему. Но кое о чем ему напомним. Не только молодая русская культура содавалась путем рецепсии, усвоения и положительных и даже отрицательных продуктов культуры соседних народов. Но только невежды и слепцы могут утверждать, что, усваивая чужое, Россия не претворяла это чужое в себя потребное и не преображала его в нечто новое и своеобразное. Утверждать, что Кремль на

реке Москве словно перенесен с реки По, значит, обнаруживать незнание не только истории Кремля, но и непонимание вообще роста крупных исторических памятников. Сколько поколений над ними трудятся, какую смену вкусов, знаний, приемов они всегда обнаруживают.... Построенный итальянскими зодчими храм Василия Блаженного в Москве единственен и неповторим. Никто не назовет Москву копией Рима, а вот Мюнхенцы гордятся, что их красивый город — вторые Афины: и мюнхенские архитекторы всячески копировали и копируют греческие стили. Строившиеся задолго до «чюдного дела» Бармы и Постника в XII и последующих веках Важскими и иными русскими плотниками — не по указке зодчих — деревянные церковки нашего Севера не менее прекрасны, чем "Блаженный", и ни у кого не заимствованы. А вся колонизация Севера, а затем Сибири не свидетельствует ли о необычайной мощи и разносторонних устроительских способностях русского народа? Пройти в XVII веке путь до берегов Тихого океана через всю Азию, закрепить его за собой и перебросить позже свои колошты в Аляску и Калифорнию было большим подвигом, чем открыть Америку по дороге в Индию.....

В работе русский человек редко проявляет самотность, лйность: не корысть, а само дело, любовь к нему, заставляет не только играючи одолевать страды, но и упиваться страдами. Ни один народ не проявлял и не проявляет такого муравьиного тяготения в согласной артельной, задружной работе, как русский. Соборное хозяйство — та стихия, в которой вырастают у него крылья.

Если, несмотря на эти устроительные таланты, русские люди еще живут бедней, чем их западные соседи, то вовсе не потому, что у них меньше запросов к материальной культуре и не потому, что им сродни Диогеновское презрение к форме, а потому, что при удовлетворении своих потребностей русские люди встречали гораздо больше препятствий.... Но вряд ли справедливо говорить об убожестве и грязи русского простолюдина на основании и впечатлений византийского историка VI в. и арабского географа X века... Ведь и в Западной Европе еще в начале второго тысячелетия даже в королевских дворцах, например, не имели ночной смены белья, не употребляли вилок,

да и много позже парики прекрасных маркизов были набиты насекомыми, а дорожки Версаля были загажены при Людовике-Солнце нечистотами, так как уборных не было... Чистоплотность — прекрасное качество, но прямого отношения к развитию литературы и духовной культуры в целом, к сожалению, она не имеет. Немцы, несомненно, в XX веке стали чистоплотнее чем в XVIII, но теперь ни Гете, ни Шиллера у них не обретается. Американцы могут позволить себе гораздо большую роскошь в чистоте чем Европа ("старушка" кажется им очень грязной), но их духовная культура, несмотря на Эммерсона и Джемса, еще далеко не достигла уровня Англии, Германии, Франции... и России. Возможно, что татарское иго кое чему и научило русский народ, но оно, несомненно, помешало более раннему сближению России с Западом. Что касается тяжести «ига», то пожалуй, иго татарское было действительно легче, чем иго Бирона и Штюрмера...

Почему пленение византийской церковностью в X веке русских людей может быть предметом злобных насмешек, когда в плену у Римской церковности по сю пору вся Южная и значительная часть Средней Европы?

У англичан, так же, как и у русских, нет своего алфавита, но разве это унижает их высокое достоинство в истории?

Не будем касаться нечистоплотности языка сэра Галахада. К нему вполне применимы слова Прокопия Кессарийского, им цитируемые к унижению России. Вряд ли последняя, ответственна за то, что немецкие "эстеты" оценили русскую культуру. И несомненно понятно, почему признание новых гениев отменяет прежних, давно канонизированных.

Применение фрейдовских терминов к Достоевскому и Толстому столь незаслуженно и грубо, что приходится посоветовать автору полечиться сначала хотя бы психоанализом.

Да, Достоевский был эпилептик... Но история человеческих гениев знает не мало больных гениев и эпилепсией (начиная с Магомета) и другими более разрушающими болезнями (Шопенгауэр, Ницше, Гейне, Мопсан и т. д....) Достоевский не только изучал рулетку, но и хорошо знал историю Запада, его литературы, почитал Шиллера, Бальзака. Автор иронизирует над психологизмом Достоевского, — мы не

знаем, насколько он компетентен сам в вопросах психологии. Зато один из крупнейших современных психологов Альфред Адлер (и не он один!) в специальной работе разъяснил, как обогатил Достоевский науку о человеческой душе.

”Сэру“ не нравится ”раздвоенность“ Достоевского. Но разве ему известны религии или даже философские системы, упраздняющие понятия добра и зла? А учение об антиномиях Канта и ”диалектика“ Гегеля ”сэру“ незнакомы? Больше всего, однако, он не может примириться с возвеличением Достоевским идиотов. Прочтя книгу ”сэра“, мы особенно были склонны восстать против оправдания идиотов. Но допустимо ли смешивать ”идиотов“ Достоевского, как и Иванушку Дурочка русских сказок, с пошлыми идиотами, за примером для которых, ознакомившись с путеводителем, ходить не далеко?

Утверждение ”сэра“, что русской литературе чужд эрос, автором не обоснован. Вряд ли одна из других литератур так многообразно отражала любовь во всех ее проявлениях, как русская: Пушкин и Тургенев, Толстой и Чехов, Достоевский и Горький, Лермонтов и Сологуб, Вл. Соловьев и Блок, Островский и Печерский, Розанов и Шкапская, Ахматова и Есенин, Бунин и Куприн, Замятин и Пильняк.... Такой гаммы любви не знает ни одна из литератур. И какое целомудрие в изображении и любви небесной, и любви inferнальной, и любви житейской. Не менее примечателен и иной, более глубокий эрос — свойственный русской духовной культуре вообще — эрос правды. А кто правды ищет, того Бог сыщет.

Книга ”сэра“, если угодно, может быть примером обратного: эроса неправды. Но слишком низмен и мутен источник, который питает такой ”эрос“ — и не хотелось бы в этом случае осквернять прекрасное слово неподобающим, кощунственным его употреблением.

Мы не знаем, какую школу смог окончить ”сэр“. Вряд ли, однако, он имеет научное образование. Нет той области знания, в которую русские ученые не сделали бы вкладов, глубоких и прочных. Разве каждому образованному европейцу не должны быть ведомы имена Ломоносова, Лобачевского, Чебышева, Менделеева, И. И. Павлова, К. А. Тимирязева,

И. Мечникова, Докучаева, Пржевальского, Ключевского, М. М. Ковалевского, Виноградова, Кондакова, Ростовцева, А. А. Чупрова, Туган - Барановского? Приводим только имена бесспорные из разных областей знания — для примера. Не трудно список этот умножить.

Даже в области философии, интерес к которой возник в России сравнительно очень поздно, можно назвать авторитетные и на Западе имена Вл. С. Соловьева и Н. О. Лосского. Оценит еще Запад пока недоступного ему "русского Нитцше" — В. В. Розанова. Давно признаны за то заслуги русского гения в области социальной философии: Бакунин, Крапоткин, Лавров, Михайловский, в истории искания и обретения людьми правды - справедливости, занимают не меньшее место, чем утописты и учителя "научного" социализма.

Много глупостей наговорил достопочтенный "сэр". Но, ведь, когда дочитываешь его памфлет ясным становится, для чего требовалось сие гнусное произведение. Нужно защитить *знанье* от плебеев, нужно защитить *собственность* от коллективистов. Как и полагается памфлету "хорошего тона", рассчитанному на изысканных читателей, "сэр" не обошелся без "жидотрепки". Он похвально последователен и проникновенно усматривает черты семитизма не только в иудаизме... и марксизме, но и в христианстве.

Его теория "навоза", то есть того, что Россия служит евреям средством "удобрения", не нова и применялась не только к евреям. Его вера в "сефардимов" стоит на уровне откровений наших Нилусов.

Сэра очень пугает все плебейское. Воплощением же аристократии, вельможности является для него, повидимому, уже уходящее в прошлое немецкое юнкерство. Достопочтенный "сэр" не догадывается, что именно в народности не случайно, а в меру дарований и годности выявляются вожди по званию... Только в революционные эпохи могли подняться на верхи государственного управления Кромвель и Наполеоны. Только в демократиях ведут массы Бебелы, Жорэсы, Масарыки.

Пониманию сэра совершенно недоступно то, что именно частная собственность держит массы в хаосе нищеты и неве-

жества и что только социализм сможет поднять человеческую породу до сытости и иного благополучия и тем освободить силы для духовного цветения. Автор поступился богом, выкинув, "как изжеванную еще до Ренессанса жвачку" христианство — и, очевидно, не успел еще заготовить собственных религий. Противопоставляя на нескольких страничках хаосу образность, сам он не победил еще хаоса своих мыслей о смысле мироздания.

Так как годных для защиты знати и собственности средств ни у автора, ни у его единомышленников не имеется, то пришлось прибегнуть к пошлым эрзатцам. Для того, чтобы то, что материал автора недоброкачественен, было не так заметно наивным читателям, он напустил на себя хлыстовское непотство. Получилась оргия слов, но она не опьяняет и не завешивает от внимательного читателя пошлость мыслей и низости побуждений....

Теперь принято часто сетовать об упадке Европы. Мы не принадлежим к числу пессимистов. Европа — не одна, Европ много, для упрощения будем считать, что их две: старая и молодая. Молодую Европу тянет к правде, к красоте. Молодая Европа хочет жизни полной, яркой, острой — интенсивной. Интенсивизм так же характерен для эпохи нашей, как — простите за "взмы" — национализм, идеализм, утилитаризм, реализм, импрессионизм, прагматизм, экспрессионизм, для предшествующих.

И интенсифицируя культуру новой Европы, ее передовые духовные силы без русской духовной сокровищницы обойтись не смогут. Шельмования сэра Галахада, даже если бы они были умнее и справедливее, нас не страшат. Россия не без недостатков и кое в чем покаяться всенародно и следовало бы: быть молодцу не в укор. Эти недостатки, однако, совсем не там, где их указывает сэр.

Кокетничая мнимыми познаниями Россия, "сэр" Галахад, цитируя — из каких рук? — и летописи, и Киреевского, и Троицкого, упорно избегает назвать русского же мыслителя, у которого он воровски записывает подход к России — П. Я. Чаадаева.

В "Философских письмах", написанных еще в конце

20-х годов прошлого столетия, Чаадаев об'являл, что у России "нет ни "верований", ни воспитанного временем разума, ни ярко очерченной личности, ни развитых течением длинной, одушевленной, длительной, богатой результатами интеллектуальной жизни — мнений...". "Ни одной полезной мысли не возрасло на бесплодной нашей почве, ни одной великой истины не возрасло среди нас"... "Мы составляем пробел в порядке разумения".

"Истинная причина нашего интеллектуального бессилия: ф'акт географический", полагал Чаадаев, но не дописал своих мыслей...

Сэр Галадах, как бы вторя ему, обращается к описанию земли Киммериян. Конечно, только обладая географическими познаниями эпохи Гомера, возможно винить русскую природу в незадачах русской истории. Бесконечно разнообразная и потому самодовлеющая, сказочно богатая и еще девственная русская земля только начинает питать мир своими всходами. И уже так велика доля этих всходов в культурном урожае человечества!

Д. Лутохин.

А. Блок. — Неизданные стихотворения 1897 - 1919 г.

В небольшую книжечку «Неизданных стихотворений» А. Блока*) вошли неопубликованные при его жизни произведения. Главным образом, как отмечает сам редактор, были использованы десять тетрадей беловых списков его стихов, но также были просмотрены черновики и дневники, и книги из библиотеки поэта, из которых извлечены фрагменты и паброски. Исключение составляют вещи, связанные непосредственно с контекстом дневников и разночтения. Из текстов выбирался всегда хронологически наиболее поздний. В виде добавления в конце книги находятся более поздние отметки самого Блока к своим стихам. Таким образом, остается не вполне ясным принцип, которым руководствовался редактор при выборе стихотворений, и можно предполагать, что не маловажную роль здесь играл личный вкус. Далее, как даже отмечено в кратком послесловии, история текста стихотворений была вне поля внимания редактора, а потому мы имеем право спросить, какова же вообще цель этой книжки. Очевидно, она должна ознакомить более или менее широкую публику с тем, что Блоком было отвергнуто или не напечатано или переделано.

Полагаю, что среди так называемой "широкой публики" найдется лишь очень малый круг, который воспримет это должным образом, без частного любопытства, а как одно из средств проникнуть в глубины творчества поэта.

Полагаясь на заметку, что тексты книги точнейшим образом соответствуют оригиналу и что в них лишь старая орфография переведена на новую, мы можем при внимательном чтении, как самих стихов, так и отметок Блока найти,

---

*) Редакция и примечания П. Н. Медведева. Изд. «Жизнь и Искусство», Ленинград, 1926.

однако, несколько довольно интересных вещей. Прежде всего это целый ряд понятий, выражений и эпитетов, которые оказываются свойственными всему творчеству Блока. Так, например, в самом раннем напечатанном в данном издании стихотворении, принадлежащем к 1897 году, мы находим выражение «Где то скрипка рыдает в ночной тишине». Сколько потом рыдало этих скрипок по различным стихотворениям Блока, особенно в период его увлечения цыганской формой романса. Еще более разительный пример находим в "Поэме" того же года, где в несовершенной, сжатой форме, в недоделанном виде мелькает сюжет позднейшей пьесы "Роза и Крест". По этим же стихам мы можем наблюдать, насколько некоторые настроения приходили и самому поэту раньше, чем достигали публики и чем предполагали критики. Я бы сказала даже, что все написанное Блоком в течение его жизни, было с самого начала в нем. Это могло бы служить интересным доказательством в пользу единства творчества каждого автора и против взгляда о множестве фаз творчества. Наипримернейшим примером могут быть "Поэты", которые в более обработанном виде были опубликованы в 1908 году, и когда начало, по общему мнению падать у Блока настроение и он начал мрачно взирать на свет. В действительности и первый вариант (так приходится гадать в темную за отсутствием в книжке параллельных текстов) был написан в 1903 году, а может быть, и еще более раннем году.

Так жили поэты — и проклинали день,
 Когда услышали о чуде.
 А рядом был шорох больших деревень
 И простые (здоровые) люди.

.....
 И знали о рабстве — но все сознавать
 Считали угрюмым величием.
 И серые маски пришлось закрывать
 Небывалым и страшным обличием.
 На красных губах появились черты
 Какой то улыбки безбрачной.
 Открылись болезни; согнулись персты
 И стали как ногти прозрачны.
 И ночью мужчина к мужчине вошел
 И с женами жепы смешались.
 А утром по улицам топот прошел
 И долго кому то молились....

.....
 Так жили поэты. Казалось порой,
 Что зори всходили другие,

Что утро, иль день, или вечер — чужой,
 И любимые ноги — чужие.
 Так было, когда провожали они
 Одного из готовых и твердых
 На подвиги жизни, на новые дни —
 На выход из замкнутой касты.
 Но реже и реже пустынный квартал
 Оглашался прощальной тревогой.
 Давно уж никто уходить не дерзал.

.....
 И все уставали от вечных надежд,
 На чей то неведомый голос.
 Боролись, кричали, громили невеж.....
 А в поле был ветер, цвел колос.

.....
 За городом вырос угрюмый квартал
 На почве болотной и зыбкой.
 Здесь жили поэты. И каждый взирал
 На другого с преважной улыбкой.

Для нас особенно интересны четыре последние строчки, в точности передающие не только настроение более поздних "Поэтов", но главным образом и "Ночной фиалки".

Наконец, что еще довольно интересно, так это — наброски последних лет. По ним явствует, что Блок еще после "Двенадцати" писал, что его молчание пришло не сразу. Я полагаю, что при более тщательном исследовании как черновики, так и дневников найдется и еще больше неизвестного материала. Позволю себе привести два небольших наброска, представляющих широкий интерес. Первый из них относится к 1918 году и писан одновременно с «Двенадцатью», полон их духа и ритма. Мне кажется, он даже может помочь определить все еще колеблющимся, куда отнести "Двенадцать" ..

РУССКИЙ БРЕД.

Зачинайся, русский бред..
 Древний образ в темной раке,
 Перед ним — подлец во фраке,
 В лентах, звездах и крестах....
 Воз скрипит по колее,
 Поп идет по солее....
 Три... в автомобиле.....
 Плачь заказан, снов не свяжешь,
 Бредовым....

Наконец, второй отрывок, о котором я говорила, относится к 8-му апреля 1919 года, он заканчивает книгу и завершает как бы до сих пор известные произведения Блока. В нем говорится снова о России, о том великом, что в ней любимо и этим действительно даже формально как бы завершается круг — первые слова совпадают с последними. Вот они.

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно,
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почитать,
Потому что там и тут,
В лужу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа —
Там и тут....
Так звени стрелой в тумане
Гневный стих и гневный вздох.

Н. Мельникова-Папоушек.

Отзывы о книгах

Проф. Н. А. Белов. Физиология типов. Под редакцией и с предисловием В. М. Бехтерева. Изд-во «Красная Книга», Орел. 1924 г. Стр. 247 в 4^о, 2 руб. 4000 экз.

Проблема личности за последнее время становится одной из центральных в разных областях знания, не отменяя, но восполняя социологическую точку зрения. Напомним хотя бы философские труды В. Штерна; работы по «психо—анализу» З. Фрейда, учение об индивидуальной психологии А. Адлера; разнообразные исследования по характерологии, отчасти объединенные специальными немецкими ежегодниками под редакцией Утица; окрашенные «персонализмом» педагогические сочинения Клапареда, психотехнические — Мюнстерберга и его школы; новый подход к учению о темпераментах Кречмера и т. д. Даже в области медицины, как свидетельствует В. М. Бехтерев, «на первый план выдвигается уже **не болезнь**, как таковая, а **больной организм**, со всеми его особенностями и проявлениями», ставший объектом специального отдела общей патологии под названием учения о конституции. Широкое освещение вопроса о личности из медиков дал в громадной свободной работе по «клинической социологии» берлинский проф. Фр. Краус. Большой интерес, однако, представляют более узкие типологические исследования Бауэра, Борхардта и др. К числу работ этого же «узкого» круга нужно отнести и выдающуюся книгу безвременно скончавшегося Н. А. Белова.

Н. А. Белов определял типические особенности личности, как результат воздействия трех моментов: 1) врожденности, 2) эргоногенеза и 3) воспитания. Под именем эргоногенеза он разумел образование в органах тех или иных действующих начал (эргона), оказывающих влияние на функции самого выделяющего их организма. При посредстве эргонов, являющихся агентами согласо-

ния субъективного и объективного, происходит преломление начального типа во встречной среде. В своей книге Н. А. Белов использовал не только громадную литературу, но и собственный громадный экспериментальный и клинический материал; поэтому она представляла бы интерес и для иностранцев.

Книга распадается на две части: 1) участие эргоногенных органов в образовании особенностей внешности, и 2) отношение эргоногенных органов к образованию особенностей нервно—психической деятельности. К числу эргоногенных органов автор относил не только железы, но и прочие элементы организма: сердце, мышцы, кожу и т. д. При этом он изучал не только изолированное действие каждого органа, но и взаимодействие органов.

Если нарушения в отравлении органов значительны, возникает личность патологическая, если они незначительны, то вырабатываются только отличные типы, обычные колебания нормы. Конечно, для образования типов требуются не преходящие, а стойкие, не исправимые саморегулированием организма нарушения эргоногенеза. «Наиболее изменчивыми являются те составные свойства типов, которые возникают позже. Раньше всего заканчивается развитие костяка, а потому на него больше всего влияют врожденные свойства и нарушения эргоногенеза в ранние периоды жизни. Позднее заканчивается развитие мягких частей тела, а потому на них в меньшей мере отражается врожденность и в большей мере эргоногенез. Наконец, позднее всего останавливается развитие нервно—психической сферы, а потому на нее менее всего влияет врожденность и более всего эргоногенез.» Установить связь между отравлениями эргонообразовательных элементов, по мнению автора, значит тем самым установить и связь между внешностью и так называемым «внутренним миром»: «характеристика физического типа будет являться средством познания нервно-психических особенностей». Задачи «физиологии типов» Н. А. Белов ограничил установлением импульсов, диктуемых эргонообразованием. Вопросы о формах, в которых эти импульсы будут выявляться, он отнес к области рефлексологии.

Приходится пожалеть, что смерть помешала талантливому исследователю продолжить свою работу. Но в ней он не был одинок, Результаты позитивной типологии уже теперь весьма значительны. Ими, несомненно, готовится реформа многих областей «наук о духе».

Следует пожелать книге широкого распространения. Редактору приходится упрекнуть в том, что, выпуская посмертный труд Н. А. Белова, он не позаботился приложить биографию и список трудов почившего.

Ф. Репейников

А. Р. Кугель (Ното Новус) Листья съ дерева. Воспоминания.
Изд-во «Время». Лгр., 1926 г. Стр. 212 в 8°. 1 руб. 50 коп. 3.000 экз.

Книга является продолжением «Литературных воспоминаний», изданных в 1923 году «Петроградом». Вышедшая теперь вторая часть мемуаров А. Р. Кугеля охватывает годы 1896—1908. Автор сам оговаривается, что, не стремясь уйти от суб'ективизма, он дал скорее беллетристический, чем исторический материал. Впрочем, это не столько беллетристика, сколько остроумный и красочный фельетон. Однако, если фельетоны обыкновенно быстро выдыхаются, а собранные в книгу становятся пресными и скучными, то «фельетонные» мемуары А. Р. Кугеля читаются с интересом и несомненно передают в общем верно ту среду, в которой вращался автор, среду газетного и театрального мира, по преимуществу.

Весьма любопытна и та «философия» журнализма, которой обильно напитаны «Листья с дерева». А. Р. Кугель напоминает, между прочим, слова Яворской, убеждавшей актеров не волноваться из за рецензий: «С рецензентами бывают очень деликатны и любезны — о, весьма любезны — но их презирают...» Автор полагает, однако, что даже в таком невинно—безразличном деле, как театр, смель свое суждение иметь не так просто. «Никогда наружная цензура, как бы она ни была строга и придирчива, не может так обесцветить, обескровить, изуродовать произведение, как цензура внутренняя, добирающаяся, можно сказать, до самого костного мозга. Чувствуешь всегда себя до некоторой степени рабом, а у раба какие же крылья?... Какой это вздор, будто критика — легка, а искусство трудно. Не наоборот ли?»

Как превратно истолковывается иногда позиция критика, иллюстрируется автором таким любопытным эпизодом. Как известно, А. Р. Кугель с самого начала деятельности Художественного Театра, основанного в 1898 г., встал в решительную оппозицию новшествам К. С. Станиславского, «внесшего, по его и теперешнему мнению, не реформу, а деформацию в театр, раздробление его целокупной природы». Не знаю, может быть, для того, чтобы построить мир нового театра такой путь был нужен и очень полезен — и чтобы остаться в платье нового фасона и новой красоты, надо сначала раздеться до ниточки. Но диагноз мною был поставлен правильно: я видел крах старого пафоса...»

Оппозиция К. С. Станиславскому, с которым А. Р. Кугель познакомился лишь в 1921 либо 22 году, отнюдь не была продиктована сторонними критике соображениями, но вызвала весьма враждебное отношение товарищей по перу... Через несколько месяцев по-

сле знакомства, К. С. Станиславский писал Н. А. Попову из Парижа и рассказал, что его там посетил один «конфрер» не столько для интервью о достижениях и устремлениях театра, сколько для выяснения вопроса, сколько же именно, в совершенно точной цифре, будет уплачено Художественным Татром за рекламу и *publicité*. Когда же К. С. Станиславский постарался отвести вопрос в сторону от бухгалтерии, настойчивый конфрер спросил, переходя в плоскость русских бытовых условий, сколько же платили Кугелю и его журналу «Жизнь и Искусство» за то, что они 20 лет из номера в номер его бранили.... «Потому что всем известно и у нас это учитывается, что полемическая критика соответствующей страстности и с основным расхождением теоретических постулатов оплачивается двойным тарифом. Извольте, мы разделим эту сумму пополам, скинем, пожалуй, еще 10% и по этому тарифу вы заплатите нам.

Ça va, n'est ce pas ?

Очень удались автору некоторые характеристики, например, П. Н. Милюкова.

Когда судьба первой Государственной Думы уже была предрешена «хотя кадеты флиртовали с Треповым, в «Парламенте» выдался необычайно скучный день. Обсуждался бюджет второстепенных провинциальных учреждений на окраине: «Ну, и скучище же, — вырвалось у меня при встрече с П. Н. Милюковым, стоявшим среди группы журналистов. П. Н. Милюков отразил на лице своем сладостную истому и сказал — сказал, как в хорошем французском театре актер на роли первых любовников, получивший *grand prix* за комедию...

— Эх, я давно, давно мечтал о таком именно деловом заседании. Тихо, спокойно, никаких проклятых вопросов, все осталось позади... Ежедневная скромная работа парламента, ставшего необходимым учреждением в ряду государственных органов. Ах, когда это будет?

Я был вознагражден, замечает А. Р. Кугель, этою меланхолическою трелью à la Фет за всю скуку безнадежно потерянного дня. Мне сразу открылась тургеневская, так сказать, сущность кадетской партии... Полуразрушенные усадьбы, старый сад, журчание струй, красноречие Рудина, стыдливый румянец, разгоревшийся на щеках Наташи. Ah, que j'aime cette vie si calme et si douce. И волею судьбы Лаврецко—Рудинское поколение, называющееся кадетами, выброшено в водоворот истории, и вихрь циклона... «Они были несомненно умны и красноречивы, ораторы первой Думы, говорит он дальше: это годилось бы даже для выездных гастролей в стра-

ны Западной Европы. Но большинству не хватало воли к действию»...

Читатель, вероятно, согласится, что даже экскурсии А. Р. Кугеля в менее близкую ему область политики метки и остры.

Пожелаем скорейшего появления третьего тома «Воспоминаний» уже «о событиях недавних, еще неуспевших изгладиться» из памяти.

Д. Лут.

М. Л. Хейсин. «История кооперации в России». Все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Посмертное издание под редакцией и с дополнениями М. А. Скворцова и с предисловием председателя Центросоюза Л. М. Хинчука.

Издательство «Время», Ленинград, 1926 г. Стр. 386, т. IV.

М. Л. Хейсин — автор нескольких книг по кооперации и в то же время один из активнейших участников и пропагандистов кооперативного движения в России. Ему, быть может, лучше, чем комунибудь другому, известна масса фактов и явлений, с которыми он соприкасался, и событий, в которых он принимал участие. Даже смерть застала его на кооперативном посту, когда он, в роли экзаменатора, присутствовал в Ленинградском Кооперативном Институте. Однако то обстоятельство, что он был живым свидетелем и участником кооперативного движения и помешало ему, повидимому, написать историю кооперативного движения, достойную такого ответственного наименования. Уже само деление кооперации на: 1) кооперацию докапиталистического периода, 2) кооперацию капиталистического периода и 3) кооперацию социалистического периода, свидетельствуют о неудачности подхода М. Хейсина к кооперативному движению, как части исторического процесса в XIX веке. Достаточно указать, что кооперация, как общественное движение, есть порождение капиталистического строя и, следовательно, ни о каком докапиталистическом движении не может быть и речи. Конечно, кооперация существовала и в эпоху феодализма, и в античном мире, однако, это не было общественное движение, направленное к защите от эксплуатации, к борьбе с капиталистическим строем, как понимает и сам Хейсин, а лишь как технический прием при производстве работ, непосильных для исполнения одному человеку. Но писать историю такой кооперации — вещь рискованная, да и не ее имел в виду автор рецензируемой нами книги. «Явившись, как фактор экономической самозащиты, кооперация — говорит Хейсин — вместе с тем, приобрела значение и

как фактор экономической целесообразности» (стр. 13). Исходное положение определило, и дальнейший план при построении книги, сделавши его весьма дробным и не соответствующим основным моментам развития кооперации в России. Сам автор делит кооперативное движение на шесть периодов, начиная с 1862 г. (момента образования первых столярных артелей) и кончая 1920 г., да еще редактор М. Скворцов прибавляет седьмой — большевистский период. Таким образом, весь процесс развития кооперации укладывается в какие-то искусственные рамки. Так, например, первый период кооперации, по Хейсину, занимает отрезок времени с 1862 по 1870 г. и носит при этом название (банальное и неуместное) «барского» периода. Этим своим названием автор хочет сказать, что в первый период кооперация была руководима интеллигенцией и представителями дворянства, забывая, повидимому, что такое положение вещей оставалось вплоть до 1895 года, когда кооперация стала расти не сверху, а снизу — из недр народных масс.

Таковы недостатки «Истории кооперации в России» с внешней методологической стороны. С внутренней — при обилии разнообразия материала, имеющего прямое и косвенное отношение к истории кооперативного движения, нужно признать, что последний не обработан искусной рукой историка. Господство хронологических данных, наличность кооперативной библиографии чуть ли не рядом с попытками прагматически обрисовать рост и развитие движения — все это производит впечатление какой-то поверхностности и случайности в концепции автора, если не считать его марксистского *credo*.

Что же касается последнего, то степень его присутствия в рецензируемой книге сведена, безусловно, к минимальной роли, отчего, конечно, работа Хейсина мало проиграла.

Не таково на этот счет мнение автора предисловия — Хинчука, который на стр. 6-ой так характеризует труд Хейсина: «Сообщаемые им исторические факты не связаны единым их пониманием в вышеозначенном (марксистском) духе, а приводятся в хронологической их последовательности. Естественно, что это в значительной степени обесценивает тот огромный, в полном смысле этого слова, материал, который сумел собрать и обработать автор».

Отмечая перечисленные выше недостатки мы, тем не менее, признаем, что «Истории кооперации в России» найдется видное место в ряду других исследований по кооперации и в частности — по истории кооперативного движения. Это прекрасный справочник, полезный и необходимый для каждого кооператора, как настольная книга.

Къ сожалению, достоинства этой книги, как справочника, ума-

ляются тем, что издание носит на себе печать небрежности и типографской и редакторской. Огромный пропуск слов, без которых непонятен смысл фразы, замена одних слов другими (вместо декреты — употреблено «кредиты»), наконец, целый ряд опечаток — все это дает право сделать упрек и типографии и редактору, допустившим выход посмертного издания в таком неприличном виде.

Григорий Радченко.

А. А. Чупров. Основные проблемы теории корреляции. О статистическом исследовании и связи между явлениями. Изд. М. и С. Сабашниковых. Стр. 168 в 4°. 3 руб. 75 коп. 2000 экз.

Немецкое издание книги вышло в конце прошлого года, русское уже после смерти А. А. Чупрова, скончавшегося в Женеве 19 апреля текущего года. Роковая болезнь помешала автору просмотреть самому последние корректуры. Наблюдение за изданием взял на себя ближайший ученик покойного — Н. С. Четвериков.

В основу книги положен А. А. Чупровым небольшой курс теории, читанной им в страховом семинаре при университете в Христиании. Однако, книга предназначена и для обществоведов и для естествоиспытателей, причем имела в виду математическая подготовка читателей в объеме средней школы. В своей педагогической деятельности А. А. Чупров всегда не мало трудов полагал, чтобы сделать свое изложение курсов ясным, точным, глубоким по содержанию и широкими по захвату. Такой оказывается и настоящая книга. Будучи не только большим педагогом, но и великим ученым, А. А. Чупров даже и в этой книге, рассчитанной на массового читателя, подошел весьма своеобразно к системе изложения теории корреляций и создал книгу, которая в истории молодой науки не будет забыта.

Следует пожелать, чтобы скорее осуществлена была мысль об издании полного собрания сочинений А. А. Чупрова. Лучше всего, если бы за это взялась наша Академия Наук, членом—корреспондентом которой он состоял.

А. Ч.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

„ П Л А М Я “

Прага II. Jесна 32. Tchécoslovaquie.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ НОВИНКИ:

БОРИС ЗАЙЦЕВ. — Золотой узор. Роман из современной русской жизни. Стр. 304, формат 12,5 × 17,5 см. Цена ам. долл. — 96.

«**ЗОДЧИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**», сборник статей ко «Дню Русской Культуры» в 1926 г. Стр. 104, формат 21 × 26 см. Цена ам. долл. — 50.

С о д е р ж а н и е : Е. Шмурло: Что такое день русской культуры. — С. Завадский: Заветы Пушкина. — А. Кизеветтер: Ключевский. — А. Фатеев: Сперанский. — В. Розенберг: Салтыков-Щедрин. — В. Зеньковский: Ушинский. — И. Лапшин: Римский-Корсаков. — Е. Шмурло: Андрей Рублев. — М. Новиков: Академик Павлов. — Н. Подтягин: Лобачевский. — А. Эйхенвальд: Лебедев. (Орфография старая).

ШМИДТ-ОЧАКОВСКИЙ, Е. — Лейтенант Шмидт (Красный Адмирал). (Воспоминания сына). Стр. 298, формат 17,5 × 25 см. Цена ам. долл. — 1.50.

Автор является очевидцем севастопольских событий революционного 1905 года. Во время обстрела крейсера «Очаков» он находился вместе со своим отцом и пережил с ним весь первый период заключения на корабле и в каземате Очаковской крепости. Описанию событий и участия в них лейтенанта П. П. Шмидта автор предпосылает краткую биографию своего отца и дает художественную характеристику его исключительной личности.

ЦИММЕРМАН, М. А. — Вмешательство и признание в международном праве. Стр. 256, формат 17,5 × 25 см. Цена ам. долл. — 2.00

Эта книга представляет крупный интерес не только для юристов и журналистов. В ней затрагиваются вопросы, имеющие общее значение: вмешательство в эпоху Франц. Революции и Священного Союза, доктрина Монрое, борьба национальностей и вмешательство, вмешательство президента Вильсона в эпоху мировой войны. Наконец, очень подробно освещается — в первый раз на русском языке — вопрос о признании восставших, воюющих наций, государств и правительств. Здесь в сжатой форме изложен громадный исторический и правовой материал, и каждый, кто интересуется современной международной жизнью, не может не ознакомиться с книгой, бросающей новый свет на целый ряд вопросов, имеющих остро-актуальный характер.

На складе издательства большой ассортимент книг и журналов зарубежных, советских и довоенных изданий и антикварната.

Все новинки русской, украинской и чешской литературы.

Большой выбор русских и чешских нот.

Богатый выбор русских, японских, китайских и других открыток.

СКЛАД принимает заказы на все существующие в продаже книги и журналы на всех славянских языках.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

„ П Л А М Я “

Praha II. Jecna 32. Tchécoslovaquie

Готовятся к выходу:

КОЧАРОВСКИЙ, К. — Социальный строй России. Около 100 стр., формат 17 × 22 см.

Содержание : I. Задачи работы. — II. Исторические предубеждения. — III. Город, индустрия и капитал. — IV. Буржуазия. — V. Пролетариат. — VI. Трудовая интеллигенция. — VII. Помещики. — VIII. Социально-экономическая структура крестьянства. — IX. Общинно-кооперативная организация крестьянства. — X. Культурно-политическая самостоятельность крестьянства. — XI. Социальное сложение новой России. — XII. Общие положения.

СОКОЛОВ, БОРИС. — О тех, кто ищет. Чешские силуэты. Эдуард Бенеш — Франтишек Билек — Отакар Бржезина — Томаш Гаррик Масарик — Ян Штурза. Около 160 стр., формат 14 × 19 см. Обложка и рисунки худ. Вацлава Шпалы.

ЯКУБЕЦ, В. — История чешской литературы (с древнейших времен до 60-х годов XIX века). Перевели Е. Н. Матвеева и д-р В. М. Куст. Около 320 стр., формат 17,5 × 25 см.

Содержание : I. Постепенное приспособление чешского развития к культуре и литературам запада. — II. Реформационное движение. Ян Гус. Гуситство. Петр Хельчицкий. — III. Община Чешских Братьев и гуманизм. — IV. Литература изгнанников. Коменский. Упадок. — V. Иозефинизм. Иосиф Добровский. Расцвет чешского языка. Чешская иозефинистская литература. — VI. Иосиф Юнгман и его школа. Начатки чешской романтики. Краледворская и Зеленогорская рукописи. — VII. Славянская идея в чешской поэзии и в науке. Ян Коллар. П. И. Шафарик. Возвращение к чешской истории. Фр. Палацкий. — VIII. Чешская поэзия под влиянием народного поэтического творчества. Фр. Лад. Челаковский. — IX. Драма и беллетристика. В. Кл. Клицпера. И. К. Тыл. Я. Г. Марек. Пр. Хохолоушек. — X. Новоромантизм. К. Г. Маха. — XI. Молодая Словакия. Л. Штур и его школа. Политическое пробуждение. К. Гавличек. Возвращение к славянской идее. Реакция. — XII. Чешская народная жизнь в беллетристике. Божена Немцова. —

НОВАК, А. — Современная чешская литература (от 60-х годов XIX века до наших дней). Перевели Е. Н. Матвеева и д-р В. М. Куст. Около 256 стр., формат 17,5 × 25 см.

Содержание : I. Обновление чешской поэзии: Неруда, Галек и их современники. — II. Панславистские и исторические тенденции в чешской литературе. — III. Космополитизм в чешской поэтической литературе. — IV. Реализм в чешской новеллистике и драме. — V. Борьба науки и критики за новые жизненные ценности.

Для настоящего издания автором даны дополнения и работа доведена до начала 1926 г.

❖   ❖

ВВИДУ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ, НОМЕРА ЖУРНАЛА «ВОЛЯ РОССИИ»
ЗА ИЮНЬ И ИЮЛЬ ВЫХОДЯТ ДВОИНОЙ КНИЖКОЙ.
СЛЕДУЮЩАЯ ДВОИНАЯ КНИЖКА ЗА АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ ВЫИ-
ДЕТ В ПЕРВЫХ ЧИСЛАХ СЕНТЯБРЯ.

❖   ❖

Четвертый год издания.

Четвертый год издания.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

❖ „ЗВЕНО“ ❖

еженедельный журнал литературы и искусства, выходящий в Париже
под ред. М. М. Винавера и П. Н. Милюкова.
Подписная цена вне Франции: 1 мес. — 3 фр., 3 мес. — 8 фр., полгода
15 фр., на год — 28 фр.

Адрес конторы: 26, rue Buffault, Paris (9^e).

Пробные номера бесплатно.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Редакция и контора:
Riga (Lettonie) — Le Kadeju
iela, 43. Тел. 20—76, 34—48 и
83—40.

Цена отд. номера в 32 стран:
В Латвии — 80 сент (40 р.)
В Чехословакии — 8 ½ к. ч.
В Германии — 80 пфен.
За границей — 20 ам. цент.

„PEREZVONY“

Генеральные пред-ва:
В Чехословакии: Изд. «ПЛА-
МЯ» (Praha 11., Jesna, 32),
В Польше: Изд. «ДОБРО»
(Warszawa, Hoza, 45—8).
В Болгарии: книжн. торговля
Н. Алексеева (София, Б. Тырно-
ново, 17).
В Вене: А. В. Мухин (Wien Pe-
tersplatz, 9).

Сотрудники: М. А. Алданов, К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин, Ю. Галич,
О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Бор. Зайцев (ред. литерат. от-
дела), А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, И. Лукаш, С. Минцлов, проф. Н. И.
Мишеев, Мих. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Ник.
Чириков, Марина Цветаева, И. Шмелев, Сем. Юшкевич. Художники:
акад. Н. П. Богданов-Бельский, акад. С. А. Виноградов, Ю. Г. Рыковский и
др. О б л о ж к а — работы М. Добужинского.

Постоянные отделы: Детский уголок. По белу свету. Искусство.
Из области науки, открытий и изобретений. Русская книга.
В каждом номере репродукции картин известных русских и иностранных
художников. — Из них 2 в красках.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 г.
(Седьмой год издания)

ЕДИНСТВЕННАЯ В ПОЛЬШЕ
БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

—:— „ЗА СВОБОДУ!“ —:—

Выходит при расширенном составе сотрудников и при ближайшем участии: М. П. Арцыбашева, П. Э. Бутенко, В. В. Португалова, Д. В. Филофова и Е. С. Шевченко.

СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ:

В Париже, Берлине, Праге, Риге, Белграде и Бухаресте.

ПОСТОЯННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:

Из Баранович, Вильню, Гродно, Дубно, Острога, Кременца, Ровно и пр.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА ГАЗЕТУ:

В Польшѣ:		Заграницу:	
На 1 мѣс. с перес.	5 зл. 50 гр.	На 1 мѣсяц	2 дол. ам.
„ 2 „ „	10 „ 50 „	„ 2 „	3 „ — 75 ц.
„ 3 „ „	16 „ — „	„ 3 „	5 „ — 50 ц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

WARSAWA, DŁUGA 50, Pasaż Simonsa,

№№ 30—31. Телеф. редакции 109-30; конторы 165-66.

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

V г. изд.

„ ДНИ “

V г. изд.

Выходит ежедневно, кроме послепраздничных дней в Париже.

Специальные
срочные сообщения
из России.

Полная информация
о политической
жизни заграницей.

Рабочее
социалистическое
движение в Европе.

Собственные корреспонденты в крупнейших центрах Европы, Америки и странах ближнего и дальнего Востока.

Хозяйственная жизнь России. — Искусство, театр и музыка в Европе и России.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ: Большой культурно-литературный отдел.

ПО СРЕДАМ и СУББОТАМ: Особый отдел: «РУССКИЙ ТРУД ЗАГРАНИЦЕЙ», посвященный защите экономических и культурных интересов русских трудящихся заграницей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Париж — 11, rue Etienne Marcel prolongée, Paris 3, (chèque postal N° 80,446.
Прага — Panska ul. 16 (почт. счет 26,998; банк: Prazské Uverni banka, Banka stav. ziva. a prumyslu). Берлин — Berlin SW. 68, Lindenstr. 3 (Postschek-Konto, Berlin 52,698; банк: Disconto-Gesellschaft, Dep. Kasse, Lindenstr. 3). Белград — Filialka Prazské Uverny banky. София — Filialka Prazské Uverni banky.

Объявления принимаются в Гл. Конторе и ее отделениях, и у генерального представителя О—ва "Le Flambeau", 34, Boulevard des Italiens, Paris.

Imp. d'Art Voltaire (O. Zeluk, directeur) 4, Pass. Alexandre, Paris